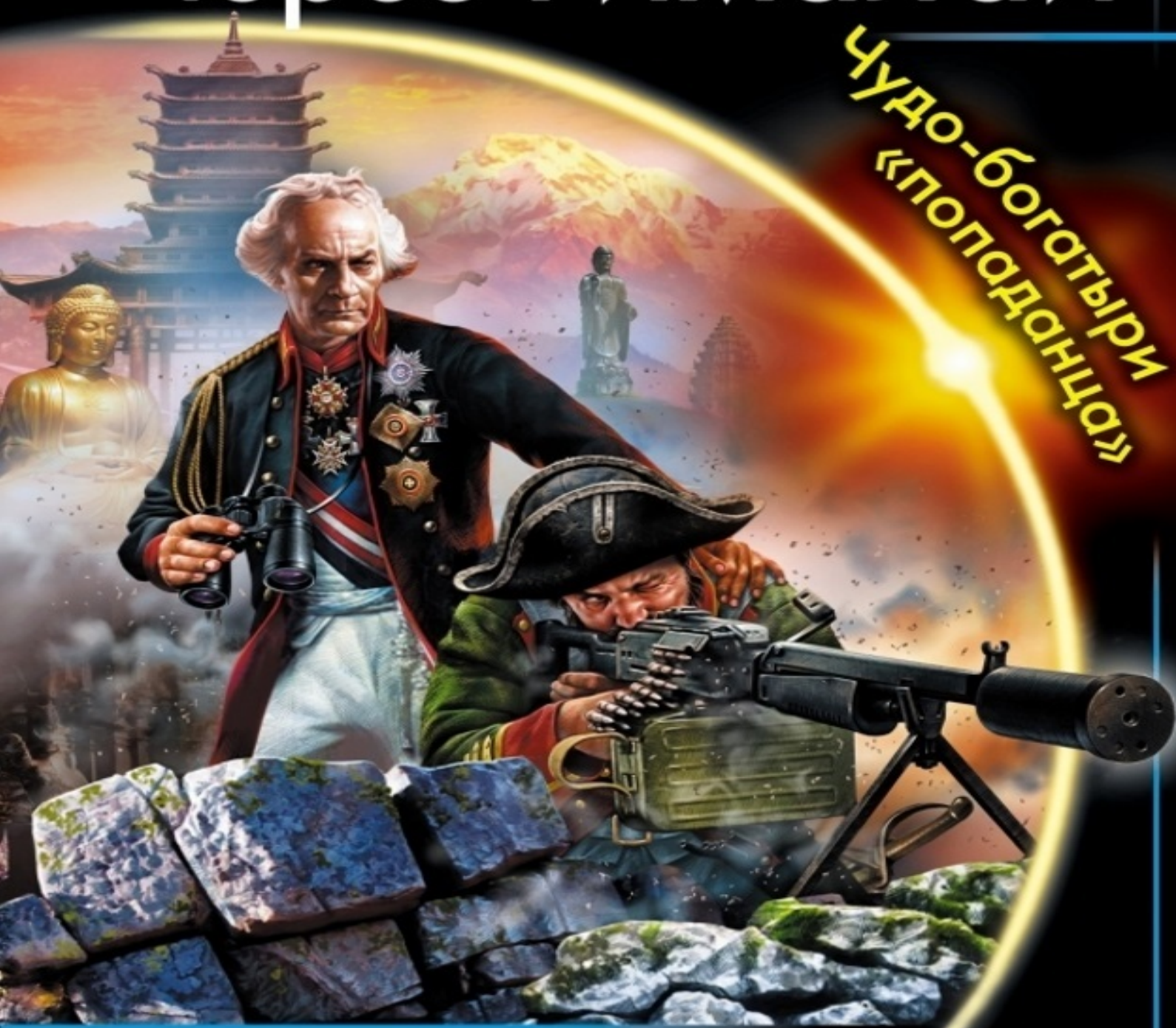

Переход Суворова через Гималаи

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

*Чудо-богатыри
«попаданцы»*

Герман РОМАНОВ

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «„Попаданец“ на троне», «Самодержавный „попаданец“» и «Царский блицкриг»! Оказавшись на месте императора Петра III, наш современник превращает Россию в мирового лидера. Но победы русского оружия и успехи отечественной промышленности неизбежно ведут к столкновению с хищной Британией, которая ради сохранения былого господства развязывает против российского «прогрессора» полномасштабную войну. Мировой пожар разгорается от Русской Аляски до Соловков, от форта Росс в Калифорнии до Варшавы, от Персии до Квебека, от Иерусалима до Индии, где и будет решаться исход войны, — чтобы обломать зубы британскому льву-людоеду, нужно лишить Владычицу морей «главного бриллианта в ее короне». А значит — даешь Калькутту! Даешь Бомбей! «Чудо-богатыри» фельдмаршала Суворова покоряют Гималаи. Индусы встречают арийских братьев с севера как освободителей. Русский солдат омоет сапоги в Индийском океане! Над Российской империей больше не заходит солнце!

- [Герман Романов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Часть первая «ПРАВЬ, БРИТАНИЯ, МОРЯМИ»](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ 28 июня 1802 года](#)
 - [ДЕНЬ ВТОРОЙ 29 июня 1802 года](#)
 - [ДЕНЬ ТРЕТИЙ 30 июня 1802 года](#)
 - [Часть вторая «СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ»](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ 26 ноября 1802 года](#)
 - [ДЕНЬ ВТОРОЙ 2 декабря 1802 года](#)
 - [ПОСТСКРИПТУМ ПЕРВЫЙ](#)
 - [ПОСТСКРИПТУМ ВТОРОЙ](#)
-

Герман Романов

**ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ ГИМАЛАИ
ЧУДО-БОГАТЫРИ ПОПАДАНЦА**

*Светлой памяти трагически погибших племянников Андрея
Бугакова и Александра Колесника ПОСВЯЩАЮ*

Петербург

15 марта 1801 года

— Моя воинская честь, сир, не пострадала, ибо тогда я был еще молод! К тому же противником стал ваш непобедимый маршал Суворов! Да и другие наши прославленные генералы не имели удачи в боях с войсками вашего императорского величества!

Второй консул Французской Республики, дивизионный генерал Жан Виктор Моро, еще не достигший и сорока лет, в расшитом золотой мишурой синем мундире горделиво вскинул подбородок, как будто заранее ожидал от российского императора похвалы. И он своего достиг, услышав из уст собеседника должную оценку собственных дарований.

— Вы тоже неплохо дрались, генерал. Фельдмаршал о вас самого прекрасного мнения — сказал, что вы из лучших военачальников Франции. Да и войска первого консула Гоша мне собственными глазами довелось зреть в сражении под Яффой... Тоже, как и вы, энергичный молодой человек! Чересчур даже... Генерал Жубер вообще славный юноша, совсем как мой внук, только горяч не в меру — потому и бит был нещадно под Нови. А вы молодцом, что командование тогда приняли и войска отвели, не побежали от нас в панике ваши части...

«Для того чтобы в плен вместе с раненым Жубером под Миланом попасть! Нужно было войска отводить, мы же на неудачных позициях бой приняли и потерпели поражение!»

Моро горько усмехнулся, но на душе все равно стало легче. Первый консул Гош, в свою очередь, не смог и отступить, потеряв всю армию, а сам бежал в Египет.

— А так, — русский император широко улыбнулся, — славные были битвы! Ваши солдаты дрались великолепно, почти как янычары под Кагулом. Французы храбры как львы, и если бы моих солдат было вдвое меньше, то нас могли бы и победить! Вот только боги войны рассудили иначе...

Моро содрогнулся — несмотря на уважительный тон, в словах проскочила язвительная насмешка. При Нови и Яффе республиканские войска имели вдвое большую численность, чем русские, но были безжалостно разбиты. Четырехкратный перевес, как следовало из высказывания царя, тоже не стал бы надежной гарантией для победы над москвитями. А потому сравнение с турками не вызвало резкой вспышки, а лишь горькое осознание собственного бессилия, которое вылилось в совершенно искренний ответ.

— Ваши солдаты, сир, достойны стать непобедимыми! Я видел их в бою не раз и не два и, честно признаюсь, не хотел бы еще раз столкнуться с ними на поле брани. — Моро внимательно посмотрел на Петра, но совсем иными глазами, чем прежде. То, что он раньше принял за старческую немощь, оказалось насланным мороком, миражом, утренним туманом, наваждением, призванным скрыть подлинную сущность.

Плавные и отточенные движения, в которых не было ничего лишнего, свойственны только опытным солдатам, которые не станут зря расходовать имеющиеся у них силы, не столь большие, как в молодости. Шрамы на лице свидетельствовали, что император не избегал схваток, не понаслышке зная, что такое штыковые атаки.

«А ведь правду говорят, что он собственной рукою истребил два десятка гвардейцев, когда усмирять их мятеж сорок лет тому назад. Против османов ходил в атаку не раз, одна битва под Кагулом многого стоит! — Моро взглядом опытного военного пробежал по лицу императора. — Шрам на голове оставлен ятаганом, что разрубил каску... Прекрасный удар, и чудо, что он оправился от такой раны. Щеку царапнула пуля, ссадина пожелтела — давненько было.

Гвардейцы?! Или янычары? На подбородке ранка, волосы не растут — не от шпаги ли самым кончиком досталось? Похоже на то... Правую кисть покалечило, шрам под обшлаг уходит. Да и белый крестик на груди с бантом, а последний дается лишь тем, кто был ранен в бою!»

— Я не боюсь войны с Францией, Жан Виктор! Но не хотел бы воевать с вашими солдатами снова, генерал! Мы и так только зря пролили нашу драгоценную кровь, а в выгоде от этого взаимного кровопускания остались рыжеволосые бестии, что засели на своем проклятом острове!

Моро в изумлении широко раскрыл глаза от столь шокирующей откровенности старого императора. Теперь, после его слов о британцах, Второй консул Республики вздохнул с неприкрытым облегчением — точка соприкосновения найдена, и появилась возможность хоть как-то договориться с русскими, невероятное могущество которых поразило генерала еще в Далмации, где под Триестом его зарвавшаяся победоносная армия, наголову разгромившая австрийцев, наткнулась на войска Суворова.

Воспоминания о той ужасной битве опалили душу генерала, он никак не ожидал, что дикие московиты, над которыми смеялись в Париже, будут настолько опасны.

И не просто отважны...

Русские вооружены скорострельными и дальнобойными мушкетами, аналогов которым во Франции, несмотря на четыре прошедших года, до сих пор не сделали. И они вряд ли время напрасно теряли, почивая на лаврах! С таким императором не расслабишься, могли и что-то пострашнее придумать из «марсового» арсенала, ведь недаром у них и поговорка есть, что за истекший срок много воды может в реке утечь...

— Генерал, вы еще не родились, когда я со шпагой в руке водил гренадер в атаку! Потому давайте говорить откровенно. Мы с вами люди военные, не будем ходить вдоль и около. Повторю еще раз — я не боюсь войны с Францией! Только все дело в том, что она мне не нужна. Да и вам тоже по большому счету. Зачем нам воевать? Ради чего?

— Сир, я полностью согласен с вами! Генерал Гош также не желает воевать с вашей империей! Но дело в том, что у нас нет гарантий, что вы в один из дней не обрушитесь на Францию своими победоносными войсками, устоять против которых невероятно трудно...

Генерал Моро говорил осторожно, глаза продолжали ощупывать Петра. Русский император усмехнулся и подошел к стене, плотно закрытой шторами. Он, потянув за шнур, их раздвинул, открыв большую, метров на шесть в длину, карту.

Жан Виктор впился в нее глазами, чувствуя, как в груди нарастает возбуждение. Такой подробнейшей схемы сего мира он еще не видел. Карта потрясла его тем, что все страны и континенты были тщательно обрисованы в их границах. Кроме того, еще дана разноцветная маркировка ведущих держав и их колоний.

Главное место на ней занимал красный цвет — огромное пространство от Балтики до Луизианы, единственной оставшейся французской территории в Новом Свете.

Английские владения отсвечивали голубым цветом, щедро разбросанным большими пятнами по всему миру.

Доминирующее место занимал желтый цвет, но если в Африке и Азии испанских территорий было немного, то Латинская Америка словно превратилась в сказочную страну Эльдорадо, цвет презренного металла буквально покрывал ее.

И менее всего на карте присутствовала темно-синяя расцветка его родной страны — ею покрыта лишь Франция и немногочисленные колонии, разбросанные по трем частям света.

Приглядевшись, Моро увидел тонкий пунктир, что шел по Рейну, огибал Швейцарию, как бы проглатывая Гельветическую республику, через Альпы спускался в Италию, где сталкивался с коричневой штриховкой «Священной Римской империи германской нации».

— Хорошая карта, — за спиной раздался насмешливый голос, — взяли глобус, сняли верхушки, и вытянули на всю стену. Шучу, шучу!

Однако голос русского императора тут же сделался серьезным, а взгляд по-настоящему пронзительным.

— Смотрите генерал, Республика уже потеряла практически все земли, бывшие при королях. Вас вышибли из Индии, ваши колонии всегда под угрозой... Правда, в Европе вы взяли определенный реванш у союзников Англии, но это на время. Как только ваши солдаты шагнут за Рейн, они именно это хотят сделать, неизбежно начнется новая война, и вам предстоит драться с моей армией. Ведь так, генерал?

Моро пожал плечами, вопрос был чисто риторический и не требовал ответа, да и не за этим он приехал в Петербург. Император словно прочитал его мысли и, усмехнувшись, заговорил дальше:

— Признаться, и мы не хотим войны, повторю еще раз. Хотя Англия предлагает мне семь фунтов за каждого солдата, причем просит выставить не меньше сотысячного корпуса...

Моро мысленно кхекнул от удивления, сумма потрясла его воображение. И это при том, что австрийцам и пруссакам, как он знал, Лондон соглашался выплачивать лишь по два фунта.

— Просто у нас хорошее оружие, генерал! — за спиной раздался уверенный голос императора. — А за прошедшее время, после той нашей первой войны с Республикой, мы времени даром не теряли. Смею вас заверить, генерал, у нас сейчас самые лучшие в мире пушки и ружья!

— Я согласен с вами, сир... — глухим голосом произнес Моро, внутренне ежась от дьявольской пронизательности русского царя. Действительно, то, что он увидел в битве при Нови, поразило его, как военного.

Русские орудия стреляли чуть ли не на лье, вдвое дальше, чем французские, а их снаряды были начинены гораздо более мощным веществом, чем порох. Моро прекрасно помнил, как взрывались они в воздухе белыми клубками, а их смертоносная начинка — железные шарики и осколки, валили на землю его солдат целыми шеренгами.

Да что пушки, скорострельные ружья собирали жатву более кровавую! Если самые лучшие нарезные лиможские штуцера стреляли на семьсот шагов, и в минуту можно было выстрелить лишь пару раз, причем солдат должен быстро производить перезарядку, орудия шомполом, то русские винтовки прицельно стреляли на тысячу шагов, делая при этом в десять раз больше выстрелов.

Да еще их многоствольные пулеметы — Моро даже в мыслях научился выговаривать это трудное русское слово, свинцовый град которых буквально выкосил его кавалерию.

— Да, да, пулеметы, генерал!

Моро вздрогнул, он не ожидал, что русский император так легко начнет читать его мысли.

— Поверьте, когда у нас будет достаточно патронов, они станут царить на поле боя! Но уже сейчас каждый наш полк имеет по две такие установки, которых нет у вас!

«К нашему великому сожалению! — подумал Моро. — Будь у меня эти самые пулеметы, то ваш Суворов не смог бы прорвать ряды моих войск дикими казаками! Патроны, патроны, но где же их взять? Нужен капсульный состав, а вы, сир, — он поежился, чувствуя взгляд Петра между лопатками, — нам его ни за что не продадите, как тем же пруссакам. А без патронных ружей мы не сможем победить, и Гош, и Жубер это хорошо понимают, только зря солдат положим!»

Несмотря на мрачные размышления, Моро старался держать лицо непроницаемым, он уже боялся русского монарха с его дьявольским, другого слова и не подберешь, умением читать чужие мысли.

— Я не хочу видеть французских солдат за Рейном! И за Пиренеями тоже — все же

тамошний король мне родственник, да и владения за океаном имеет обширные. Германцы должны остаться в нынешнем состоянии, и как можно дольше. Объединение тевтонов в единое государство я не приемлю, и неважно, под чьей эгидой оно бы могло произойти. Италия ваша, генерал, как и те земли, куда вышли французские войска. Но славяне — наши братья и по крови, и по языку! И мы вместе должны убедить Австрию поступиться! Эти условия непременно должны быть приняты Гошем, по всему остальному мы можем договариваться. Мир так велик, генерал, посмотрите на эту карту, — Петр сжал до хруста кулаки, — и единственным препятствием стоит Англия!

Моро чуть ли не задохнулся от острого приступа ошеломляющей радости — о лучшем исходе переговоров он и не мечтал, отправляясь в Петербург. Царь дал намного больше, чем в Париже рассчитывали. Но теперь нужна осторожность, чтобы не спугнуть капризную Фортуну!

— Ваше императорское величество, — осторожно начал генерал, — от имени консулов Французской Республики я уполномочен вести с вами переговоры! То, что вы, сир, великодушно предложили, вполне подходит для заключения между нашими странами договора, основанного на сердечном согласии...

Моро тщательно подбирал русские слова, ощущая себя словно в горах, идущим по узкому карнизу и страшащимся сорваться вниз, в бурлящую реку, на острые камни. Такое состояние он уже испытывал не раз — во время Итальянских походов, когда его войска не раз переходили через Альпы.

Второй консул вот уже пять лет со всем рвением изучал русский язык. Полгода в плену, а потом со специально нанятым учителем из российского посольства, который, смущаясь, весьма огорчил генерала тем, что речь, мастерски освоенная с помощью казаков и суворовских гренадеров, — не совсем русский язык и в приличном обществе, особенно в присутствии дам, ею лучше не пользоваться.

Но сейчас, как назло, те первые слова, что он выучил, сами лезли из горла, и Моро прилагал отчаянные усилия, чтобы не перейти на родную французскую речь, которой русский император владел превосходно. Вот так и шла их двуязычная беседа, где стороны показывали свои лингвистические способности.

— На сердечном согласии? Постойте, генерал... — император неожиданно перешел на русский, отчеканив, — «Антанте корриаль» и есть «Сердечное согласие»... Как вы удачно нашли слово, ваше превосходительство! Пусть наш союз и станет Антантой, лишь бы второй раз, вернее, первый, на те же грабли не наступить!

— На грабли? Но зачем нам наступать на сельскохозяйственный инвентарь, ваше величество?

— Наступать незачем, генерал, — Петр хмыкнул, — но остерегаться все же нужно! Это я так про Англию аллегорично выразился!

— Простите, сир, я не понял сначала! — Моро сиял. — Если мы вместе начнем воевать с британцами, то, думаю, рано или поздно мы победим...

— Последнее меня категорически не устраивает — война слишком скучна, если тянется долго. Да и дорогим удовольствием становится. Поэтому давайте решим с вами, генерал, как нам быстрее реализовать первый вариант!

Гостилицы

Яркий, ослепительный свет ударил сквозь веки вспышкой фотоаппарата, направленной прямо в лицо чей-то умелой рукой. Петр непроизвольно отшатнулся, крепко зажмурившись, не в силах проморгать глаза. Ему даже показалось, что он полностью потерял зрение.

«Я ослеп?!»

Накатившаяся на душу и разум паника вкупе с холодным и липким потом сковали тело ледяным пленом. Но тут же в голове застучали малиновыми переливами церковные колокола — динь-дон, динь-дон, динь-дон...

Бу-ум!!!

Оглушающим звоном подал голос большой набатный колокол. Его гул заставил завибрировать каждую клеточку тела, Петру даже показалось, что он словно растворяется в этой громогласной музыке, что с детства пропитывает православный люд.

Страшная слабость в коленях подкосила его, Петр безвольной куклой опустился на землю и откинулся на спину, разбросав в стороны руки, припав всем телом к шелковистой траве, будто утонув в ней, как в пуховой перине, что лежала в опочивальне у супруги.

От земли исходила приятная теплота, которая начала наполнять тугими волнами безвольное прежде тело. Слабость стала потихоньку отступать, организм неожиданно наполнился силой, причем намного большей, чем та, что была в мышцах раньше.

«Надо же, а ведь русские сказки не врут! Богатыря враги с ног свалят, а он прикоснется к земле-матушке и от нее уже новых сил набирается. Кому сказать такое, не поверят! Еще скажут, что новый Илья Муромец выискался, засмеют меня втихомолку, паршивцы этакие!»

Мысли в голове медленно тянулись густой патокой, той самой, в которой мгновенно вязнут ушлые и назойливые мухи своими лапками.

Петр бережно потер ладонями глаза, на секунду испугавшись возможной слепоты, и после некоторого вполне понятного промедления разомкнул пальцами веки.

— Ух ты, я прям как Вий стал! Поднимите мне веки, поднимите мне веки! — с нескрываемым облегчением засмеялся Петр, чувствуя, как тягучий страх отступил, и тут же словно камень упал с души. — У... «Волчье солнышко»! Куда ж без тебя!

То, что он со страху принял за слепоту, оказалось всего-навсего глухой ночной тьмой, а оставшийся в мозгу светлый, ослепительный овал вспышки — яркая луна, что полным колесом, на радость волкам, медленно качалась на небесном своде, оставляя на земле длинную полосу прямой тропинки, которая начиналась прямо у его ног.

— Так это только полнолуние! Напрасно испугался ты, братец, что в тройку великих слепцов попадешь — Гомер, Мильтон, Паниковский... И я на этой лавочке рядышком с ними!

Петр искренне захохотал, замотав головой из стороны в сторону, словно конь, отгоняющий назойлива слепней. Сейчас он торопился поскорее избавиться от вызвавших панику мыслей. Однако, подняв голову и оглядевшись кругом, кхекнул от удивления.

— Ни хрена себе, как по заказу...

Лунная дорожка вела прямо к величественной церкви, массивные белые стены которой высились перед ним высоченной преградой. Петр задрал подбородок, пытаясь разглядеть купола, однако ночная тьма надежно укутала позолоту храма непроницаемым покрывалом.

— Ба! Знакомые места, ведь я здесь дважды бывал во снах! Точно, точно, та самая церковь, тут к бабке не ходи... Правда, раньше был день и вечер с багровым закатом, а теперь

ночь. Хм... Так, значит, это сон... Тогда в первый раз дедушка Петр Алексеевич тросточку мне подарил, перед этим ею же ребра пересчитав! Отделал, как бог черепаху! Во второй раз обниматься полез, родственничек! Чуть ли лицо мне не опалил... Твою мать!!! Помяни черта к ночи...

Стоило ему подумать об императоре Петре Великом, как тут же из темноты вышли две долговязые фигуры. В руке первой, шагающей, как журавль на прямых ногах, знакомой походкой, покачивалась дубинка.

А во второй фигуре Петр с первого взгляда опознал старого знакомого — «счастья баловень безродный», Александр Данилович Меншиков был в своем репертуаре: расфуфырен, как петух во время брачного сезона, в роскошном завитом парике, золотого шитья на кафтане хватило бы позолотить купол если уж не церкви, то часовенки точно...

— Надо же, стоило мне вспомнить про эту парочку, так они тут же явились. Накаркал! — сквозь стиснутые зубы, чуть слышно пробормотал себе под нос Петр, напряженно всматриваясь в приближающегося к нему первого Российского императора.

— Ну здрав будь, мой внук! Давненько мы с тобой не виделись! Почитай больше тридцати лет минуло...

— И тебе не хворать, дедушка!

Негромко огрызнулся Петр, которому очень не понравилась выразительная гримаса, пробежавшая по лицу «великого преобразователя дикой Московии». Да еще эти кошачьи усики, которые не могли спрятать ехидную улыбку...

И опять же Меншиков, крутя пальцем длинные локоны завитого парика, довольно похабно оскалился во все ослепительно-белые зубы, будто узрел Петра в какой-то непотребщине. Гнев в душе на царского фаворита тут же полыхнул яростной вспышкой.

— Ты зубы-то спрячь, а то выбью, казнокрад! Кто три годовых бюджета России спер?!

— Да я... Что ты, батюшка, напраслину возводишь?! Честного слугу всякий обидеть норовит...

— Цыц, Алекашка! — неожиданно грозно рявкнул император во весь голос, с немым одобрением глядя на Петра.

— Ворюга ты известный, Данилыч, так что помалкивай, а не то моей дубинки отведаешь!

— Так его императорское величество поклеп на меня соизволил возводить, мин херц! Какие три бюджета?

Округлившимися, прямо-таки честными глазами бывший сын конюха, в одночасье ставший светлейшим князем, посмотрел на своего обличителя, который встретил взгляд с насмешливой улыбкой. И тот, странное дело, смутился, стал притоптывать ботфортами, в задумчивости забормотал себе под нос. А пальцы правой руки зажили своей жизнью и принялись потихоньку сгибаться, будто Меншиков что-то подсчитывал.

— Нет, батюшка-государь, три бюджета чересчур много! Один, ну полтора от силы... Никак не больше!

— Молчи уж, дурень вороватый, потому-то здесь ты и мучаешься, дай я с тобой...

Петр Алексеевич тяжело вздохнул, его нескладная фигура сгорбилась, будто на узкие, но отнюдь не слабые плечи взвалили нешуточную, неподъемную для обычного мужнины тяжесть.

«Ах, вон оно что!»

Догадка пронзила Петра, и ему стало жалко этого большого и нескладного человека.

«Да, правильно у Экклезиаста сказано — время разбрасывать камни, время собирать камни...»

— Зубы-то болят, внук?

Вопрос ошарашил Петра, и он машинально провел сухим языком по еще крепкому,

несмотря на возраст, «частоколу».

— Да вроде не болят... — после долгой паузы осторожно ответил Петр, чувствуя всем нутром, что император не мог просто так задать этот вопрос, тут явно присутствовал какой-то подвох.

— Возьми уж, она тебе пригодится!

Император протянул Петру дубинку, но тот брать ее не спешил, даже убрал руки за спину.

— Да ни к чему она мне, да и зачем?

— Зубы вышибать будешь!

Меншиков глумливо засмеялся, и бешенство тут же тугим комком подкатило к горлу.

— Поговори у меня! С тебя первого и начну!

— Так его, Петр, пусть знает свое место! А зубы, внук, не вышибают. Я их с корнем рвал!

— Так то ты, дедушка, а мне это не к лицу...

— Ну как знаешь, внук! Не хочешь брать дубинки, не надо, наше дело предложить.

Император поглядел с какой-то непонятною тоскою в глазах, тяжело вздохнул, покачал головою и глухо добавил, протянув к плечу Петра свою натруженную, в застарелых мозолях ладонь.

— А вот силенок мыслю, тебе много понадобится, негоже из-за больных зубов дела великие прерывать!

Петр содрогнулся всем телом, тяжелая длань императора давила ему на плечо раскаленной болванкой в добрую сотню пудов. Колени непроизвольно подогнулись. Жаркая боль мгновенно охватила все плечо и стала расползаться по телу, терзая его и корежа. Теряя сознание, Петр отчаянно рванулся от деда и громко закричал, чуть ли не завизжал:

— Уй-я-я!!!

Побуждение оказалось спасительным, плечо перестало немилосердно жечь, и, закрепляя успех, Петр рванулся в отчаянном броске...

— Ух ты!

И неожиданно проснулся, открыв глаза, перед которыми застыла белая пелена в красных отсветах. И тут же почувствовал, что куда-то падает, что твой Икар, не в силах остановить неудачный полет.

— Мля!

Больно стукнувшись лбом о дощатый пол, Петр понял, что это не продолжение сна, а самая доподлинная реальность...

Петербург

— Ты бесподобен, мой милый Чарльз! Давно я так хорошо не проводила времечко! Муж совсем фамилию не оправдывает, мерин выхолощенный, постылый...

Английский посол чувствовал себя таким же выжатым лимоном, как те крупные желтые плоды, что шли к традиционному вечернему чаю — от таких милых домашних привычек истинные джентльмены не отказываются даже на чужбине.

Вот и эта женщина, охочая до ласк, как ненасытная менада, и безумно жадная до денег, буквально выпивала из него все соки — как в постели, так и в его секретере из добротных дубовых досок, где он держал самое главное оружие настоящего дипломата, без которого любой политик немислим.

Там в тугих кожаных мешочках ожидали своего часа взглянуть на дневной свет полновесные золотые монеты — французские луидоры с профилем казненного короля, добрые

английские гинеи и соверены, но главным образом полновесные русские империялы.

Уинтворт стоически переносил эти неприятности, которые, положа руку на сердце, таковыми и не являлись по большому счету. Когда речь идет об интересах британской короны, не может быть ни малейших стенаний о каких-либо неудобствах.

Ведь дело превыше всего!

Если бы от него потребовалось совокупиться в паршивом сарае с грязной чухонской девкой, лощеный британец не задумался бы и на минуту. А ведь он сейчас лежит не на гнилой соломе, а на мягкой пуховой перине, тело обдает горячим женским жаром, ноздри ловят аромат полузабытого французского парфюма, ласкающий и возбуждающий одновременно, а мягкие руки нежно обвивают шею.

Что же касается денег, так они не его личные (будь иначе, Чарльз без малейших колебаний незамедлительно избавился бы от такой ненасытной содержанки), а Форин Офис, и действительно необходимые траты таковы, что правительство уже не считает золота...

— Русские гвардейцы потеряли честь и служат этому мерзкому старикашке, как цепные псы, за одни только обглоданные кости! И это аристократы?! Холуи!

Женский голос дышал праведным гневом и был довольно-таки неприятен истеричными и визгливыми нотками. Однако английский посол Уинтворт стоически переносил эту неприятность.

Тем паче любовница тут же принялась, дрожа как в лихорадке, поглаживать его по груди, царапая при том ногтями. И руки, словно лианы, снова обвили его шею, а полные чувственные губы впились поцелуем, больше похожим на укусы бешеной собаки. Да и сладости объятий не чувствовал Уинтворт — словно удавку на шею висельника накинули...

«Она оправдывает свою фамилию! Это не женщина, а племенной жеребец в обличье Елены Троянской! Она высушивает меня, и если опять восхочет, то мне потребуются все силы, чтобы выполнить мужской долг. И помощи здесь не попросишь, такие дела другим не доверяют. Нужно перетерпеть, без ее участия никак не обойтись, иначе моя карьера или вскоре рухнет, или взлетит на незабываемую высоту! Но как она мне надоела!»

Однако мысли текли без особого раздражения, а привычно, словно весенний ручеек, спустившийся с гор, добрался до пересохшего русла арыка, и теперь царапает прохладной струей горячие комья растрескавшегося под жарким пустынным солнцем глинистого песка.

— Братья решили напасть на него сегодня, Чарльз! Пока он в Гостилицах... Там его можно достать, с ним всего два казака, и то он их оставляет, когда по окрестностям ездит.

Женщина приподнялась на локте, не обращая внимания на бесстыже открытую грудь, которую она не соизволила целомудренно прикрыть одеялом.

Торчащие красные соски не вызвали в любовнике привычного вожделения, зато от слов его душа прямо возликовала — задание, полученное месяц назад из Лондона, будет выполнено.

«Наконец-то они решились! Сегодня, уже сегодня!»

Кронборг

— Англия всегда выступала верным другом вашей прекрасной и гордой страны, полковник!

Вкрадчивый голос ночного визитера тем не менее звучал достаточно властно и уверенно, так может говорить только тот, кто немалое время провел на кораблях, где всегда требуется громко подавать команды.

Комендант крепости Аксель Сундстрем внимательно посмотрел на незваного гостя, в котором явно угадывалась военная выправка.

— Кто вы? — без обиняков, как следует всегда поступать настоящему офицеру,

требовательно спросил швед, пристально глядя на своего собеседника. И не менее властным голосом уточнил: — От кого имеете поручение и что вам от меня нужно? Надеюсь, что вы будете предельно откровенны!

— Я капитан флота Его Величества Джеймс Хадсон! К вашим услугам... сэр!

Полковник угрюмо засопел.

Высокомерные британцы всегда говорили про свой флот так, что все их собеседники сразу понимали, о какой именно стране идет речь. Все остальные флоты мира требовали уточнений — шведский королевский, русский императорский и прочие.

— Я готов вас выслушать, капитан!

— Утром наша эскадра адмирала Паркера войдет в проливы. Мы начинаем войну против России и уничтожим ее корабли, что стоят у датской столицы. Но не будем воевать против вашей страны, сэр! Конечно, недостойно джентльмена, но здесь совершенно иные соображения. Датчане — верные клеветы русских варваров, чего не скажешь о шведах, которые долгое время воевали против них и московитов. Лишь в последнее время ваша страна, полковник, прошу простить меня, стала пристяжной в этом нелепом «Северном союзе». Но, может быть, вы вскоре сами поймете, что дочь русского императора — не самая лучшая кандидатура на престоле вашего государства, и сделаете более правильный выбор. И в полной мере оцените старания Англии, которая всегда поддерживала «королевство свеев, готов и вандалов» в противодействии русским притязаниям!

Речь британского офицера прозвучала в унисон мыслям шведского коменданта, являвшегося сторонником покойного короля Густава и сосланного русской регентшей из столицы фактически в ссылку, на эти продуваемые всеми ветрами скалы.

— Зачем нам воевать с вами, если только с нашей помощью Швеция вернет себе прежнее могущество? Союз с Россией — это нелепый мезальянс, не более чем временный, в котором ваша страна занимает униженное положение младшего партнера, если не сказать хуже...

Полковник снова угрюмо засопел, так выразительно, как могут делать только потомки свирепых викингов.

Русских он сильно недолблюил, политический союз с датчанами считал противоестественным и был бы рад, если бы Швеция смогла вернуть не только прежнее положение, но и все свое древнее балтийское наследие, потерянное в результате несчастливой для нее Северной войны.

— Что вам нужно?

— Сущю безделицу, сэр. Наши корабли весьма близко пройдут у вашего берега, ибо датчане гасят маяки. Потому просим зажечь фонари, дабы случайно не зацепить скалы. Я понимаю, это вызовет определенные расходы, а потому готов предложить достойное возмещение.

Англичанин достал из-под полы длинного морского плаща туго набитый кожаный мешочек и положил его на стол, внутри еле слышно звякнули золотые монеты.

Швед задумался, понимая, что ночной визитер сильно лукавит, если не сказать больше. И не случайного кораблекрушения он опасается — Королевский флот боится мощных пушек датской крепости Кронборга, что стоит на противоположной стороне пролива.

«Все правильно. Если я прикажу стрелять по британцам, то мы возьмем их эскадру под перекрестный огонь и уничтожим еще на подходе. Если прорвутся, но изувеченными, да и не все, а в лучшем случае половина. Вот только оно мне надо?! Служить злой русской королеве, которая законопатила меня здесь?! Нет, нет и нет!»

— Я прикажу зажечь фонари, капитан!

— Владыко, никак сюда бабы пожаловали?! Прости мя, Господи, грешного!

Келарь Пимен размашисто перекрестился, хотя поначалу хотел сплюнуть. Монастырь держался в осаде уже два дня — братья, паства, сбежавшиеся отовсюду местные крестьяне-поморы, паломники и немногочисленный солдатский караул заперлись за массивными, сложенными из валунов стенами старинной крепости.

Много чего повидала обитель за свою более чем двухсотлетнюю историю. Не раз укрывшиеся за ее стенами монахи отбивали штурмы как неприятеля, так и царских войск в годину Раскола.

Но никогда под ее стенами не творилось такого непотребства — под тягучие, противные и протяжные звуки, чеканя шаг, маршировали солдаты в красных мундирах, но вот вместо штанов они были обряжены в нечто похожее на юбки и с гольфами на волосатых ногах.

— Это надо же, мужики, да бабами вырядились!

— Тьфу, непотребство сплошное!

— Содом и Гоморра, братья!

— Войско Антихристово пожаловало!

— Под пение бесовское!

— С нами крестная сила!

Монахи плевались, не в силах совладать с омерзением, а их натруженные ладони крепко сжимали взятые по такому случаю старые гладкоствольные фузеи.

Солдаты, как и прихожане, не в пример им, были разговорчивее, они смеялись, переговаривались между собой, тыкая пальцами в лагерь осадившего обитель неприятеля.

— Портки-то хоть носят под юбками?! А то зацепятся сокровищем да и оторвут себе напроць!

— Чудные какие?!

— И почто бабью справу надели?

— Га-га!

— Смотри, Семеныч, ночью на вылазку пойдешь, с бабой гляди не перепутай! А то будет тебе, ха-ха!

— Да не ха-ха, Степан! Для того есть мудреное господское слово — разочарование!

Однако хохот на стенах угас моментально, стоило суровому и властному отцу настоятелю, носящему высокий сан архимандрита, подать свой зычный голос, в котором звякнули непреклонной волей стальные нотки опытного командира:

— А ну цыц, охальники, епитимью наложу!

Все тут же сконфуженно замолчали, стыдливо отводя в стороны глаза. Архимандрит Мефодий с вбитой на всю жизнь военной выправкой, щеголеватый, как свойственно гвардейцам, расправив плечи, гордо стоял на парапете, взирая на неприятельский лагерь.

— То не мужики бабами нарядились, дети мои, это шотландцы, скоттами рекомые, к нам пожаловали! И не в бесовские дудки они трубят, сии инструменты волынками именуется.

— Прости мя, владыко! — за спиной раздался еле слышимый голосок кого-то из прихожан. — Непонятно мне зело, ведь первый раз в жизни скотов вижу, что волыну тоже тянут?!

Не сдержавшись, приснули смехом многие, закрывая рты ладонями, но когда увидели, что отец настоятель тоже усмехнулся в седую бороду, гомерический хохот грянул с такой силой, что моментально согнал чаек, облюбовавших башенные шатры.

— Мыслю, завтра на приступ пойдут... Изопьем мы чашу смертную!

— Почему так думаешь, владыко?

— Они пушки еще не сгрузили, так что сутки у нас есть. Я в воинском деле малость разбираюсь, семь лет в гвардии императора Петра Федоровича отслужил... Стишата пописывал. — По лицу настоятеля словно пробежала судорога. — Мирское все, суетное... Даже фамилию свою и то забывать стал, а она у меня с державой созвучна.

— А чин, владыко, большой выслужил?

Келарь знал, что архимандрит в мирской жизни был офицером, и в немалом чине, потому надеялся, что его воинский опыт позволит отбить неприятеля, что в столь большом числе кораблей напал на мирный монастырь.

— Подпоручиком самим государем за храбрость пожалован, офицерской шпагой и Александровской медалью... За Гостилицкое поле... Мост я там взорвал... Десятки православных душ загубил! Хоть и пожаловал меня император, да грех тяжкий на душу взял. Давит меня ноша сия. Все прощения отмаливаю...

Игумен присел на холодный камень, погладил ладонями больное колено, суровыми глазами посмотрел на быстро темнеющее на востоке небо, что заслонило восходящее солнце. Затем взглянул на британские корабли, добрым десятком стоявшие на якорях в губе.

— Ноги болят, к непогоде. Зрю я, шторм скоро грянет... Стихи на душу просятся, слышал я их раз от Петра Федоровича — «Буря, пусть сильнее грянет буря!»

Петербург

— С братьями будут несколько благородных дворян, что решились поднять руку на тирана! На этого грязного, мерзкого старикашку, который томит достойных людей в столь низких чинах, не оценив их достойные лучшего заслуги! Надеюсь, мой милый...

— Мой король в полной мере оценит их героизм и благородный порыв! Ибо все будет сделано во благо и России, и Британии. Ради процветания наших стран в узах дружбы, как завещано еще царем Петром.

Посол мгновенно понял, что от него хотят, благо с подобными просьбами к нему приставали уже три года.

Он живо вскочил с мягкой перины и, одернув длинную ночную рубашку (в противоположность своей любовнице, этот почтенный джентльмен не любил спать обнаженным), беззвучно шагая по мягкому персидскому ковру, ласкающему ступни своей теплотой, дошлепал до секретера. Дверца с мелодичным звоном отворилась, и Уинтворт извлек двумя руками из темного нутра тяжелый мешок.

— Надеюсь, этого хватит, мое сокровище?!

Двадцатифунтовая тяжесть приятно оттягивала руки, и женщина мгновенно, как и большая часть представительниц прекрасной половины человечества, оценила дар. Правда, тут же поинтересовалась с обоснованным опасением в голосе:

— Надеюсь, мой милый, здесь не ваши гинеи?!

— Ну что ты, дорогая, мы ведь пока еще в России! А вот когда я увезу тебя в Лондон... Нас вскоре ждет великое будущее, моя прекрасная Ольга, пред нами откроются двери лучших домов, тебя с почестями примут в Виндзорском замке!

Слащавый, как густая патока, голос дипломата завибрировал фальшивой теплотой и тут же приобрел насквозь деловые нотки:

— Десять тысяч рублей, майн дарлинг, это только задаток! Причем очень маленький! Здесь у меня золота на сто тысяч империалами, и все они ваши! За освобождение России от тирании, приобщение к великим демократическим ценностям, что доступны любому цивилизованному британцу... Нет, нет, такой подвиг достоин не только восхищения — герои получают два

миллиона рублей золотом!

Сумма была не просто впечатляющая — оглушительная, совершенно нереальная, что наводило на подозрение, что таковая прорва золота никогда не будет выплачена.

Однако Уинтворт не лгал ни на йоту, именно эту столь щедрую выплату гарантировали тем отважным русским заговорщикам, что решаться убить зажившегося на свете русского императора, величайшего ненавистника «старой и доброй» Англии.

Все правильно — сорвать русско-французский поход на Индию, «жемчужину Британской короны», что готовился Петербургом и Парижем в тайне, стоило любой ценой...

Тегеран

— Александр Николаевич, уезжайте немедленно!

Пожилой казак с окладистой черной бородой, сквозь которую обильно пробивались серебряные нити седины, говорил настолько умоляющим голосом, что даже прижал узловатые ладони к крепкой и широкой, отнюдь не старческой груди.

— Уезжай, Христа ради! Прошу тебя, ибо нутром чую, скорая беда сюда грядет!

— Не могу, Никодим Павлович, — глухо отозвался Радищев, скривив в злой гримасе тонкие губы. — Не имею я права бежать, сотник! Ибо лицо я державы Российской! Посол я, как могу труса праздновать?

— Убьют же тебя, Александр Николаевич... Я-то с казаками смертный бой приму, живот за Веру с честью положим! Но седой Яик не предаю, умирать казакам — дело привычное, много нас в походах гибнет! А вот тебя жалко, убьют ведь... Человек ты хороший!

— Эх, Никодим Павлович! — В глазах Радищева блеснули слезы, он порывисто обнял старого атамана. — Спасибо за заботу, но ведь и я службу тоже несу! Что значит смерть, если долг россиянина честно исполнен?! У меня к тебе просьба только...

— Приказывай, все исполню! За царя голову сложу!

— Нет, Никодим Павлович, именно просьба, личная...

Радищев подошел к шкафу и открыл створку двери. Из какого-то тайного закутка достал стопку писчей бумаги, бережно завернул в парусину, обмотав сверток поверху шелковым кушаком.

— Это книга моя, государь ее попросил написать, когда меня сюда послом отправил. Так и сказал: «Напиши книгу — путешествие из Петербурга в Тегеран. Только правдиво и хорошо напиши, чтоб студенты в будущем с нею не мучились». Непонятно так сказал, но с улыбкой.

— Все сделаю, из посольства выйти еще можно! Ты уж, Александр Николаевич, ежели что...

Сотник взял сверток и хмуро посмотрел на Радищева и, не договорив, обреченно взмахнул рукой и вышел, чуть косолапя, как все природные кавалеристы, рожденные на коне.

Александр Николаевич тяжело вздохнул, неспешно подошел к набранному из кусочков цветного стекла окну.

Разглядеть что-либо через него было невозможно, однако завывание дервишей и гул приближающийся разгоряченной толпы густыми волнами докатывался до стен русского посольства, где уже засели в обороне два десятка уральских, сиречь яицких казаков, угрюмых и степенных староверов, да полдюжины служителей МИДа с отрешенными бледными лицами, но решительно настроенные.

Старик священник всех исповедовал и причастил в посольской часовенке, даже казаки-старообрядцы выслушали его с несвойственным им смирением, без обычного презрения к «никонианам», и остался в здании, несмотря на настойчивые уговоры укрыться в городе у

христиан, дабы последний бой вместе со своей паствой принять.

Два дня назад персидский шах, безвольный Фетх-Али, игрушка в руках властной знати, принял решение начать очередную войну с Россией. Второй хан династии Каджаров, а первым был его дядя, оскотенный евнух гарема, но жестокий и честолубивый, а иначе он бы не стал правителем, пылал жаждой мести...

Гостилицы

— Ты рогоносец, Бонасье! Рогоносец!

Петр пристально смотрел на себя в зеркало. И отражение ему сильно не понравилось. Ровно посредине лба, и надо же было так ухитриться, красовалась, отливая сиреневым перламутром, здоровенная набухшая шишка в полвершка вышиной.

Он заполучил сию отметину после падения со стула, на котором император благополучно заснул, усевшись за стол и занимаясь обременительной, но привычной писаниной.

Свидание с Петром Алексеевичем оказалось не вещим сном, как в первый раз — Петр тщательно обыскал всю комнату самолично, чуть ли не перевернув все верх дном, но дубинку «любимого дедушки» так и не отыскал, хотя сильно надеялся.

А жаль, хороший раритет, достоин любого музея мира, особенно если припомнить, что сия дубинка охаживала генералиссимуса и светлейшего князя Меншикова, доставалось от нее будущему фельдмаршалу Миниху, генерал-прокурору Ягужинскому, вице-канцлеру Бестужеву и многим другим генералам и сановникам, что оставили яркий свет в русской истории. Причем с некоторыми из них сам Петр был знаком лично, а кое-кого, несмотря на весьма значительную разницу в возрасте и искреннее почитание стариков, он самолично оттузил, памятуя дедушкины наставления.

Иначе было нельзя!

Сажать на тюремные нары вроде как неудобно, а тут тебе и наказание, и уважение, ведь именно битье данные вороватые господа, несмотря на свои преклонные года, воспринимали с привычной терпеливостью и исконно русским фатализмом. Да и сами прекрасно осознавали — вора бьют не за то, что украл, а за то, что за руку пойман...

Или за две, уже по локоть запущенные в государственную казну. Такой народ в России — доброту принимают за слабость, таску почитают за ласку, а многие вообще без «звездюлей» как без хлеба!

Оттого «голодают» и сами напрашиваются, ибо почему-то совершенно искренне считают, что справедливый монарший гнев, выраженный рукоприкладством, намного полезнее, вроде даже как манна небесная, чем нарочитое и ледяное равнодушие царственной особы или каторжные работы с конфискацией имущества и поместья.

Тут Петр хмыкнул, вспомнив, как в стародавние времена его царственный тезка пытался самыми тяжкими карами сломить приказных подъячих и заставить их честно трудиться.

Еще в институте в одной из хрестоматий он отыскал грозный приказ по Тульскому оружейному заводу, на котором выпустили партию бракованных фузей. Суровая такая бумага — управляющего секли кнутом и наложили тройной штраф для возмещения ущерба. Олдермену рвали ноздри и, поставив клеймо, угнали в Сибирь на поселение.

Нерадивым мастерским тоже от царя изрядно доставалось, но в основном по задницам и спинам, ибо наказание определялось количеством ударов и видом палаческого инструмента — в ходу были розги, шпицрутены, кнут или плеть.

Но самая страшная кара, по всеобщему признанию наказуемых, обрушилась на идущего в конце списка подъячего — его было приказано отлучить от воскресной чарки на один год с

приставлением солдата, что должен был ежечасно караулить возле горемыки, дабы тот со злым умыслом монаршим указом не пренебрег...

— Государь-батюшка, завтрак подавать?

Молоденький слуга заглянул в комнату и низко поклонился, но отнюдь без раболепия. Петра в Гостилицах любили и почитали как родного отца, которым он и являлся для них в действительности. Ибо сейчас здесь была его личная вотчина, памятный подарок о беспокойных июньских днях 1762 года от покойного графа Андрея Разумовского, морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны, с которым здесь вели искреннюю беседу о будущем России.

— Подавай, — махнул рукою Петр и тут, вспомнив несчастного подьячего, добавил: — Чарку вина хлебного принеси, которая на анисе настояна. Водка добрая, стоит отведать. И огурец малосольный на закусь!

— Сейчас, царь-батюшка. — Юноша склонился в поклоне и исчез за дверью, а Петр потянулся всем телом, чувствуя, как хрустят его старые косточки. Да, уже старые — настоящему телу через год три четверти века станет, хотя ему лично всего 62 года.

Раньше, в студенческие времена, такой возраст показался бы ему преклонным, но сейчас он даже его солидным не посчитал: если есть желание трудиться и творить, пока человек мечтает о добре, как в молодые годы, то какой с него старик?!

Желания и энергии на десятерых юнцов, пусть хворость телесная иной раз одолевает...

— Царь-батюшка, там к тебе сам Александр Васильевич пожаловали. — В комнату влетел давешний слуга и ловко, одним движением руки, схватив тяжелый стул, поставил тот напротив двери в трех шагах и тут же скрылся, дематериализовался как бесплотный дух.

Старого фельдмаршала Петр любил — привык к нему за долгие годы и всегда мог на того положиться в любой ситуации — гениальный полководец, единственный из русских военачальников, за всю историю России никогда не испытывший горечи поражения.

Петр живо опустился в мягкое кресло и, протянув руку, уволок с кровати теплый шотландский плед. Тщательно прикрыв им себе колени, он живо изобразил позу больного старика, сидящего у камина, пусть и не протопленного по летнему времени.

— Никак ты захворал, батюшка?!

Сухонький маленький фельдмаршал ворвался в комнату как вихрь, и своей птичьей, чуть подпрыгивающей походкой (много лет назад Суворов наступил на иголку, и легкая хромота осталась у него на всю жизнь, отчего турки прозвали его Топал-пашой — «Хромым генералом») направился прямо к креслу, на котором сидел мнимый больной. Огибать нарочно поставленный стул полководец не стал, а через него перепрыгнул, перепорхнул, аки птица, будто не заметив препятствия.

Петр улыбнулся краешками губ — тест фельдмаршал легко сдал. Вот уже тридцать с лишним лет при всех визитах Суворова в царские дворцы прислуга специально ставила на пути различные препятствия: стулья, пуфики и кресла. И никогда старый генерал их не обходил, а всегда перепрыгивал, словно опытный спортсмен, увешанный олимпийскими медалями за бег с барьерами.

— Да вот, захворал, знобит немного, — фальшиво протянул Петр, вставая с кресла. — Стар стал, ослаб в коленках...

— Так пройдишь немного, разомни ноженьки. Полегчает, батюшка! Сидя-то любая хворь прилипнет!

Петр усмехнулся краешками губ, с кряхтением сделав движение головою, будто собирался отвесить поклон, вот только старческая немощь его совсем уж одолела. И заговорил хрипло, нарочито демонстрируя одышку, которая в его 73-летнем возрасте более чем вероятна.

— Не ценят нас, стариков! Даже мебели сдвинули, чтоб тяготы лишние добавить, нехристи

нерадивые!

Шаркая ступнями по полу, Петр тяжело подошел к стулу и лихим кенгурячьим прыжком перемахнул через спинку, мысленно восхитившись своей ловкостью — вчера из трех попыток ему удалась только одна.

Затем он склонился, крепко схватил ладонью ножку стула и одним рывком поднял вертикально прямо к потолку. Старый «общаговский» трюк удался, хотя мышцы напряглись тетивой лука.

— Хитер ты, батюшка-государь, милостивец наш! — за спиной раздался ехидный голос Суворова. — Ты с Михайло Ларионычем, как два старых лиса, хитрющие — никто вас не обманет. А сами вы такие петли делаете, куда там зайцу, что сразу-то и не разберешь. Уж сколько лет тебя знаю, а все норовишь меня обмануть...

Кронборг

Палуба 72-пушечного линейного корабля «Бодиацея» ощутимо подрагивала, когда форштевень входил в белый бурун набегавших волн. Половина парусов была убрана — идти на полном ходу по мелководным и коварным датским проливам удел совершенных безумцев.

— Нам велят остановиться, сэр!

Верный флаг-офицер Трубридж, вот уже семь лет состоящий при вице-адмирале Нельсоне, протянул руку. По правому борту возвышались укрепления датской крепости, запиравшей проход в Копенгаген.

Слева, на противоположной стороне пролива, грозно топорщились каменные укрепления уже одноименной шведской твердыни. Эти два старинных замка располагали достаточно мощной артиллерией.

Открой из них стрельбу одновременно (здесь опасения осторожного флаг-офицера оказались отнюдь не беспочвенны), то вытянутая кильватерной ниткой английская эскадра в течение получаса была бы разбита и растерзана перекрестным огнем.

— Сэр, датчане подняли сигнал, требуют убрать паруса.

— Не вижу! — громко произнес Нельсон, прикрыв ладонью здоровый глаз, а к вытекшему приставил подзорную трубу.

— Запомните, Трубридж: не на все угрозы следует обращать наше внимание. Многие не стоят и тарелки вчерашней каши. Поднять сигнал! Три румба влево, мы пройдем под шведским берегом.

— Но ведь там тоже могут открыть огонь, сэр!

— Вряд ли, — равнодушно пожал плечами Нельсон, — вчера шведскому коменданту наш старик Паркер сделал предложение, от которого было невозможно отказаться...

Вице-адмирал состроил такую брезгливую гримасу, что Трубридж сразу понял, что здесь не обошлось без действенного участия полновесных английских соверенов.

— Сэр, датчане грозят открыть огонь.

— Не обращайтесь внимания, Трубридж! — Нельсон усмехнулся. — Мы уже вышли из зоны обстрела их орудий...

Последние слова адмирала заглушил мощный гром — укрепления датского Кронборга были окутаны белым пороховым дымом одновременного залпа нескольких десятков пушек. Несмотря на полторы мили разделявшего их расстояния, все англичане хорошо видели круглые черные мячики ядер, что летели в сторону их кораблей.

— Они бесцельно изводят порох, — усмехнулся Нельсон тонкими губами, глядя, как веселятся английские моряки при виде водяных султанов, что вставали в паре сотен ярдов от

борта флагмана. Самое приятное для моряка — это ощущение собственной неуязвимости.

— Вот видите, Трубридж, — повторил Нельсон с легкой улыбкой, — мы легко миновали датскую преграду и уже через несколько часов подойдем к Копенгагену. А там заставим датчан уважать британский флаг! Но если они откажутся, то...

Вице-адмирал не договорил, однако его лицо приняло такое жесткое выражение, что флаг-офицер сразу понял, что ожидает Копенгаген в случае упрямства и неуступчивости. На всякий случай флаг-капитан Трубридж покосился на близкий, до которого без малого можно чуть ли не дотронуться вытянутой рукою, шведский берег.

Там, всего в кабельтове, крепостные стены, обросшие зеленым мхом и белые от потеков морской соли, подернутые легкой дымкой утреннего тумана, застыли в угрюмом молчании...

Петербург

— Тиран будет убит! Петрушка низвел нас, дворян, до уровня мужиков, он отнял у нас право быть властителями!

Платон Зубов говорил горячо, напористо и с немалой злобой. Трое его собеседников довольно эмоционально слушали выступление оратора, потрясая сжатыми кулаками, их лица выражали решимость. Да и немудрено — здесь присутствовали только те, кто в той или иной степени пострадал от императорской власти.

Сам Платон еще год назад был коллежским ассессором, а теперь пребывал в убогом чине губернского регистратора, в котором и мужику ходить зазорно. Как тут не возненавидеть коронованного тирана, что держит его, столбового дворянина, в столь пошлой убогости!

Младший брат Валериан служил поручиком Ингерманландского полка, но в одночасье лишился офицерских погон, превратившись в младшего сержанта. Именно эта жгучая несправедливость со стороны императора и заставила его вскочить со стула. Он гневно засверкал единственным оком — правый глаз, выбитый при случайном падении с норовистой лошади, был прикрыт черной повязкой.

— Я лично придушу коронованного придурка! Ремешком удавлю, на котором мой отец своих борзых выгуливал! За что он меня честно заслуженных погон лишил?! Солдата, мужика драного по морде ударил?!

— Меня поместья лишил! За что, спрашивается?!

Поручик Андрей Марин также вскочил со стула, чуть не опрокинув со щедро накрытого стола большое блюдо с холодцом. Его лицо покрылось багровыми пятнами, губы искривились, затряслись, казалось, что вот-вот — и офицер заплачет.

— Дворовым девкам подолы ободрал?! Да с них не убудет! Прибить его, и всего делов!

— Правильно!

Князь Яшвиль громко затопал в гнев сапогами — у литвина, перекрестившегося обратно в православие, кроме титула, вообще ничего не осталось. И поместья, и чина он был лишен два года назад за надругательство над своими бывшими крепостными.

— Это же тиран, манифест о вольности дворянской даровал и сам же его нарушает! Меня, князя, Гедеминовича, с быдлом равнять?!

Собравшиеся за столом пятеро других заговорщиков одобрительно загудели. Поручик Саблуков в праведном гнев даже ударил стаканом так, что тот разбился о добрую столешницу.

Бутылка с красным вином подпрыгнула и повалилась набок, рубиновая жидкость тягучей струей полилась на стол...

Гостилицы

— Государь-батюшка, почто меня в гроб раньше срока вгоняешь? За что такая немилость?!

— Да ты что, Александр Васильевич, белены объелся?!

Петр искренне поразился — в голосе фельдмаршала прозвучала жуткая тоска. В иной реальности старый фельдмаршал умер по возвращении из Швейцарского похода.

Но сейчас Суворов нисколько не походил на замученного болезнями старика, продолжая жить в своем прежнем распорядке — ранний подъем, обливание колодезной водой, плотный обед без завтрака и ужина, верховая езда, занятия с солдатами и офицерами, а также многое другое, что надлежит выполнять любящему военное дело человеку. И даже, согласно сообщениям из «Третьего отделения», выполнял супружеский долг, причем второго сына жена родила ему всего три года тому назад.

Произожди такое событие лет тридцать тому назад, то над прославленным генералом смеялся бы весь Петербург. Первая жена фельдмаршала — княгиня Прозоровская, на которой тот женился сразу после победной Кагульской кампании, родила ему дочку, в которой старый вояка не чаял души, называя ласково Суворочкой.

Жена, посчитав супружеский долг выполненным, ударилась в распутство и навешала полководцу такие рога, что любой олень удавился бы от черной зависти.

Пересуды по Петербургу шли больше десяти лет, несчастный рогоносец полностью ушел в военную службу, а Петр, считая себя его другом, искренне страдал за репутацию своего лучшего военачальника и, в конце концов, не выдержал, обратившись к патриарху с настоятельной просьбой. И тот дал дозволение на развод супругов.

Александр Васильевич был счастлив как ребенок, что именно ему оставили дочь на воспитание, но, будучи постоянно в разъездах и походах, не мог заниматься дочуркой. Та жила в особняке князей Шаховских, взявших над ней попечение.

После злосчастной второй войны с турками Суворов по возвращении в Петербург, уже будучи в более чем зрелом возрасте, попал под чары юной княжны — подружки собственной дочери, возжелавшей стать женой увитого лаврами славы генерала.

И, к великому ужасу Петра, прежняя история повторилась в еще более худшем варианте. Родив сына Аркадия, княжна полностью «сорвалась с катушек», Петру иной раз казалось, что в столице не осталось ни одного извозчика, который не судачил бы о чрезвычайной любвеобильности молодой супруги фельдмаршала.

Петр не знал, что делать, полностью растерялся — придворные, сохраняя каменное выражение лиц, втихомолку смеялись, идти к патриарху во второй раз по тому же поводу было неудобно. И в минуту слабости, пребывая в отчаянии, он поведал Като о своих страданиях, чуть ли не разрыдавшись на ее плече.

И вскоре, к его великому удивлению, ситуация кардинально изменилась. Молодая жена фельдмаршала зачастила по монастырям и церквям, а на редких балах княгиня Суворова даже не смотрела на окружающих ее мужчин и демонстративно сторонилась танцев, отчего получила у острословов прозвище Монашка.

Сейчас женщина пользовалась немалым уважением столичного общества, о ее добродетельности и супружеской верности ходило немало разговоров, прошлое уже было подвергнуто полному забвению. Вот только позавчера, совершенно случайно, Петр узнал, что стало причиной чудесного перерождения княгини.

В тот день Като приняла бессильные слезы мужа слишком близко к сердцу и поступила с княжной очень жестоко. Застав ее врасплох в оскверненной супружеской опочивальне, императрица принялась вершить «воспитательный процесс».

Любовника зверски избили телохранители Като — черкесы, преданные ей как псы, и

лютые как волки. Ловеласа осквернили, лишили «мужского достоинства», а затем отправили на Камчатку.

Какой уж тут суд и следствие — чистейшей воды произвол, совершенный венценосной особой!

Но к нему впервые в жизни Петр отнесся более чем благосклонно. Саму княгиню изуверски пороли на протяжении суток, изломав о нежную кожу немало розог и заботливо посыпая периодически раны солью.

На прощание Като пригрозила перепутанной и измордованной женщине, что если она еще раз услышит про супружескую измену, то Суворову живьем замуруют в монастырской келье, не посмотрят, что та из аристократии, и будут кормить одними протухшими отбросами, пока женщина не сойдет с ума.

Молодая княгиня натерпелась такого страха, что с той жуткой ночи совершенно преобразилась, и старый фельдмаршал не мог нарадоваться своему тихому семейному счастью...

— Вот сам посуди, государь-батюшка! Французов я бивал, надеюсь, что хорошо, так?!

— Так! — после паузы ответил Петр, пытаясь понять, куда клонит старый полководец.

— С пруссаками я воевал. Но сейчас они нам союзники... Как и датчане со шведами.

— Ты, Александр Васильевич, их своими противниками считать не можешь, не чета они тебе! А для шведов времена моего деда Карла давно окончились.

— Жаль, не сразился я с ним... — с искренним вздохом произнес старый фельдмаршал, уставив в потолок мечтательные глаза, затем тяжело вздохнул, снова переходя на земные реалии.

— Да и цезарцы нам ныне не враги, в союзники набиваются. Боятся тебя, батюшка-государь, и на войну вряд ли отважатся. Нет, Вена благоразумно себя ведет. А жаль...

— Это так, куда им супротив нас сражаться, болезным, да еще когда Гош им в затылок дышит! — самодовольно произнес Петр, ибо в Вене, как он знал, хотя сильно ненавидели русских, но молчали, хорошо пряча за дружелюбными масками истинные чувства, зато постоянно кланчили помощь, желая отбить Италию от обосновавшихся там французов.

Бесполезное занятие для вечно битых австрийцев!

Да и помогать Россия им бы не стала, заранее согласившись на передачу всего Апеннинского полуострова своему союзнику по «Сердечному Согласию». Хотя сам Петр был бы не прочь, чтобы Австрия с Францией взаимно ослабили себя еще больше...

— С османами, батюшка, войны больше не станет? Вроде полячки у нас снова бунтуют?

Суворов умоляюще посмотрел на Петра, и тот понял: фельдмаршалу не хватает войны, он живет ею, дышит. Если отнять у него любимую игрушку, произойдет страшное — без служения Марсу полководец просто умрет. Вот только утешить старика было нечем.

— Турки на войну не решатся, мы им в прошлый раз хорошо дали, беснуются, но воевать не станут. А поляки... Костюшко снова поднял восстание против пруссаков, но помогать своему младшему кузену я не стану. Больше почтения ко мне испытывать будет. Надеюсь, что сын Саша их к «Северному Союзу» скоро притянет, и тогда вся Балтика нашей станет.

— Я с англичанами, батюшка, не воевал, всех бивал, а с ними как-то не пришлось! — вкрадчиво произнес Суворов и посмотрел на императора умильными глазами. — Несчастье какое, Божье наказание прямо! Все оставшиеся годы переживать буду. Страдать...

— Да куда тебе на Индию идти?! — взорвался Петр. — Стар ты уже, пески и жара тебя уморят! И поход долгий...

— Стар?! — взвился фельдмаршал в самом искреннем негодовании. — Да я тебя на год моложе, отец родной!

— Какой я тебе отец?

— Как какой?! — Суворов притворно округлил фальшиво-честные глаза. — Когда ты мир этот криками разбудил и нянькам указания давал, меня еще в утробе материнской не имелось. Сам посуди, батюшка, мой сынок, крестник твой Петенька, младше внуков твоих. А потому ты мне — отец родной, никак иначе. А отправлять меня в Индию не желаешь, потому как место сие своему любимцу Бонапартову приготовил! А я генералом раньше стал, чем он кадетом! И в Индию сходить страсть как хочется, на слонов посмотреть, по следам Александра Македонского пройтись...

— Ладно, уговорил. — После мучительной паузы Петр развел руками, усмехнулся. — Языкастый ты наш! Через неделю маневры проведем. Возьмешь 2-ю дивизию гвардии и бригаду лейб-конвоя, а Бонапартов будет 1-й командовать. И кирасиров ему дам... Кто победит, тот на Индию и пойдет! Все, это мое слово! Э-э, ты куда?!

Таким Петр своего фельдмаршала еще не видел, тот радостно взвизгнул и бросился в дверь, а до императора глухим эхом донеслись брошенные уже из коридора слова ответа:

— Войска готовить, батюшка!

Петр усмехнулся и неожиданно вспомнил, что в реальной истории Суворов очень ревниво следил за успехами Наполеона и считал великим несчастьем, что ему не удалось сразиться на поле брани с величайшим завоевателем Европы.

— Так, выходит, я ему сейчас еще один подарок сделал?! Пусть не в реальном, а в учебном сражении... Недаром в Кончанском тот Суворов постоянно приговаривал: «Широко шагает мальчик, пора унять!»

Копенгаген

— Роман Владимирович, смотрите!

Капитан-командор Кроун живо обернулся на звонкий выкрик вахтенного офицера лейтенанта Павлова и обомлел: по узкому проливу из-за низкого острова выплывали один за другим корабли. Сами корпуса были еще не видны, только торчали мачты с надутыми белыми парусами, но их было много, очень много.

— Да сколько вас?!

Наметанным взглядом старого моряка, ориентируясь по рангоуту, Кроун насчитал с десяток линкоров, но за ними выдвигались все новые и новые суда, мачты которых появлялись на горизонте.

— Прах подери!

Такого флота на Балтике не имелось ни у одной страны, и даже в совокупности Россия, Швеция и Дания едва ли могли выставить три десятка линейных кораблей. Только одна держава смогла бы отправить сюда столь многочисленную эскадру.

— Никак сюда английский флот пожаловал...

Шотландец скривил губы, еще не в силах поверить собственным глазам. Как и все жители гористой Каледонии, Кроун сильно недолюбливал высокомерных англичан, с которыми горцы на протяжении столетий вели ожесточенные войны. Но, как говорят сами русские, сила соломой ломит — и свободолюбивые шотландцы покорились насилию.

Однако горячая кровь время от времени брала свое, и шотландцы предпочитали уезжать на чужбину, лишь бы не находиться под владычеством британского льва.

Так двадцать лет тому назад молодой лейтенант английского флота Роберт Кроун попросился на русскую службу, пойдя по проторенному пути многих своих соотечественников.

В России издавна тепло принимали шотландцев — еще при первом императоре Петре

Алексеевиче потомок древнего королевского рода Яков Брюс достиг почти что фельдмаршальского чина, став командующим всей русской артиллерией, генералом-фельдцейхмейстером, а позднее еще и академиком.

С его именем москвичи всегда связывали Сухареву башню, в которой Брюс проводил свои опыты. Да еще долго работал в Навигацкой школе, обучая недорослей математике и астрономии, без знаний которых на флоте делать нечего.

И сейчас в русской армии служило немало шотландцев — те же генералы Барклай де Толли и Фермор. Да и на флоте все русские моряки знали адмирала Грейга. Кроун, следуя их примеру, сменил имя на Романа Васильевича, накрепко обжился в Северной Пальмире, женился на милой барышне Марфе Ивановне и окончательно обрусел, считая приютившую его Россию своей второй родиной...

И теперь настал час показать ей свою верность!

Петербург

— Господа, а ведь это символично! Вот кровь императора! Она уже пролилась, посмотрите на стол! Нас ждет успех!

Мелодичный женский голос заставил всех присутствующих обернуться. Танцующей походкой воительницы Паллады Ольга Жеребцова в накинутом на плечи плаще подошла к столу и с победной улыбкой на губах оглядела собравшихся. Затем повернулась к высокому здоровяку лет сорока с похожим, все же родной брат, пусть и старший, но будто вытесанным топором, а не резцом лицом.

Тот правильно понял ее взгляд, его лапищи извлекли из-под такого же плаща два туго набитых кожаных мешочка, бросили их на стол. С мелодичным звоном монеты покатались по столешнице. Один из золотых кругляков попал в красную винную лужицу и тут же был извлечен из нее тонкими женскими пальцами.

— Смотрите, господа! Петрушка уже в крови. Очень символично, ибо нас ждет успех!

Собравшиеся за столом с трудом отвели замороженные взгляды от золотой россыпи и пристально посмотрели на прелестную сестру братьев Зубовых с немим вопросом в алчущих глазах, и та немедленно разрешила их сомнения.

— Это вам, господа! По десять тысяч рублей каждому, дабы уже к вечеру вы смогли хорошо подготовиться. Тиран в Гостилицах, у него почти нет охраны, а вечером он любит прогуливаться по тому кровавому полю, где погибли восставшие против этого упыря гвардейцы, наши отцы и деды. Я пойду вместе с вами, господа!

Женщина подняла тонкую руку, как бы показывая этим жестом, что дает клятву.

— Принесем же счастье России! Избавим ее от коронованной мрази! И все достойные люди оценят нашу жертвенность, и у нас будет все, как в Англии, где монарх правит в полном согласии с дворянством. А вы перестанете пребывать в убогом положении и займете достойное место по праву! Забыть невзгоды вам поможет в будущем достойное вознаграждение в двести тысяч... Каждому! Смерть тирану!

Женщина была прекрасна в своем порыве, и мало кто из присутствующих заметил странное пламя в ее глазах. Три ее брата и четверо примкнувших к ним заговорщиков, взбудораженные горячей речью, вином и блеском золота, дружно выдохнули:

— Смерть тирану!!!

Тегеран

«Прикормленный» Радищевым сановник сразу же поставил российского посла в известность, скрупулезно перечислив все обиды и злобные наветы в адрес северной империи, что наперебой и горячо обсуждались во дворце вчерашней ночью.

Шах обвинил русских гяуров в том, что они давно тянули лапы к его стране. Вины действительные и мнимые персидская знать принялась живо обсуждать, начав чуть ли не с ветхозаветных времен, с правления царя Алексея Михайловича, с которого уже миновало свыше 130 лет.

Тогда на Каспийском море разбойничал казачий атаман Стенька Разин, наголову разгромивший флот шаха, посланный для уничтожения казачьих ватаг. Однако донские станичники оказались не лыком шиты — персидскую армаду разбили, адмирала убили, а его дочь, захваченная в плен свирепым казаком, была утоплена в Волге, принесенная в жертву.

И что обиднее всего, так то, что русские мужики сочинили про это злодеяние песню и, более того, высказали там всю ненависть, превратив несчастную пленницу в дочь персидского шаха.

Это ли, как кричали сановники, не показывает столь открыто всю злобу северного соседа?!

С тех времен прошло всего полвека, и уже не атаман разбойников — сам русский царь Петр заполонил Каспий парусами кораблей. Русские полки победоносно двинулись на юг по его побережью от Астрахани через весь Азербайджан и дошли до Гиляни. Правда, не прошло двадцати лет, как гяуры убрались из нее, заключив мир, но удержали за собою Дагестан, потерю которого персы признали сквозь зубы.

Получив отпор от Турции и Англии в позапрошлую войну, русские обратили свой взор на персидские владения в Закавказье. Неверные подданные шахиншаха, грузины и армяне, подняли восстание, которое моментально было поддержано всей силою русского оружия. И что хуже того — многие азербайджанские ханства живо отреклись от шаха и полностью признали над собою власть «белого царя».

Персия не смирилась с поражением и три года тому назад начала войну. Однако ее воинство было наголову разгромлено войсками князя Багратиона, которые перешли в решительное наступление, заняли всю Гилян и дошли до Тавриза. Шах поспешил заключить с ними Гюлистанский мир, понимая, что противостоять Российской империи он не в силах.

— Жаль, очень жаль...

Радищев тяжело вздохнул, возможно, ему не хватило умения или золота, но себя он упрекнуть не мог — он сделал все, что было в его силах. Шах не захотел пропустить русские и французские войска на Индию, опасаясь, что те займут Персию и удержат ее за собою.

Поддавшись уговорам советников, что жаждали скорого и убедительного реванша, не поверив клятве «белого царя», Фетх-Али положился на англичан, польстившись на их золото и оружие, и вчера решил развязать очередную войну.

С восходом солнца, когда правоверные вершат первую молитву, дожидаясь появления всего светила, безумные дервиши своими плясками и призывами истребить русских гяуров вызвали мятеж среди горожан. Толпа, разбухавшая с каждой минутой, шла к посольству, от ее рева уже дребезжали стекла, норовя выпасть из рам.

Они хотят войны? Они ее получат!

Копенгаген

— Большой силой пожаловали! Вряд ли Троицу отмечать... — пристально глядя за британцами, пробормотал сквозь зубы командор, рассматривая надвигающиеся белые паруса. Страха в душе сорокавосемилетнего шотландца не было: он уже понял, что не увидит заката, —

слишком велико неравенство сил.

Против «Кенигсберга» и «Риги», вооруженных лишь 36-фунтовыми пушками, совершенно одряхлевших, помнивших победу при Чесме и первое зарево над Константинополем, и столь же древнего шведского фрегата «Ретвизан», который также входил в состав союзной эскадры, двигалось не менее дюжины вымпелов.

Все эти три корабля, жизнь которых в бою измерялась одним полученным в борт залпом, не стоили одного его «Великого Новгорода», на котором Кроун поднял свой брейд-вымпел.

И пусть на нем стояли те же 72 пушки, вот только треть из них была мощными 68-фунтовыми бомбическими орудиями, способными разнести в клочья даже стопушечных гигантов.

Еще имелись два торпедных аппарата, самого секретного оружия русских, что прекрасно проявили себя пять лет тому назад, утопив в Дарданеллах турок и тех же англичан.

Да к тому же на «Великом Новгороде» была установлена паровая машина, достаточно мощная, чтобы двигать корабль со скоростью семи узлов, и при штиле превращавшая его чуть ли не во всемогущего повелителя морей.

— Хорошо идут, собаки!

Кроун усмехнулся — бой был неминуемым. На союзников-датчан мало надежды, хотя те имели семь линейных кораблей, достаточно новых, но парусных.

Командор прекрасно видел, как в узкий пролив, ведущий прямо к Копенгагену, резво потянулась другая колонна английских кораблей, еще более длинная и внушительная.

— Боже праведный! Сорок три вымпела!

В голосе вахтенного офицера просквозило отчаяние. Кроун бросил взгляд на команду — в полном молчании матросы и офицеры взирали на приближающегося неприятеля. Шотландец понял, что должен развеять подступивший к сердцам страх.

— Братья! — голос Кроуна завибрировал. — Чем больше врагов, тем больше слава! Запомните — неприятеля не считают, его бьют! Не посралим русской чести!

Речь капитана оказала должное влияние — команда флагманского «Великого Новгорода» сразу же оживилась, стряхнув с себя оцепенение, на побледневших лицах появилась решимость. Хлесткий приказ командора привел всех в движение:

— Корабль к бою изготовить!

Тегеран

— Что ж, глупцам урок никогда не впрок!

На блеклые губы русского посла напозла улыбка, глаза сощурились, словно Александр Николаевич смог прозреть дымку будущего — ведь покрывало тайны зачастую спадает перед глазами обреченных на смерть, будто оказывая им единственную милость.

— Жаль только, что уже не увижу, как наши гренадеры вышибут двери в шахском гареме! Вот будет презабавное зрелище вроде появления лиса в курятнике...

Радищев усмехнулся, прикрыв глаза, и устало опустил на массивный стул. Немного посидев в полном молчании, он медленно потянул ящик стола, достал из него револьвер, тускло сверкнувший граненым стволом, и принялся снаряжать барабан золотистыми цилиндриками патронов — пальцы его не дрожали.

Он сделал все, что было в его силах, — нарочный в Баку к генералу Багратиону послан еще вчера, подставы ему заранее приготовлены, жалеть лошадей посыльный не будет, ибо он офицер Генерального штаба и прекрасно понимает, как дорог не только час, но и каждая минута.

Через день он будет у князя, еще сутки плавания на пароходе до Астрахани, а оттуда уже

проложена телеграфная линия до самой столицы.

Курды, ненавидящие как османов, так и персов, тоже получают сообщение — их желание отдаться под покровительство империи добровольно и настойчиво, а потому выступление против шаха неизбежно. А там и Евфратское казачье войско из них будет создано, и Россия крепкой ногою встанет на пути в Индию.

А затем...

Стекло со звоном разлетелось на мелкие осколки, и Александр Николаевич вынырнул из омута размышлений, попав в который, он позабыл про все на свете, ослепнув и оглохнув на короткое время.

Радищев подошел к окну, благо кабинет был на втором этаже, поднял руку с револьвером, направив ствол в разъяренную и беснующуюся внизу толпу.

Убийцы пришли к посольству за их головами, бросают камни, уже пошли на штурм здания, пылая желанием растерзать в клочки его немногочисленных защитников.

— Что ж, мы им сейчас покажем, как умеют умирать русские! И за свою смерть возьмем с них сторицей!

Париж

— Проклятая революция!

Молодой мужчина в хорошо сшитом платье, только что вошедшем в столичную моду, со всей силою стукнул кулаком по столу, не в силах удержать обуревавшие его чувства.

Перед глазами помимо воли снова вставали корзины с отрубленными человеческими головами — мужские, детские, женские лица с искаженными от ужаса чертами. Чудовищное изобретение доктора Гильотена стало символом революции, и в конце концов, гильотине был принесен в жертву ее же создатель.

— Да чтоб вас всех!

Жорж Кадудаль прекрасно понимал, что рано или поздно его голова тоже скатится в подобную корзину, «чихнет в опилки», как любили выражаться революционеры.

И такая казнь станет для него благодеянием, ибо то, что творили в его родной Вандее республиканцы под командованием генерала Гоша, не совершали даже дикие орды Тамерлана — восставших крестьян, невзирая на пол и возраст, жгли, резали, топили, вешали, вспарывали животы, обматывая голову кишками еще живого человека, варили в кипятке.

Ни один человек в здравом рассудке не совершил бы и тысячной доли тех жутких злодеяний, что делали парижские санкюлоты во имя пресловутых «свободы, равенства, братства».

— Либерте, эгалите, фратерните!

Зубы еле слышно скрипнули, Жорж Кадудаль, вождь шуанов, бригадный генерал королевской службы, хоть и получивший этот чин от еще не помазанного монарха, грязно выругался, будто выплюнул все свое отвращение к этой революции одним словом.

— Мэрд!

Целую минуту вожак продолжавших сражаться повстанцев, тайно прибывший в Париж, стоял молча у настезь открытого окна, смотря, как по грязной брусчатке, не убранной со времен несчастного короля Людовика XVI улице Сен-Никез, спешат парижане, торопясь к своим женам и опостылевшему луковому супу, где обломками кораблекрушения плавали обгорелые в печи гренки.

Вечерело.

Жорж Кадудаль впился глазами в единственную точку, будто именно в ней, у угла

трехэтажного кирпичного дома, увидел какое-то откровение. Его взгляд остановился, застыл, генерал словно окаменел, прикусив губу. Тонкая струйка крови потекла по подбородку, багровые капли падали на подоконник, расплываясь в затейливые силуэты.

— Луиш Лазар Гош! — словно в беспамятстве вандейский вожак произнес имя своего заклятого врага. — Завтра ты мне заплатишь за все свои преступления!

Копенгаген

Кроун внимательно смотрел на приближающуюся английскую эскадру. Линейные корабли были не самые крупные, от 54 до 72 пушек, он спокойно пересчитывал их по открытым портам. Оно и понятно — 100-пушечные гиганты просто не пройдут через мелководные датские проливы.

Но девять против четверых — это много, чертовски много!

Роман Владимирович прекрасно понимал всю трудность предстоящей схватки. Только его новейший «Великий Новгород» мог сразиться, и не без успеха, с двумя, а то и тремя неприятелями. Но другие два линкора не отобьются и от равного противника. А шведский фрегат имел всего 34 пушки, да и те не больше 18 фунтов.

Конечно, паровая машина «Новгорода» позволяла уйти от схватки, но оставлять старые парусные линкоры Кроун посчитал для себя бесчестьем и отмел эту мысль сразу. Для него оставалось только одно — принять последний бой. Но перед битвой следовало позаботиться о том, чтобы вероломный враг получил достойное возмездие.

— Поднять сигнал «Вестнику»! Идти на Бронхольм! Оттуда — в Карлскрону! Желаю удачи!

Последнее напутствие вырвалось непроизвольно. Хотя бриг имел паровую машину, но если английские корабли предпочтут «свалиться» на него по ветру, то посыльному кораблю придется туго. Он может не вырваться из западни...

Кроун перевел взгляд на шведский фрегат, на палубе которого царил суев, вздохнул и громко скомандовал:

— Передать на «Ретвизан»! «Уходите из батальной линии. Немедленно следуйте в Киль».

Сигнальщики стали быстро цеплять разноцветные флажки на фалы и быстро потянули на стены. Через минуту шведский фрегат расцвел ответными флагами.

— Ваше высокоблагородие, с «Ретвизана» отвечают: «Ваш сигнал о бегстве не разглядели. Принимаем бой».

— Гордецы! — уважительно пробормотал Кроун и обернулся, ощутив прикосновение к собственной ладони. — Почему ты еще здесь, Марфа Ивановна?! Я же приказал спустить шлюпку!

— Господь не дал нам детей, суженый мой. Неужели ты думаешь, я переживу тебя и глаза мои не изойдут слезами?! И каковы станут для меня эти постылые дни?!

— Оставайся...

С неимоверным усилием Кроун выдавил из себя это слово. Действительно, правы русские, когда говорят: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день».

Больше он ничего не сказал супруге, только поцеловал в щеку. А женщина отошла от своего мужа, понимая, что тому нужно командовать в этой последней схватке со своими бывшими соотечественниками.

— Ваше высокоблагородие, на аглицком флагмане подняли сигнал — нам советуют сдаться! Что прикажете отвечать?

— Отвечать мы можем только одно...

Кроун говорил медленно, видя, как на него смотрят десятки настороженных матросских глаз.

— Поднять сигнал! «Погибаю, но не сдаюсь!»

Гостилицы

Сразу после взятия Константинополя России пришлось ввязаться в новую драку — на этот раз в союзе с битыми турками, что буквально возопили о помощи к недавнему врагу. Османы столкнулись с неприятной перспективой потерять в дополнение к европейским владениям еще и Палестину, куда двинулись из Египта победоносные войска лучшего генерала Республики Гоша.

Раньше, в то свое время, Петр считал, что Египетский поход Бонапарта являлся непродуманным авантюрным замыслом будущего императора Франции.

Однако и Гош тоже отметил под сенью пирамид, что не могло быть случайностью — Парижу явно не терпелось добраться до Индии и насладиться ее богатствами, нанеся тем самым страшный удар англичанам, что небезосновательно считали страну чая и слонов, как называли ее в советское время, жемчужиной британской короны.

Истории свойственно повторяться, пусть даже в этой новой, уже изменившейся реальности. Египетский поход французов также завершился пшиком, и с еще более плачевным для них исходом.

Потерпев от русского оружия сокрушительное поражение в Палестине, наследники галлов попятились обратно в Египет, где оказались запертыми как в мышеловке — на море уже господствовал британский флот, жаждавший свести счеты за Абукирскую катастрофу.

В том августовском бою погибла половина английской средиземноморской эскадры, а другую вице-адмирал Горацио Нельсон бездарно погубил в Дарданеллах на русских минах и под сокрушительным огнем бомбических пушек, коими командовал (о гримаса судьбы!) взятый на службу лихой корсиканец Бонапарт, не знающий, что в совсем *иной* истории он мог бы стать первым французским императором.

Французы были биты и в северной Италии, куда вихрем ворвались войска Суворова — старый фельдмаршал сокрушил республиканцев под Треббией и Нови, совсем как в *прежнем* варианте. Вот только генерал Жубер не погиб в последнем сражении, а был захвачен в плен, где будущий консул досыта наелся русской каши.

Переговоры с Моро, к вящему удовольствию Петра, оказались успешными. Он сразу решил помочь французу раскрыть карты. Разговор и так затянулся, крутился вокруг да около, гость все никак не мог решиться на откровение, а хозяин просто устал терпеливо ожидать главного, отдавая дань французской вежливости.

Все же по европейским меркам Моро, Гош и Жубер, лучшие генералы Франции, были возмутительно молоды, последним двум — немногим больше тридцати лет, лишь Моро постарше, разменяет через год пятый десяток. Все трое честолюбивы, талантливы, происхождения самого затрапезного: Моро сын адвоката, Гош — каменщик, Жубер — вообще из студентов. Когда Петр узнал об этом, он ведь тоже попал в тело императора прямо из студенческой общаги, то возликовал — свой брат!

И что интересно — все трое явные республиканцы, никто из них не мучился наполеоновскими планами. Удивительно то, что генералы как-то смогли договориться между собой и три года тому назад свергли правительство разбогатевших на войне нуворишей, что пришли на смену свирепым якобинцам, отправив Барраса с компанией на свалку истории. Да и другим французским политикам крупно не повезло, генералы железной рукою установили

Директорию и принялись наводить порядок.

Хотя кто знает насчет общего согласия, в этом Петр имел большие сомнения: может, кто из этой троицы имел и свои, несколько отличные от других двух консулов, планы.

— И тварей всяких миллионы, и все хотят в «наполеоны»! — задумчиво пробормотал император, разглядывая карту. Нет, он поступил правильно — продолжение войны с французами было только на выгоду англичанам.

А так в Европе все утряслось — Франция дошла до Рейна и дальше не пойдет, ибо галлам совсем не улыбается видеть русские полки, спешащие на помощь пруссакам и австрийцам.

Испанцев Париж оставил в покое, заполучив Италию, и сейчас республиканцы переключились на строительство флота — война с Англией за колонии развернулась не на жизнь, а на смерть.

Священная Римская империя, этот осколок Средних веков, осталась в неизменном виде: создания единого германского государства — ни сейчас, ни позже, ни «железом», ни «кровью» — Петр решил не допускать ни под каким соусом. Пусть все останется как есть, а «Второй Рейх» будет лишь неосязаемой мечтою немцев.

Нужно лишь вытянуть всех славян под покровительство России — чехов, словаков, хорватов и прочих, максимально ослабив тем самым тевтонские позиции, и потихоньку изымать желающих переселиться немцев — и в Сибири, и в Новом Свете масса пустующих земель.

Заботила лишь Англия, именно о ней Петр и думал, сосредоточившись на самой главной проблеме. И радовался, что ему и Гошу удалось сохранить «Сердечное согласие» в полной тайне.

Судя по всему, британцы совершенно не подозревали, что не пройдет каких-то пяти месяцев, как экспедиционный русско-французский корпус станет твердой ногой на Ганге, а «чудо-богатыри» будут любоваться красотами Калькутты и Бомбея и мыть запыленные юфтевые сапоги в теплых водах Индийского океана.

Дело в том, что английскую агентуру в России хорошо прошерстили, отправив пойманных шпионов в Сибирь, причем в такие суровые места, где даже волки морозят свои хвосты.

Несмотря на эти предупредительные меры, военные приготовления велись в полнейшей секретности, а потому информация о них вряд ли могла дойти до Лондона.

«Так что внезапное превентивное нападение лощеных британцев на нас маловероятно! — подумал Петр и зло усмехнулся. — И заговор не организуют, как против несчастного Павла!»

Хлопнув ладонью о ладонь, саркастически скривил тонкие губы император, вспомнив подробности того убийства, организованного и оплаченного англичанами. Петр знал, что говорил — имел под державной дланью сразу четыре спецслужбы, начиная от «Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии», где старательно пестовали интеллектуалов контрразведки, и заканчивая мордоворотами из «Тайной экспедиции» Сената, которые к пыткам почти не прибегали. Настолько устрашающим был вид этих звероподобных людей, которых даже выдавшие виды не иначе как монстрами не именовали.

Император ведал обо всем, что происходило среди аристократии и армии, кроме того, иногда и сам пускал в ход свой «детектор», врать которому было бесполезно.

— Нет, ничего у них не выйдет!

Петр снова усмехнулся, вспомнив вытянувшуюся физиономию английского посла Чарльза Уинтворта, которого на придворном балу он мимолетно прогнал через «детектор лжи» два месяца тому назад и убедился, что тот совершенно не знает ни о тайных, ни об открытых приготовлениях, ведущихся в Лондоне.

Тем более на всякий случай жандармы приставили к нему любовницу, весьма обаятельную

даму, очень даже похотливую, с подходящей фамилией — Жеребцова. Их коллеги из соответствующего отдела МИДа в свою очередь завербовали секретаря посла. Потому все происходящее в английской миссии детально освещалось.

Приставленная к послу агентесса трудилась с огоньком, совершенно по-стахановски, рапорты писала обстоятельные, Петр их внимательно читал. Женщина работала виртуозно, иссушая Уинтворта как физически, так и финансово.

Такую рьяную службу император не мог не заметить, а потому даже повелел помиловать ее брата-лоботряса, почтмейстера, ошибка которого привела к случайному пожару на почтовой станции, в результате чего сгорел телеграфный аппарат. Правда, коллежского чина тот был лишен — для профилактики.

— Как там фамилия этого идиота?

Петр нахмурил лоб, старательно пытаясь вспомнить указанную в прошении фамилию.

— Такая простенькая, сама на зубы просится. Короткая, всего из нескольких букв...

Вот только припомнить ее Петр так и не мог, хотя старательно морщил лоб. Разочаровавшись в умственных усилиях, император встал из-за стола, с наслаждением потянулся.

— Ладно, хватит на сегодня размышлений. Сейчас на прогулку отправлюсь, проеду по окрестностям, а вечером в баню схожу, косточки пропарю. А то все дела и дела...

Копенгаген

— Проклятые русские!

Горацио Нельсон не верил своему единственному глазу. Линейный корабль «Аврора», по которому дал единственный залп русский корабль с торчащей из палубы дымовой трубой, вспыхнул словно трухлявый сарай, обложенный сухой соломой.

Только сейчас до адмирала дошло, что те страшные пожары, которые он видел пять лет назад в Дарданеллах на английских кораблях, были отнюдь не случайны.

Московиты сумели поставить на свои лоханки не только изрыгающие дым вонючие паровые машины, но и чудовищные пушки с убийственными ядрами, вдвое тяжелее, чем английские, и к тому же снаряженные каким-то чересчур мощным порохом.

Бедную «Аврору» развернуло, и Нельсон прекрасно видел развороченный борт линейного корабля, будто сказочный великан поработал над ним огромным топором. Из раскрытых оружейных портов выплескивались длинные языки пламени, несчастный корабль сэра Хадсона на глазах превращался в огнедышащее жерло вулкана.

— Сэр, что у них за пушки?!

Капитан Трубридж, стоявший рядом, судя по ошарашенному лицу, тоже не верил собственным глазам. Нельсон зло усмехнулся, сжав тонкие губы, лицо исказилось.

— Хорошо, что у них еще мало таких больших орудий! Иначе бы наша эскадра давно была бы сожжена...

Бой шел уже около получаса. Русские оказали ожесточенное сопротивление, причем абсолютно непредвиденное. Линейный корабль «Пенелопа» был совершенно измочален пушками старых русских кораблей, но пока уверенно держался в кильватере.

«Гиацинт» пылал от носа до кормы, «Дюк оф Йорк» потерял грот-мачту, в него попало не менее двух десятков ядер, но корабль остался на плаву, наскоро починился и сейчас шел на помощь гибнувшей «Утренней заре».

— Сэр, смотрите!

Нельсон успел заметить, как над палубой «Авроры», разламывая крепкие дубовые доски,

будто спички, взметнулся в небо огромный, длинный язык пламени, раздвоенный, словно жало змеи, и лишь спустя секунду ударил гром чудовищного взрыва.

Шу-ух!!!

Нельсон чуть не присел на корточки. Прямо на его глазах горящая развалина, что прежде была красивым линейным кораблем, гордостью его отряда, разлетелась в ошметки.

Адмирал видел, как по небу летят доски, человеческие тела, какие-то обломки и даже пушки. Да и само голубое небо, казалось, превратилось в густые кембриджские чернила, отсвечивая глянцевой угольной чернотой...

Гостилицы

— Как хорошо! И не подумаешь, что тут резня сорок лет тому назад была жуткая...

Прошное словно волной прокатилось перед глазами Петра — пороховой дым снова укутал густым покрывалом поле баталии, свирепый рев гвардейцев, идущих в штыковую атаку, оглушал.

По ушам ударил грохот пушек, ржание лошадей, хриплые стоны раненых. И он заново ощутил смрад дымящихся человеческих потрохов, рассеченных острой сталью, солоноватую влагу крови на губах.

Память услужливо переставляла слайды, а Петр заново их просматривал. Зрелище завораживало, затягивало, и лишь неимоверным усилием воли императору удалось отогнать от себя видение. Он закрыл глаза, потряс головой, и морок рассеялся.

— Слава Богу!

Перед ним снова стояла белокаменная часовенка, установленная рядом с братскими могилами. Ее золоченый купол в лучах заходящего солнца отбрасывал багровые отблески, которые кровавыми пятнами ложились на зеркальную ленточку неширокого ручья.

— Сейчас съездим до рощицы, постою немного на новом мостике, ведь прежний Гаврила Державин взорвал...

Петр привстал в стременах, пытаясь разглядеть пойму близкого ручья, где он повел своих голштинских гренадер в контратаку, закрывая брешь, что пробили измайловцы.

Но зеленые верхушки берез той самой рощицы, за которой тогда скрывалась в резерве его личная гвардия, мешали увидеть место побоища, где он свалил известного силача Ивана Орлова.

Дав шенкеля смирной лошади, прекрасно объезженной и чутко понимающей любое касание своего венценосного хозяина, Петр потихоньку съехал с бугра. За ним двинулись два казака, которые всегда сопровождали императора в его «дачных» поездках. Молодые и рослые донцы, его крестники, в чьей верности он никогда не сомневался, не отходили от императора ни на шаг. К ним Петр привык, как к собственной тени.

Старина Данилов, да не Лукич, который сорок лет назад злодействовал на этом поле, а его сын, до боли похожий на отца, — такой же седоусый, чубатый, немногословный матерый казачина, муштровал лейб-гвардии Атаманский полк на совесть.

Именно донцов Петр всегда приставлял в качестве охраны своим детям, даже не беря с них особой клятвы. Прекрасно знал, что те предпочтут смерть, чем неисполненный долг.

Пальцы легко держали повод, гнедая сама выбирала путь, а Петр предавался отдыху, с жадностью вдыхая прохладный летний воздух. В это время в Петербурге нет ночи, а есть один затянувшийся вечер, плавно переходящий в утро, когда солнце начинает только проглядывать на востоке. Сейчас светило начало величаво опускаться за горизонт, и вместо золотистого цвета окрасилось в багряный румянец.

Петр припомнил события сорокалетней давности — именно в эти часы, получив известия о

гвардейском мятеже в Петербурге, он отправил Миниха в Кронштадт, а сам стал собирать войска.

— Эх, какие были дни... — сквозь стиснутые зубы еле слышно пробормотал Петр, вспоминая прошлое. Странное дело, но он иногда прямо скучал о тех беспокойных и суматошных часах, когда его жизнь висела на волоске, когда выплескивался лошадиными дозами адреналин, в жилах бурлила молодая кровь, а рука крепко сжимала шпагу.

Славное было время, что ни говори — время молодости, желаний, биения сердец!

— Хм. Ты о чем тоскуешь, брат?! — подбодрил Петр сам себя и съязвил, слегка похлопав себя по лбу. — Песок скоро посыплется, а ты все о драке мечтаешь! Мыслимое ли это дело для императора? Сейчас ты можешь только орлом на стульчаке сидеть да указания мудрые отдавать. Страдания твои, друг мой, мне известны — дайте, дайте мне дубину, я пройдуся по Пекину, пусть узнают шаоляня, как гуляет пьяный Ваня!

Петр жизнерадостно рассмеялся, но казаки даже бровью не повели на этот смех. Донцы привыкли к перепадам настроения своего государя и, не моргнув глазом, переносили все его внезапные выкрутасы. Да и не их дело судить о своем монархе, что отцом им является. Почитание родителей и стариков на Дону казачатам накрепко в головы вбивали.

— Но при чем здесь зубы?

Мысли Петра непроизвольно перенеслись на ночной разговор с дедом, и он машинально ощупал прекрасно сохранившиеся зубы языком. В Кунсткамере, что в то, студенческое, время, что сейчас он видел шкатулку, доверху заполненную зубами — плод усилий самодержца, доморощенного дантиста по совместительству.

Император Петр Великий очень любил рвать своим подданным зубы и под страхом жестокого наказания запретил петербуржцам, страдающим зубной болью, обращаться к врачам, взвалив на себя функции стоматолога.

Жители терпели до крайности, лишь когда боль их совершенно донимала, с покорностью жертвенных баранов шли к венценосному врачу.

Тот брался за дело охотно, предварительно собственноручно налив немалый стакан перцовой водки для храбрости и обезболивания. Затем брался за дело, используя купленный в Голландии комплект медицинских инструментов, более смахивающих на палаческие.

Больному от одного их вида становилось худо, а потому, думая о худшем для себя исходе, многие заранее ходили на исповедь и принимали причастие, готовясь предстать пред Вышним судом, ибо сесть перед императором-дантистом многие почитали за добровольное возложение на плаху собственной головы.

Впрочем, Петр Алексеевич изрядно набил руку и, имея немалую физическую силу, резцы с клыками вырывал лихо. С коренными зубами император тоже долго не мучился, найдя отличный выход. Дабы иметь возможность подобраться к больному зубу, он сперва удалял пару здоровых, и лишь после выполнял искомую хирургическую операцию. Потому-то в той шкатулке даже на первый взгляд совершенно целые зубы значительно преобладали над почерневшими, ломанными или корешками.

— Да уж! Нашим бы стоматологам такую богатейшую практику и безропотных пациентов!

В который раз Петр удивился кипучей энергии деда, который старался освоить все профессии, особенно те из них, которые напрямую касались выпуска крови из человека — от дантиста до палача. Причем в последней ипостаси российский самодержец сам мог дать многим «запленных дел мастерам» изрядную фору...

Гнедая тем временем вышла на дорогу, и перед взором Петра открылся красивый, будто сотканный из воздушного кирпича мостик, переброшенный через серебристую ленту ручья. Чуть не доехав до него всего несколько шагов, стояла открытая коляска, запряженная парой

воронных.

Вскинувшиеся в седлах донцы тут же успокоились, отняв мозолистые ладони от рукоятей шашек. Да и какую угрозу для них, матерых рубак, могли представлять молодая женщина в белом пышном платье, печально стоявшая на обочине, да бородатый кучер, баюкавший на груди правую руку, перемотанную окровавленной тряпкой.

— Обычное дело, батюшка-государь, — тихо промолвил донец, подъехав к Петру вплотную, — быстро ехали. Вот колесо со шкворня и соскочило. Мужика выбросило, в пыли весь извазюкался. Тьфу!

В голосе казака отчетливо просквозило презрение чуть ли не родившегося на коне станичника к обычному извозчику, что не то что в седле, на облучке удержаться не может. Одно для таких у донцов слово — сиволапые!

— Подъедем, братцы, поможем. Негоже даму под вечер на мосту оставлять — в своем платье она, бедняжка, и на коня не сядет, а в своей обуви до жилья не дойдет.

— То доброе дело сотворим, царь-батюшка. Зараз колесо им поставим, плевое дело!

Казаки оживились, шмыгнули носами, и Петр сразу понял причину некоторого их возбуждения. Рубль-другой станищикам на водку обязательно перепадет. Хотя на царской службе они отнюдь не бедствовали, да и не пили, неся круглосуточную охрану.

В кабаки донцы ходили, только будучи свободными от службы, находясь в краткосрочном отпуске, зато отрывались по полной, иной раз разнося заведение по бревнышку.

И как ни боролся Петр с этой пагубной привычкой, но переупрямить казаков так и не смог. Недаром неофициальным гербом Тихого Дона является пьяный казак в костюме Адама до грехопадения, но с папахой и при сабле сидящий верхом на винной бочке. И ничего тут не добавишь — в бой казаки на коне лихо мчатся, а из кабака их и на арапнике не вытянешь.

Пока все не пропьют, не уйдут!

Копенгаген

— Крюйт-камера взорвалась, сэр!

Трубидж прохрипел совершенно осипшим голосом, и Нельсон раздраженно дернул плечом.

— Сам вижу! Сейчас к русскому подойдет «Дюк оф Йорк» и разрядит по нему пушки!

Адмирал прижал к единственному глазу подозрную трубу — мощный и пока серьезно не пострадавший 72-пушечный «Герцог Йоркский» накатывался на русский корабль неотвратимой смертью, приближаясь к нему на пистолетный выстрел.

«Все правильно, пушки у русского разряжены, и Хью даст в упор полный залп. Протянет ядрами по всему борту. Как там его? „Гранд Нью Сити“?! Что за варварское название?! Оо-о! Годдем!»

Крышка одного из портов, в самом низу русского линкора, чуть ли не у ватерлинии, которую адмирал принял сначала за заплатку, неожиданно поднялась. И тут же из нее с дымом вылетело черное длинное бревно, шлепнулось в воду и с отчетливо видимым пенистым следом рванулось прямо к середине борта «Герцога».

Нельсон онемел, ему показалось, что сердце остановилось, он даже не дышал. Только теперь адмирал понял, что все рассказы спасшихся моряков, которые видели в Дарданеллах самодвижущиеся бревна, способные в клочья разнести любой корабль, не являются выдумкой, бредом, плодом больного воображения...

«Они их называли „Копьями Сатаны“! Да, это оно!»

Швах!!!

У борта «Дюк оф Йорк» вырос огромный белый султан воды, взлетевший чуть ли не до

клотика фок-мачты. И когда он опал, глазу адмирала предстало чудовищное зрелище — крепкий дубовый борт словно был проломан страшным ударом чудовищного топора сказочного великана, в нем зияла огромная пробоина, куда с плеском устремилась вода. Линкор неотвратимо заваливался в свинцовую гладь моря.

— Сэр, так это правда?! У русских действительно имеется это чудовищное оружие?! Это не болтовня! Хоули щит!

— Черт с кораблем! Я готов потерять еще два, но такое оружие должно быть у нас!

Нельсон мотнул головой. Потеря трех новых линейных кораблей его не сильно огорчила, ведь в замену были утоплены две старые русские лохани и шведский фрегат.

Теперь у англичан было подавляющее преимущество — четверо против одного. Да еще командор Грей с тремя кораблями спешил на помощь. Сейчас главное — не подходить к правому борту, там может быть еще одно «сатанинское копье».

Хотя...

В этот момент в голове адмирала промелькнула удачная мысль, и он ее тут же громко выразил:

— Передайте сигнал Грею — пусть заходит с правого борта. А мы с левого. Возьмем русского в два огня! И еще одно, Трубридж, — нам нужны пленные с этого корабля, желательно офицер. Он сейчас на вес золота! Поэтому озаботьтесь, капитан, заранее!

Париж

— Бедный Симон!

Первый консул Французской Республики, дивизионный генерал Гош машинально вытер расшитым золотом обшлагом мундира пот со лба. Ему снова привиделась Вандея — дикий край мятежных шуанов, бесчеловечных в своей жестокости, недостойных считаться французами, а потому подлежащих беспощадному истреблению.

Якобинская диктатура отчаянно нуждалась в хлебе — Париж голодал. Зажравшиеся вандейские крестьяне категорически отказались отдать зерно. Более того, они перебили отряды Конвента и зверски растерзали посланных за хлебом комиссаров. Глумясь, вспарывали животы революционерам, набивали чрево пшеницей и злобно приговаривали: «Вот вам наш хлебушко бесплатно, досыта отведайте!»

— Канальи!

Гош встал из-за стола, его терзала ненависть. Ровно девять лет назад, в проклятом девяносто третьем году, его, сына простого каменщика, ставшего бригадным генералом Республики, отправили с войсками на усмирение мятежного департамента, поднявшего белые знамена с ненавистными золотыми лилиями — символами власти обезглавленного на гильотине короля.

— Несчастный Симон!

Перед глазами Гоша всплыл из памяти бедняга адъютант, попавший в засаду и схваченный самим Жоржем Кадудалем — ражим молодым детиной, особенно зверски расправлявшимся с захваченными в плен республиканцами. И этот упырь постарался во всю гнусность души и своего подлого разума — Симон еще дышал, когда Гош с двумя эскадронами Национальной гвардии пошел в атаку на лагерь бандитов.

Он не узнал своего адъютанта — 17-летнему юноше выкололи глаза, отрезали язык и уши и нарядили в «красные штаны» санкюлотов. Кадудаль лично, как узнали позднее, снял с парня всю кожу от поясницы до щиколоток. Хотя генерал отомстил, приказав перебить всех вандейцев, которые, невзирая на пол и возраст, бешено сопротивлялись.

Даже женщины и маленькие дети с растрепанными волосами, искаженными лицами, распаленные безумной яростью, как озверелые фурии, с лютостью бешеных собак бросались на солдат Республики.

Приказ генерала был выполнен в точности, хотя восстание удалось подавить лишь через два года. Вандея полностью обезлюдела, только черные вороны, вестники горя, каркали на пепелищах...

Гош ни о чем не жалел ни тогда, ни сейчас, только лицо несчастного адъютанта, которого он собственной рукой избавил от мучений, иной раз всплывало у него в памяти. Только так, и никак иначе — либо Республика, либо король! Победитель может быть только один!

Сам Гош считал, что выбрал правильную сторону, ибо в королевской гвардии сын простолюдина, что луковый суп считал неслыханным яством, смог бы выслужить офицерскую иппагу, и то при невероятном везении, лишь к старости.

В армии Конвента молодой Луиш Лазар прошел путь от солдата до полковника всего за один год, став в 23 года бригадным генералом.

Не это ли лучшее свидетельство истинно народной власти?! Власти, которая ценит людей прежде всего за их настоящие заслуги перед Республикой, а не за происхождение...

— Бедный Симон...

В памяти глухо щелкнул выстрел. Гош воочию ощутил пистолет, который дернулся тогда в его руке, избавляя несчастного от мучений. И тут же память отступила, смытая волной застарелой ненависти, накопившейся за эти годы и прорвавшей «плотину» железной воли.

— Жорж Кадудаль! Я еще с тобой посчитаюсь!

Копенгаген

— Флаг сбили!

Отчаянный выкрик матроса заставил Кроуна обернуться, тяжело припадая на ногу. Капитан-командор был ранен — осколок разорвавшегося ядра распорол ему мышцу. Жена, сразу кинувшаяся к нему, умело перетянула голень жгутом и наложила повязку.

Сейчас, в этом безумии кровавой схватки, он не мог нарадоваться на свою Марфу Ивановну. Она, как опытная «сестра милосердия», уже перевязала десятки матросов и офицеров, не обращая внимания на взрывы и всюду занимающиеся пожары.

Но не только женой, сейчас Кроун гордился всей командой «Великого Новгорода», матросами и офицерами, которые не обращали внимания на легкие ранения — они были почти у всех. Даже те, кто потерял руку или ногу, но находились в сознании, продолжали драться, помогая накатывать орудия или подавая картузы.

— Флаг поднят, господин капитан-командор!

Из клубов дыма выскочил лейтенант Колбасьев, злой, растрепанный, с безумными глазами.

— Вы почему здесь, Иван Петрович?! Немедленно вниз, к своему аппарату! Пожар и без вас потушат!

Лейтенант шотландцу нравился. Лихой офицер имел красный Владимирский крест с мечами за потопление торпедой турецкого флагмана в Дарданеллах. Вообще-то молодой мичман тогда потопил еще и британский корабль, однако островитяне являлись в то время союзниками, и награждать за столь удачный выстрел не стали, неудобно как-то...

— Иван Петрович, голубчик, на вас только вся надежда. Британцев двое, и если вы поразите своей торпедой одного из них, то от второго мы сможем уйти. Я не хочу терять «Великий Новгород», корабль должен еще послужить России. К тому же это последняя просьба...

— Чья?! — искренне удивился лейтенант.

— Вы были внизу и не видели, юноша, как с «Риги» передали флажками просьбу идти нам на прорыв. Они гибнут, прикрывая нам отход! Нельзя, чтобы их гибель была бесцельной!

— Да, вы правы, господин капитан-командор, прошу извинить меня...

— Мы прорвемся к Борнхольму, там стоит наша эскадра. Адмирал Ушаков должен знать о вероломном нападении! Так что цельтесь точнее, на вас вся надежда! Пойдите!

Кроун остановил побежавшего было офицера и прикусил губу, терзаемый сильной болью. Затем тихо произнес, почти зашептал, наклонившись чуть ли не к уху молодого лейтенанта.

— У меня к вам личная просьба, Иван Петрович. Если мы не сможем прорваться, то спасите мою Марфу Ивановну. Вы отличный пловец, а до берега недалеко...

— Я понял, Роман Владимирович, разрешите идти?

— Идите, лейтенант, и хранит вас Господь!

Тяжело припадая на ногу, Кроун подошел к фальшборту. «Британец» настигал, грозно выставив пушечные жерла из орудийных портов. За ним тянулись и другие корабли английской эскадры, их белые паруса были наполнены ветром. Старый шотландец посмотрел на трубу, из которой валили густые клубы черного дыма.

«Коптильня» — усмехнулся командор, вспомнив, как первый раз ступил на палубу линкора. Но теперь вся надежда была именно на паровую машину.

Стоит только зайти за остров и повернуть против ветра, как британцы отстанут, и это будет спасением, ибо сейчас «Великий Новгород» уже потерял две трети своей боевой мощи.

Большая часть пушек выбита, экипаж держится из последних сил, вся надежда на лейтенанта со «вкусной» фамилией Колбасьев, на его единственную оставшуюся торпеду да на паровую машину, что позволит вырваться из смертельного окружения. Чтоб, не дай Бог, не сломалась! А если придется умирать, то...

— Я хотел бы умереть под своим Андреевским флагом! Но лучше даже под двумя...

Он поднял заплавшие кровью глаза на стенгу — именно здесь и сейчас Кроун хотел увидеть стяг своей полузабытой, пусть суровой и холодной, но прекрасной родины.

Гостилицы

— Вам помочь, красавица?

Петр осадил лошадь прямо перед женщиной и не в три приема, а словно вспомнив молодость, лихо соскочил с седла, вынув сапоги из стремян.

И хотя он был в полевой форме, сняв шитые золотом воротник и клапана, женщина узнала императора сразу, ибо без промедления присела перед ним в реверансе, низко склонив голову.

— Я буду благодарна вам, ваше величество, если это не помешает вашим планам.

— Нисколько! — демонстративно пожал плечами Петр и быстро окинул взглядом склонившуюся перед ним фигурку. Кровь не забурлила, как в молодые годы, но увиденное являлось довольно-таки прелестным зрелищем. Маленькая, изящная фигура, нежная, почти лебединая шейка, волнительные полушария чуть прикрытой батистом груди.

«Весьма аппетитно! Да, весьма... Ты давно стал, братец, чистым ценителем, не переходя от теории к практике?! Жена, конечно, дело святое, верность надо блюсти... Но полюбоваться иной раз стоит ради поддержания интереса. Тем более на такое чудо. Очень даже аппетитная! Повезло кому-то, мацает ее всей пятерней!»

Мысли ползли обожравшимся удавом. Последние два десятка лет Петр больше грешил в голове, чем на деле. Претило ему это как-то. Особенно когда понимал, что легкая доступность прекрасных женщин напрочь развращает мужчину, ведь с высоты его положения только свистни, и многие дамы сразу из платьев выпрыгнут.

Но зачем лишний «головняк» от любовниц? Согрешил он так несколько раз, а потом чуть ли не повесился от назойливых просьб — то папеньке землицы прирезать, то какого-то кузена орденом наградить, то фрейлиной в свиту к собственной жене зачислить.

Последнее пожелание только законченная дура могла произнести! Узнай Катенька о такой просьбе, глаза бы выцарапала полюбовнице. Жена в последние годы, потеряв былую привлекательность, но сохранив величественную статность и красоту, стала жутко ревливой.

Петр же, наоборот, стал пристально, раздевая глазами, поглядывать на молодых, что крутились при императорском дворе в неимоверном количестве. Хотя грешил только в мыслях. Но недаром в народе говорят: «Седина в бороду — бес в ребро».

— И как вас занесло в эти края, красавица?! — игриво спросил император, протянув руку для поцелуя. Женщина почтительно приложилась к его руке, и он мимолетно ощутил, как царапнули кожу сухие губы.

— К тетке еду, к графине Браницкой, ваше императорское величество. Она на даче за Гостилицами живет. Меня зовут Ольга Жеребцова, мой муж Александр Павлович служит статским советником в Счетной палате Сената. Всегда к вашим услугам!

Голос женщины стал с придыханием, волнительным, чуточку возбужденным, и Петр от этого взволновался, ощутив, как заходила толчками в жилах кровь.

«Ишь, голосок как задрожал! Никак возбудилась?! А глаза-то как заблестели, будто накинута хочет... И меня с ходу изнасиловать! Ну что ж, я не против, давненько не мял руками таких цацек! Не девка ведь, а баба, все знает, все умеет...»

Мысли хотя текли насквозь игривые, но осторожность Петр соблюдал и бросил взгляд на казака. Тот мотнул два раза головой, как бы подтверждая слова женщины.

В такой проверке император своим донцам полностью доверял, станичники прекрасно знали все окрестности и их обитателей, а также гостей, которые сюда наведывались время от времени. Этот молчаливый кивок полностью успокоил Петра, и он продолжил жадно оглядывать женщину, лаская ее взглядом.

«Карета пусть стоит на мосту, а ее в седло и в баньку попариться! Муж? А хрен с ним, не стенка, отодвинется. Действительного статского ему дам, и Анненскую ленту через плечо накинута. Заслужил, право слово, такую кралю подцепив!»

Однако на горящий взгляд Петра женщина ответила не багряным румянцем ложной стыдливости, а бледностью, что залила ее щеки и переместилась на шею. А глаза, вместо ожидаемого и привычного кокетства, полыхнули нешуточным огнем.

«Ну не хочешь, не надо! Что беситься, я тебя тут насиловать не собираюсь! Поставим колесо и проваливай! — Мысленно Петр попятился, быстро меняя планы. — Странная баба... Жеребцова, Жеребцова... Где-то я встречал сию фамилию, и совсем недавно...»

Петр закусил ус, думая и смотря, как его казаки дружно, в четыре руки, поставили колесо на ось.

«Жеребцова?! Так это та агентесса, что спит с Уитвортом! Почему она себя странно ведет?!»

И тут император услышал характерный щелчок — так ставят револьвер на боевой взвод. И не думая, на одних внезапно проснувшихся рефлексах, Петр рванулся в сторону, выхватывая шпагу из ножен. Словно в замедленной съемке он увидел граненый ствол револьвера, и огненный всплеск на мгновение ослепил его. Что-то горячее обожгло щеку.

— Государь! Изме...

Громкий крик казака оборвался хриплым стоном, выстрелы суматошно загревели. Бородатый «кучер», оказывается, прятал под повязкой уже взведенный револьвер. И сейчас палил в упор в широкие спины не ожидавших подлого нападения донцов.

Первый из казаков получил пулю в голову, мозги забрызгали коляску. Грудь второго станичника пронзили две пули, но он успел выкрикнуть предупреждение. Прогремел третий выстрел, и казак бездыханным телом свалился рядом с убитым односумом.

«Чертова баба! Врешь, не возьмешь!»

Петр рванулся за лошадь, уходя от третьей пули, которую в него пыталась всадить убийца в женском обличье. Будь револьвер в крепких мужских руках, император был бы давно убит. Однако армейский «кулибин» — тяжелая штука, спуск у нее тугой. Вот и дрожали женские ручки, и промах следовал за промахом.

— Ну, падла!

В Петре словно проснулся молодой парень, что когда-то повел в яростную атаку своих grenадер на этом самом ручье, он бросился к лжекучеру, отчаянно выбросив вперед шпагу. Убийца попытался повернуться, вскинуть револьвер, но было поздно.

— Получи, сучий потрох!

Клинок доброй германской стали пронзил горло насквозь. Петр специально рванул рукоять шпаги в сторону, распарывая горло, и это его спасло.

Струя брызнувшей крови заставила женщину шарахнуться в сторону, и она сбила себе прицел. Пуля лишь царапнула Петра по волосам, вместо того чтобы развалить голову, как гнилой орех.

«Пятый!» — машинально сделал отсчет Петр и, состроив самую зверскую гримасу, на которую только был способен, в дикой ярости заорал, высоко подняв окровавленную шпагу:

— Я тебя щас на вертел посажу, сучка!!!

— Валера! Платоша! — в отчаянии закричала женщина и, выстрелив в сторону императора оставшимся последним патроном в барабане, бросилась от него убежать, путаясь в подоле. Петр догнал бы ее в три прыжка, но выкрик убийцы заставил его остановиться.

«Писец! Да сколько ж вас тут?!»

От рощи к мосту бежали четверо мужчин, еще двое вылезли из камышей неподалеку, все в масках наряжены, руки крепко держат револьверы и обнаженные кинжалы.

— У-у, падлы! — прямо нечеловеческим голосом взвыл Петр. Схватил револьвер кучера — тот лежал в пыли и все еще продолжал сучить ногами, из разрезанного наискосок горла толчками выплескивалась кровь.

Перебросив шпагу в левую руку, Петр быстро выстрелил два раза, на третий курок только щелкнул, барабан был пуст.

Годы, проведенные с «кулибиным» в руках, тысячи патронов, которые он извел, сейчас окупилась сторицей — оба «камышатника» упали. Один, нелепо подогнув руку, уткнулся носом в траву, а второй с всплеском доброго сома рухнул в воду.

Однако и вокруг императора свистели пули, четверка бандитов, торопливо грохоча сапогами, приближалась. Убийцы были от него уже в тридцати шагах, и чудо, что они в него еще не попали.

— Врешь, не возьмешь! — хрипло прокричал Петр, осознавая, что уже обречен. Взять оружие у погибших казаков он не успеет, изрешетят в спину. Переть с одной шпагой в руке на душегубов — изощренный путь героической смерти.

Умирать Петру сейчас не хотелось категорически, он прямо-таки жаждал выпотрошить в прямом и переносном смыслах напавших на него бандитов.

Осталось только одно средство для спасения — хорошо вымуштрованная лошадь терпеливо стояла на месте, лишь прядая ушами на громкие выстрелы.

Петр громко гикнул, лихо запрыгнул в седло, мысленно удивившись столь невероятной резвости — такие прыжки ему и в молодости редко удавались. И сразу кольнул верную конягу

кончиком шпаги, завалившись за ее широкую шею, что являлась хоть какой-то защитой от пуль.

Гнедая, почувствовав животный страх хозяина, рванула с места в карьер, делая большие прыжки.

«Лишь бы уйти!» — мгновенно пронеслась мысль. — «Пока они на своих коней сядут... Дончаки им не дадутся — покусают и убегут. Давай, давай, милая, выноси!»

И тут, будто раскаленным ломом ткнули буквально в лежащее на седле бедро. Петр нечеловеческим голосом взвыл от нестерпимой боли, и в его глазах словно взорвалось солнце...

Копенгаген

— Проклятые варвары!

Такой кровавой развязки боя Нельсон не ожидал, хотя предполагал, что москвиты окажут яростное сопротивление. Русский корабль чуть-чуть не ушел. Взяв курс против ветра, без единого паруса, горящий, он направился в открытое море. И прорвался бы в море, если б не отряд несчастного командора Грея.

Как и приказал адмирал, тот зашел с правого, неповрежденного борта русского линкора, и его флагман сразу же получил от «Новгорода» сокрушительный залп.

Следующую за ним в кильватере «Аретузу» поразили страшным самодвижущимся снарядом, и та поделила печальную участь «Герцога Йоркского». Третий мателот «Гуд Хоуп» угостил русского убойным залпом в упор и свалился с ним на бордаж.

Нельсон в подзорную трубу видел, с каким азартом и яростью прыгают на палубу русского линкора английские моряки. Москвитов оставалось немного, но они дрались с бешенством фанатиков. Он даже опознал в одном из офицеров русского адмирала.

Тот зачем-то приказал поднять на уцелевшую стенгу флаг Святого Андрея, только не русский, а шотландский — белый крест на синем фоне. Затем отбросил шпагу и, схватив горящую головню, прыгнул в какой-то люк на палубе.

У Нельсона защемило сердце, он понял, что произойдет...

И действительно, прошла едва половина минуты, как русский корабль был разорван чудовищным взрывом. Огненный смерч поглотил и его противника, и «Добрая Надежда» сама исчезла в огненной вспышке.

Вскоре взорвался и флагман Грея «Черный принц» — на нем так и не смогли затушить пожары. Полыхающий везде огонь добрался в конце-концов до крьюйт-камеры «Блэк принса», с ним погиб и командор Грей, разделив судьбу своего полностью погибшего отряда.

— Проклятые русские!

Нельсон не мог сдержать своего искреннего негодования. Его отряд, и без того поредевший на три единицы линии, вскоре лишился четвертого корабля. Несчастный «Хоуп», измороженный чудовищными русскими снарядами, вдвое большими, нежели ядра самой крупной пушки, что стояла на палубах английских линкоров, превратился в полную развалину, и адмирал приказал его оставить.

И что в итоге?!

Потеря семи линейных кораблей флота Его Величества — слишком большая цена за две старые русские лоханки, дряхлый шведский фрегат, который разлетелся от первого залпа, и этого ужасающего «Новгорода», который английские моряки вначале встретили со смешками, именуя «коптилкой».

Пренебрежение сменилось страхом, теперь адмирал хотел только одного — чтобы Англия сама строила подобные корабли. Жаль только, что все русские секреты ушли на дно...

— Сэр! Все русские офицеры погибли. Мы выловили лишь несколько трупов.

— Годдем! Ищите лучше, должен же хоть кто-то из этих варваров остаться живым! Найдите хотя бы матроса! — Нельсон топнул ногою по палубе, не в силах сдержать рвущееся из души раздражение.

— Сэр, мы обшарили все море, такой оказался только один! Но у него разбита голова, и он без сознания! Лекарь осмотрел москвитя и попросил до утра не беспокоить, попробует подлечить его для допроса. Хотя... Матрос плох, сэр.

— Прах подери!

— Но мы выловили русскую шлюху, она жива и может отвечать на вопросы!

— Шлюху?! — удивился Нельсон. — Что за варвары?! Они совершенно не чтят морских традиций! Женщина на корабле всегда к несчастью, тем более потаскуха! Давайте сюда эту дрянь!

Спустя минуту, волоча жертву за локти, два дюжих морских пехотинца подволокли к адмиралу женщину. К искреннему удивлению Нельсона, шлюха оказалась старой, с всклокоченными седыми волосами, в совершенно разорванном платье и с чумазым лицом, копоть с которого не смогла смыть даже морская вода Балтики.

— Сэр, осмелюсь доложить! Ее скинул за борт русский капитан, перед тем как взорвать свой корабль.

— Он извращенец! — скривился адмирал от омерзения, разглядывая спасенную женщину. — Неужели не нашел моложе этой дешевой потаскухи, таких старух даже в портовых притонах нет!

— Гнусный мерзавец! Если бы мой муж был жив, он бы вколотил тебе эти слова в глотку своим клинком!

Неожиданно женщина гордо вскинула подбородок и заговорила, пусть на ломаном, но на весьма приличном английском языке. А соленые шотландские словечки сразу дали понять адмиралу, кто мог научить эту мегеру нормальному человеческому языку.

— Какой муж? Тварь! Этот горец тебя пользовал как дешевую пенсовую шлюху! Как фамилия этого предателя?

В Нельсоне прорвалась вековая неприязнь настоящего англичанина к жителям суровой Каледонии.

— Быстрее отвечай, ведьма! Язык проглотила, потаскуха?

Злая ярость бушевала в душе — недавняя потеря семи кораблей буквально взбесила Нельсона, и он хлестко, всей ладонью, нанес пощечину. Голова жертвы мотнулась, но вместо того чтобы упасть, как ожидал адмирал, женщина издала жуткий и тягучий звериный вопль.

Отшвырнув, словно пушинки, двух дюжих морских пехотинцев в стороны, выставив вперед скрюченные руки, она свирепой и злобной фурией набросилась на адмирала.

Грязные пальцы превратились в стальные стержни, они впились ему в единственный зрячий глаз, и адмирал, взыв от немилосердной боли, охваченный ужасом, закричал:

— Убейте!!! Убейте эту мегеру!

Сразу два кортика мелькнули в воздухе, и палуба обагрилась кровью. Нельсон, прижав платок к окровавленному лицу, страхась, что потерял зрение, закричал с лютой злобой:

— За борт старую падаль! За борт!!!

Гостилицы

Бедро нестерпимо горело пожирающим пламенем, и эта боль пробудила сознание Петра. Он вскинулся, приподнявшись на руке, под спиной противно чавкнула пахнувшая прелью болотная вода. Странно, от холода зубы стучали чечетку, но бедро пылало, словно раскаленная печка. Петр коснулся его пальцами и взвыл от боли.

— Суки червивые, они меня зацепили!

Он вспомнил, как скакал на разгоряченной лошади, уже не разбирая дороги, уходя от дышащей в спину смерти. И все — в памяти словно щелкнул выключатель, и наступила темнота.

— Как же я попал!

Петр схватил себя за волосы грязными пальцами. Одно было ясно — засада, что ему подготовила эта стерва Жеребцова, хорошо организована, продумана до мелочей. И ему невероятно повезло, что он выскочил из западни, пусть и получив рану и потеряв двух казаков.

— А ведь я по собственной глупости станичников погубил! Ни за грош пули получили!

Петр застонал, кляня себя за оплошность. Он и помыслить не мог, что на него могут подготовить покушение. Как же такое возможно — четыре спецслужбы, «встроенный» в мозг детектор лжи, которым он постоянно пользовался, преданная до последнего вздоха охрана, народ, боготворивший его, и в чьей любви он не сомневался?! Все это оказалось бесполезным перед кучкой заговорщиков!

— Сколько их там было? — пробормотал Петр и сразу загнул три пальца на правой руке. — Одного я пропорол шпагой, двоих застрелил, в остатке мы имеем эту стерву, что позвала пока неизвестных мне Платошу и Валеру и еще пару гамадрилов, которые с этими двумя от рожицы бежали. В итоге восемь! Впечатляет... Цельная организация террористов доморощенных!

Петр сплюнул тягучую слюну, его начинала разбирать злоба. Однако, вспомнив про оружие, он стал шарить пальцами по мокрой траве, вскоре, к своему удивлению, ладонь схватила невероятно теплый эфес шпаги. Разглядеть в темноте было ничего невозможно, и Петр машинально вытер о рукав стальной клинок.

В голове тут же сложился план спасения: подозвать лошадь, которая не могла далеко от него уйти и, будучи хорошо выдрессирована казаками, легла бы рядом, помогая влезть в седло.

А там все просто — добраться до Гостилиц, поднять местных мужиков и более ни о чем заботиться не стоило. Они живо найдут злоумышленников и к ногам бросят, оттузив хорошенько, если уже тварей этих не ищут. Ведь спохватятся, когда император после полуночи не приедет...

Петр несколько раз громко позвал лошадь, но, к его удивлению, та не приходила к нему. Это его сильно озадачило, и он осознал, что придется вносить изменения в первоначальный план — добраться до Гостилиц верхом не получится. Придется или топтать на своих двоих, что с раненой ногой проблематично, или ждать помощи, которая неизвестно когда прибудет.

— Твою мать! Ни зги не видно!

Император смачно выругался и тут, словно по заказу, выглянула бледная, как поганка, луна, немедленно окрасив своим тусклым светом окружающий его мир.

Петр огляделся — искривленные деревья, кустарник, чавкающая под телом вода. Тут можно было не гадать — занесло его напрямик в болото, коими полны здешние места.

Недаром говорят — Бог создал рай, а черт — чухонский край! И угораздило же чухну, всяких там эстонцев, финнов, карелов, селиться среди болот, камней и озер. В вечной влажной сырости, в комарином писке, на грязи. Не то что на юге, где степь, тепло и ковыль по пояс.

Благодарить!

— И шандарахнуло же дедушку по головушке, мать его за ногу, столицу свою на болоте построить... Город на сваях! А под каждым бревном по два мужика притоплено, что русских, что пленных шведов. Карл, наверное, и не предполагал, что в Петербурге сгинет больше его солдат, чем на всех сражениях!

Петр зло засмеялся и сразу застонал от боли. Бедро снова окатило приступом жара, да такого, что зубы захрустели во рту.

— То судьба солдата: не хочешь гибнуть в бою — умрешь в неволе! Каждый имеет право выбора, мой маленький принц!

Знакомый скрипучий голос за спиной, лающие шведские слова словно ужалили Петра, и он обернулся. Перед ним стоял худощавый мужчина в синем мундире с желтыми отворотами, в высоких ботфортах, соломенные волосы ниспадали на плечи, прямой, хищный нос, суровый, с жестокой льдинкой, прозрачный, словно холодные карельские озера, взгляд светло-голубых глаз. Вылитый викинг, потомок тех, кто находил упоение в бою.

«Еще один дедушка явился! И где? В чухонских болотах! Нежданная встреча!»

— Почему нежданная? Когда мы с тобой говорили, нас кругом окружал жар. И сейчас то же самое!

Король Карл протянул руку и ткнул длинным, но крепким пальцем в бедро. Петр взвыл от боли, обложив скандинавского воителя самой вычурной бранью. Однако тот не моргнул глазом на оскорбления, лишь усмехнулся, и эта улыбка, больше похожая на волчий оскал, отрезвила Петра. Все ж, как ни крути, нехорошо родного дедушку на три погибели склонять славянскими языческими заклинаниями.

— Ничего, я понимаю! — Король усмехнулся. — Перед Полтавой мне пуля в пятку попала, тоже было очень больно. Потому-то и проиграл ту битву! А могло быть...

Карл словно застыл, не договорив фразу, лицо его будто окаменело, он явно мучительно переживал свое прошлое. Однако возникшая пауза длилась недолго. Король вскоре снова повернулся к нему, лицо собралось жесткими складками.

— Ты не имеешь права проиграть эту битву, мой маленький принц! Их всего пятеро, и они скоро будут здесь! Для тебя это пустяки...

— Какие ПУСТЯКИ?! — взвыл Петр. — Они стволами и кинжалами увешаны от зубов до яиц! А я двигаюсь как каракатица, нога ранена, сам же видишь! А из оружия только шпага...

— Зато какая! — усмехнулся король. — Я ей немало врагов свалил, она тебе и поможет! И вообще, мой маленький принц, храбрость воина не на оружии зиждется!

Король усмехнулся еще раз, засунул руку за отворот мундира и, покопавшись, извлек на удивление белую холстинку.

— Сестра вышла, видишь? Королевские львы под короной... Давай перевяжу, мой маленький принц.

Петр расстегнул армейский кожаный ремень и осторожно приспустил штаны. От увиденного ему поплохело — рана оказалась скверная, пуля словно выдрала кусок мяса.

— Ничего, у меня было хуже, зажило как на собаке!

Карл в который раз загадочно усмехнулся, его стальные пальцы впились в окровавленную мякоть, стягивая края плоти. Петр застонал, дернулся, но был крепко схвачен железной рукой.

— Я тебе еще тогда говорил, мой маленький принц, что лучше десять раз получить легкие ранения, чем одну серьезную рану. Потерпи, сейчас замочу...

Король наложил ткань на рану и крепко скрутил концы тугим узлам. И, удивительное дело, боль отошла. Нет, она никуда не делась, просто стала тупой, ноющей.

— Да, мой маленький принц, шпагу внуку вернешь, она ему сейчас нужнее. Война предстоит добрая!

— Внуку? — удивился Петр. — Ты же мне ее отдал?!

— Своему внуку отдашь! — мягко произнес Карл. — Густаву! Ему она поможет, на войне любое оружие — помощь!

— Но я не собираюсь воевать со Швецией! Как я могу воевать с собственным внуком?

Король тяжело вздохнул, укоризненно и странно, будто на тупицу, посмотрел на Петра, его губы зашевелились, беззвучно произнося какое-то ругательство. Он шагнул в болотную тьму. Вода с чавканьем расступилась перед ним. Словно прощальным эхом донеслись слова:

— Не с ним, а вместе, мой маленький принц...

Петровская гавань

— Опять, британцы! Что-то зачастили они к нам!

Капитан второго ранга Крузенштерн, приставив к глазу подзорную трубу, внимательно рассматривал три «поджарых» брига, что медленно вползали в просторную гавань.

— Иван Федорович, никак опять воровские корабли сюда пожаловали?! А может, «купцы» какие-нибудь заплутали? Или ураган их загнал?

— Штормило давненько, да и ошибиться трудно — так что плыть на норд им незачем. Пираты это, они самые! — Крузенштерн с улыбкой повернулся к лейтенанту Власову. — Потому под торговцев рядятся, и порты полотном прикрыли. Вот только не «пузатые» они, да и оснастка воинская!

Страха молодой моряк совершенно не испытывал, как и команда его 16-пушечного брига «Надежда». В прошлый раз, в этой же самой гавани, они взяли на abordаж точно такое же пиратское судно.

За прошедшие пять лет, он, как старший военно-морской начальник в здешних водах, времени зря не терял, затюкал и моряков, и мастеровых, загонял их на непосильных работах. Но тяжкие труды не пропали даром, и теперь было чем встретить непрощенных гостей.

Видимую на мысе батарею, уставившую в амбразуры тонкие, «несерьезные» для морской баталии стволы фальшивых «восьмифунтовок», «купцы» проигнорировали, хотя на всякий случай обошли ее по дуге, не очень большой, всего с половину мили.

«Гостям» явно не улыбалось даже случайно получить в борт пусть маленькое, но весомое ядро. И тем самым выдали свои истинные намерения — честные торговцы не испугаются проходить под пушечными стволами.

— Все правильно, лейтенант! — Крузенштерн зло усмехнулся. — Их атаман желает потопить нас прямо у пирса, уверен, собачий сын, что ядра его не достанут. А если и попадет какое случайно, то невелика беда — не бомба ведь. Но рисковать напрасно не желают, хотя всю «немошь» нашей батареи оценили — они сюда не для боя пришли, а за добычей. Восемь бортовых пушек «Надежды» не слишком серьезная угроза — 12 фунтов, у них такие же на борту стоят, так что перевес трехкратный. Сейчас проверим их сущность! Эй, сигнальщики, поднять по аглицкому коду приказ убрать паруса. А господ капитанов я прошу пожаловать на берег, только в шлюпках! Ежели пираты, то наплюют на мое требование!

Как и ожидал Крузенштерн, незванные гости сигнал проигнорировали, ложиться в дрейф не пожелали, а направились напрямик к «Надежде», которая им представлялась беззащитной жертвой.

— Совсем обнаглели, сволочи, нахрапом берут!

Крузенштерн зло ухмыльнулся, глядя, как британцы почти залезли в уготованную им ловушку. Все верно, любой капитан посчитает, что в такой заштатной гавани, как Петровская, не может быть по определению ни крупнокалиберных орудий, ни умелых канониров.

И ошибется!

Три года Крузенштерн умолял графа Орлова дать приличные пушки с расчетами, упирая, что Алеуты служат перевалочной базой между Камчаткой и Калифорнией, а потому защищать здешние крепости нужно всерьез — рано или поздно золото Клондайка притянет к себе взоры любителей чужого добра. И в конце концов своего добился — всесильный наместник Алексей Григорьевич не отмахнулся от его просьбы и, когда случилась оказия, отправил прошлой осенью дюжину длинноствольных 36-фунтовых пушек, что устанавливают только на нижних деках мощных линейных кораблей, уж слишком они тяжелы.

Крузенштерн поделил их поровну: одна половина отправилась в Ново-Мангазейский острог, а другую установили здесь — теперь в крепостице с четырьмя имеющимися пушками их был целый десяток. Все население трудилось денно и нощно, не зная отдыха. Потом целый месяц привыкало к постоянному грохоту — пушкари оттачивали умение накрывать цель третьим залпом. Зато теперь было чем попотчевать любых незваных гостей, приплыви они сюда хоть на линейных кораблях.

Одна пушка на берегу стоит трех на палубе, а то и больше — ибо калибр весьма серьезный, по бригу из такого стрелять, что с дробовой фузеи картечью в мышь попасть...

И это еще ни один неприятный подарок, о котором французы, ставшие союзниками, говорят с придыханием — сюрприз!

Ново-Мангазейский острог

— Не надоело копать землю, Джеймс Онли?

Бывший шкипер и пират вздрогнул, он никак не ожидал услышать английскую речь из уст краснорожего дикаря, а таковыми он продолжал считать всех московитов, хотя старательно прятал свои чувства, познакомившись с немудреным механизмом под названием «дыба».

— Ты язык проглотил, шкипер «Морского орла»?

За минувшие пять лет это были первые английские слова, сказанные ему незнакомым человеком.

— Что тебе от меня надо?

Ругательное слово «варвар» застряло у шкипера в глотке, ибо туземец никак не походил на дикаря. Обычный московит, а рожа красная потому, что молотом помахал на кузнице — вон какой здоровяк, мышцы бугрятся. Такой если кулаком приложит, мало не покажется.

— Тебе передает привет лейтенант Джордж Уинслоу. Хотя он уже давно майор, шкипер. Мы, наконец, разыскали, куда ты делся, мистер Онли. Как же тебя угораздило?

«Это не русский мужик, он говорит как уроженец Лондона. Московиты так не могут. Но кто? Неужто губернатор решил проверить меня и подослал своего человека?! Да нет, с чего бы — невелика птица обычный шкипер! Или это действительно уроженец Англии? Ведь он знает Уинслоу!»

— Чего молчишь, шкипер?

Джеймс невольно бросил по сторонам подозрительный взгляд и убедился, что за ними никто не наблюдает. Четверо матросов из его бывшей команды занимались своими делами. Один носил камни, другой копал землю, а двое таскали носилки. И так час за часом, день за днем — Онли иногда сходил с ума от этой монотонности.

Русские отстраивали Ново-Мангазейский острог со всевозможной тщательностью, а потому, к великому удивлению англичан, дорожили каждой парой рабочих рук. Первым делом пиратов осмотрел врач — отделив семерых больных и немощных, добавив к ним изломанного пытками шкипера, остальных моряков отправили на загадочный Клондайк мыть золото, и больше никого из своей команды Онли не видел.

Двое из оставшихся моряков умерли от непосильной работы, хотя кормежка была обильной. Еще один решил сбежать, скрывался в горах неделю, но был пойман. Несчастного русские забили насмерть батогами — и эти гибкие палки устрасили остальных британцев от столь опрометчивых шагов.

Больше на жизнь никто не жаловался — как говорят русские, каторга есть каторга, но если ты не «вечник» и не умрешь, то глотнешь воздух свободы рано или поздно...

— Почему я должен верить, что ты от Уинслоу?

— Брось, Онли, москвитам не до таких игр, чтобы проверять твою лояльность к ним. У твоей Джессики на заднице большая родинка, а в Кингстоне вы прятали деньги под порогом, сорок полновесных гиней. Не беспокойся, твоя любовница уже никогда не сможет их потратить...

У Онли с души упал огромный камень, сердце бешено застучало, ускоряя свой ритм. Тягостное прозябание в суровой Аляске уже не казалось ему таковым. Это же бесценный опыт и полученные здесь знания.

Особенно последние — он приблизительно знает дорогу к русскому золоту, что добывают где-то на севере, на берегах реки Юкон. Клондайк сделает Британию сказочно богатой, а заодно и его самого.

— Лейтенант здесь? То есть майор... — тут же поправившись, спросил шепотом Онли.

Кузнец провел ладонью по грязному кожаному фартуку, прожженному во многих местах, коротко кивнул и так же тихо сказал:

— Поговори со своими матросами ночью. Я открою пакгауз и выпущу вас. За тем белым камнем, где одинокая сосна, спрятаны два мушкета и пара пистолетов. Охранником у ворот стоит сегодня наш человек, так что ночью ты будешь свободен. Корабли после заката войдут в губу...

Кузнец неожиданно отскочил от Онли и громко заговорил, переходя на русский язык.

— Работай лучше, сволочь, это тебе не мамкины пироги жрать, а каторга! Не прохлаждайся, выкидыш, а то батогов отведаешь!

Онли не успел удивиться, как получил сильный удар сапогом в живот, от которого его скрючило. И хотя ему было очень больно, но в душе он радовался, что соотечественник оказался настолько изворотлив.

— Что ж ты его бьешь, Ермошкин?!

Рядом раздался знакомый до боли властный голос. Онли задрожал, вспомнив пропитанный кровью и мочой подвал и этого губернатора, что отдал его в руки жестоких палачей.

— Так лодырничает разбойник этот, ваше превосходительство, батогов выпрашивает!

— Ты, Ермошкин, без самоуправства здесь! Они каторжники, но души христианские имеют, хоть и схизматики... Так что ты побережней с ними, людишек у нас маловато!

— Прощения просим, ваше превосходительство. Только силы нет смотреть на непотребство, что здесь творится!

Онли восхитился только ему понятным двусмысленным ответом — действительно, непотребство сплошное, настоящих джентльменов в самом натуральном рабстве держать, будто негров на плантации, как делают в южных штатах бывшей когда-то английской колонии.

Вена

— Надеюсь, что поляки не сделают такой глупости!

Император Священной Римской империи германской нации Франц II, эрцгерцог Австрийский, король Чехии, Венгрии и прочих земель властитель задумчиво посмотрел на колеблющееся пламя свечей в массивном канделябре, что стоял в кабинете со времен Марии-Терезии.

Ему не спалось.

Полученные свежие вести из Варшавы не могли не обрадовать императора. Судя по всему, с владычеством надменной Пруссии в Польше покончено, восставшие поляки практически отовсюду выбили войска «брата» Фридриха-Вильгельма — пруссаки очистили Вислу.

Теперь все зависит от позиции русских — если «брат» Петер, еще один давний ненавистник Австрии, отправит свою армию за Буг, то следует вмешаться, ибо в противном случае рано или поздно его держава может быть поделена между русскими и французами.

— Мы сейчас словно попали между молотом и наковальней, ваше величество! Так продолжаться не может!

Канцлер Священной Римской империи Карл Теодор фон Дальберг будто прочел тягостные мысли своего императора, и, наклонившись перед креслом монарха, продолжил резким голосом, словно забивая гвозди:

— Гош в любое время может нарушить «Вечный мир», а русский царь не скрывает своих панславянских притязаний!

— Вот потому-то, мой милый Карл, мы должны поддержать Костюшко в его борьбе против русских и пруссаков. Думаю, что на этот раз мы не можем позволить московитам занять Варшаву, ибо «брат» Петер сразу нацелится на Краков, а оттуда откроется путь...

Франц не договорил, но канцлер его прекрасно понял: древняя столица Польши — ключ к Чехии, самой богатой австрийской провинции, с потерей которой империя лишится значительной части своей промышленности.

Хватит того, что русским уже уступили часть Далмации, но такова была плата за помощь фельдмаршала Суворова, выбившего французов из Италии.

— Не думаю, ваше величество, что Гош вмешается! Вряд ли он жаждет усиления России. К тому же воевать сразу по двум направлениям, и на Рейне, и в Альпах, французы сейчас не смогут. У нас есть время, и мы должны его правильно использовать.

Император задумался, откинувшись на мягкую спинку кресла. Пока все складывалось удачно: Англия предоставила для войны с русскими большой заем и пообещала нейтрализовать французскую угрозу. Теперь удара в спину можно было не опасаться.

Все было подготовлено для войны, требовался только повод к ней. Вот тут-то дело застопорилось — эти проклятые поляки совершенно непредсказуемы!

— Ваше величество, я боюсь того, что Костюшко вместо похода за Буг попытается напасть на наш Краков.

— Карл, вы меня удивляете! Поляки, конечно, кичливы и с гонором, но не безумцы же они?! Лишиться нашей помощи в столь ответственный момент? Сделать нас из друзей их врагами и союзниками русских? Нет, такое совершенно невозможно, Карл, поляки не пойдут на Краков, это исключено!

— Я искренне надеюсь на это, ваше величество...

Берлин

— Клянусь!

Александр положил руку на холодный металл, торжественным голосом произнес то, что от него требовалось. Однако в глубине души Царь Московский, старший сын императора Петра Федоровича, взирал на происходившее действо с усмешкой.

Но здесь ничего не поделаешь, уж больно любят тевтоны всякую мистику!

Вот и сейчас, стоя в холодной усыпальнице прусского короля Фридриха Великого, в ночной час, он поступал, как требовала того немецкая сентиментальность. Это же так загадочно — стоять далеко за полночь у гроба и приносить искреннюю клятву в том, что никогда, ни при каких условиях не будет выполнено.

— Брат мой! — негромко промурлыкала стоящая рядом с ним прусская королева Луиза, касаясь своими тонкими пальцами его ладони.

Женщина была очаровательна, спору нет, но и только. За 17 лет супружеской жизни с испанской инфантой Александр почти полностью потерял свою немецкую составляющую, данную от крови матери и отца. Его родители никогда не были германцами, более ярких патриотов России и истинно русских людей он не встречал в своей жизни, хотя объездил всю империю от Константинополя и Москвы до Иркутска и Калифорнии.

— Брат мой! Надеюсь, когда вы станете императором Всероссийским, то обратите свой благосклонный взор на мое несчастное королевство!

— Клянусь в этом, брат мой! — самым проникновенным голосом ответил Александр и порывисто обнял прусского монарха Фридриха Вильгельма, прижав того к своей груди. И поверх плеча склонившегося перед ним короля кинул свой пылающий страстью взор на прекрасную Луизу — та зарделась, чуть пожала обнаженным плечиком, бросая на Александра кокетливый и многообещающий взгляд.

«Ну и семейка! Тьфу! Король готов подсунуть мне в постель свою женушку, лишь бы получить обратно Восточную Пруссию или хотя бы Данциг, а на худой конец хоть Росток. Хрен тебе во все рыло, а не Кенигсберг с городами! Шведскую Померанию ты тоже не получишь, так что не облизывайся — мне сестра Катенька и железная руда с Кируны намного дороже. Прав отец — эту Пруссию надо держать в черном теле, чтобы она всегда от нас зависела и никогда не пыталась подмять под себя остальные германские земли. А поклясться лютеранам можно в чем угодно, мне патриарх все грехи спишет! Ибо благо Отечества есть первейший долг монарха! А эти пусть копошатся в своих мелочных заботах... До чего же скарედный народ эти немцы! Хуже них только голодранцы паны, ибо это есть две крайности, абсолютно несовместимые!»

Александр разжал крепкие объятия и троекратно, по русскому обычаю, поцеловался с королем. Затем, но куда с большим удовольствием, обменялся поцелуями с прекрасной Луизой. И пожатие тонкими пальцами его ладони подсказало ему, что королева настроена отнюдь не по-сестрински и готова одарить его своей благосклонностью.

«Но оно мне надо? Если люблю свою жену и всегда стремлюсь только к ней!»

— Брат мой! — предельно искренне и проникновенным голосом произнес Александр. — Я выполню все, что обещал! Только сначала вы должны успокоить Польшу и сделать из поляков настоящих верноподданных, таких, как жители хотя бы нашего Кенигсберга...

При последних словах лицо короля Фридриха Вильгельма скривилось, будто он пропихнул в горло большую живую лягушку и запил ее свежавыжатым лимонным соком. Однако прусский монарх быстро взял себя в руки и горячо произнес, для вящей убедительности даже крепко ударив себя ладонью в грудь:

— Не пройдет и десяти лет, как на всей Висле будут говорить только на немецком языке!

«Щас! Как говорит мой отец — флаг тебе в руки и барабан на шею! И за полста лет не управишься, и за век, братец! Скорее берлинцы заговорят на польском! Кстати, а ведь это

мысль! Ведь беседуют в Кенигсберге на русском, глядишь, через каких-то полсотни лет принудительного онемечивания поляки будут глядеть на нас как на своих избавителей... Надо будет об этом рассказать отцу. Ладно, отбрось мысли и улыбайся этому венценосцу, что стараниями жены, готовой в одночасье превратиться в мою любовницу, может стать рогоносцем сегодня ночью! Хороша королева, на все готова, лишь бы занять пару провинций, которые плевком переплюнешь! Ну что за люди эти пруссаки?!»

Гостилицы

На левую ногу легла тяжелая каменная плита, у Петра возникло ощущение, будто она стала железной заготовкой, которую плющит тяжелый молот кузнеца. И холод, что шел от нее, буквально терзал тело, проникая в каждую жилу, замораживая кровь.

«Так что это — сон или явь? Нужно открыть глаза, давай же, брат, а то в сосульку превратишься!»

Невероятным усилием Петр вырвался из затягивающей его разум трясины забвения и с трудом смог разлепить глаза. В них сразу же ударил бледный свет ночного «волчьего солнышка». Луна вошла в полную силу, потому было светло, почти как днем в промозглую питерскую погоду.

Летние ночи, что и говорить — в них темноты нет, а есть только вечные сумерки.

— Да что же это такое?!

Петр окончательно очнулся, моментально осознав, что недавняя беседа с королем Карлом являлась не более чем плодом его больного воображения. Сон отошел, осталась одна явь, и она была такова, что в пору выть подобно волку на своего ночного покровителя.

Раненую ногу императора придавила лошадь, он не успел вытащить ногу из стремени и потому бедная животина, спасшая его от смерти, упала вместе с ним. Судя по холодному телу, почти застывшему, она была мертва и увезти его к спасению, увы, уже не сможет.

Петр дернулся, с силой упер левый ботинок в седло, моментально ощутив, как тело проваливается в гниlostную воду. Вкус ее оказался омерзителен до отвращения, влага отдавала какой-то тухлятиной.

— Какая пакость! Фу!

Петр вынырнул, отер лицо мокрым рукавом, с минуту отплевывался. Затем уперся здоровой ногой, с силою оттолкнулся, впервые возликовав, что находится в болоте, ибо придави его крупом на земле, он бы не смог вытащить раненую конечность из-под лошади. А так все пошло как по маслу — тело, словно глissер, взбурлило болотную гниль, и Петр окончательно вырвался из плена.

Тяжело опершись руками о луку седла, поднялся на ноги. Он ожидал резкий приступ боли, но ее не последовало, настолько одеревенел от холода весь организм. Бедро словно превратилось в холодец, будто внутри застыла вся его теплая кровь.

— Бедняга, а ведь ты меня от смерти спасла!

Петр потрепал ладонью роскошную рыжую гриву, как бы говоря последнее «прости».

Удивительное дело — несмотря на то что несчастное животное получило три пули, по своему лошадиному наитию, предсмертным усилием, отвезла седока в ближайшее безопасное место, которым, почему-то, по ее животному рассуждению, являлось это болото, каких в здешних местах пруд пруди. Возможно, и потому так случилось, что преданная кобыла ощущала вслед идущую за ними погоню.

— Ну, твари, вы мне еще за нее заплатите!

Мысль о пяти заговорщиках, жаждущих его скорой смерти, вызвала бурный всплеск

адреналина, холод стал быстро отступать, по жилам разлилось тепло.

Петр еще более разгорячился, лихорадочно ища шпагу, опуская руки чуть ли не по плечо в густую, с илистой жижей, воду. К его удивлению, вскоре пальцы наткнулись на эфес, и он вытащил оружие на свет.

Это была его шпага, та самая, которая ровно сорок лет тому назад, день в день, час в час самым мистическим образом оказалась в его спальне — подарок шведского короля Карла XII, легендарного воителя, который, как ведь ни крути, являлся родным братом его бабки, а значит, и его собственным дедом. Недаром в древние времена у славян и викингов брат матери приходился сыну чуть ли не таким же близким человеком, как и отец.

— Ах ты, моя голубушка!

Петр с любовью погладил серебристую сталь клинка. Действительно, дед Карл, как ни крути, прав, когда говорил во сне об оружии. А если нет «калаша» под рукою, то чего больше желать?

— Две капли, две капли сверкнут на дне, эфес о ладонь согреешь... — с некоторой фальшью пропел Петр слова известной мушкетерской песенки своего времени и в два молниеносных движения, тут сказались немалый опыт, сноровка и регулярные тренировки, несмотря на преклонный по местным понятиям возраст, снял с кривого куста, что торчал среди болотных кочек, половину кроны.

— И как мне, старику, сей острой сталью четверых здоровенных обалдуев прирезать?! Они ж со стволами все, а я не заяц, убежать не смогу. Да еще баба со шпалером ловко управляет, стерва, ноги бы ей выдрать! Эхма! И что мне делать?!

Задав самому себе чисто риторический, извечный русский вопрос, Петр задумался, поглаживая рану на бедре. Она ныла, во более зудела, да так, что хотелось запустить туда пальцы и немедленно разворошить ими окровавленную плоть.

Нужно было что-то делать, причем немедленно!

Он огляделся. На болоте виднелись промоины относительно чистой воды, в которых можно было обмыть дырку в бедре. Он пощупал штанину с другой стороны — там имелась рваная прореха.

— Ага, прошла навывлет! Значит, засадили в меня из армейского «кулибина», там калибр четыре линии, прошивает насквозь. И пуля в ране редко когда застревает, если только в кость не попадет.

Петр повеселел, но лишь на самую малость. В такой ране могли оказаться обрывки ткани и грязь, всякие зловередные микробы, полный набор заболеваний от столбняка до заражения крови. А ведь организм уже далеко не молод, сможет ли справиться с той же инфекцией, если антибиотиков здесь нет и в ближайшее время не предвидится?! Хотя определенные работы в данной области ведутся, вот только когда будет положительный и обнадеживающий результат, неизвестно.

Петр расстегнул на себе куртку, посмотрел на нательную рубашку — та была чистой, относительно конечно, но каждое утро он привык надевать свежее белье. Так что перевязать рану было чем — он решительно расстегнул ремень и приспустил штаны.

— Твою мать...

Нога была уже перевязана белым платком, узлы которого туго стянули. Петр отер выступивший холодный пот и дрожащими пальцами развязал повязку. Прежде белый платок был покрыт окровавленными пятнами, но углы оставались чистыми и на них красовались вышитые золотой нитью вставшие на задние лапы львы, над головами которых желтели знакомые королевские короны.

Петр посмотрел на рану, но вместо ожидаемого отверстия, покрытого кровью и грязью, он

увидел только круглые рубцы, покрытые спекшийся коростой.

Этого быть не могло!

Ни одна рана не способна затянуться за несколько часов, но тем не менее его глаза видели только то, что находилось перед ними. Он ощупал рану пальцами — так и есть, зажила. И сразу в голове суматошно заметались мысли:

«Значит, это был не сон! Но как же так?! Я лежал на раненой ноге, ее сверху придавила лошадь. Кое-как ботинок вытащил! Это платок Карла, я не могу ошибиться, ясно видел во сне?! Как он сумел меня перевязать? Ничего не понимаю!»

Петр отер грязной ладонью текущий струями по лбу горячий, словно кипятком, пот, ему стало очень жарко. В полном потрясении император прошептал:

— Мистика...

Копенгаген

— Я пропал...

Офицер Российского императорского флота Иван Петрович Колбасьев никогда еще не чувствовал себя так скверно. Душу раздирали своими когтями тягучая, тянущая жизнь тоска, черная, как холодная топка на паровой машине погибшего «Великого Новгорода».

С англичан взяли дорогую плату за гибель его любимого корабля, те потеряли в схватке шесть своих! Но лучше бы и ему погибнуть вместе с линкором, исчезнуть в ослепительной вспышке взрыва крюйт-камеры, разделив участь своих товарищей.

Но...

Слово чести, данное им любимому капитану-командору, не исполнено — он едва не спас его жену от смерти, не доплыв до заветного датского берега совсем немного. Хотя пытался сделать все возможное и невозможное, до конца отбиваясь от британских матросов, что силою пытались затащить их в лодку.

— Эх, горе мое!

Выходит, что Марфу Ивановну он спасал лишь для того, чтобы на его глазах, беспомощного, лежащего крепко связанным, бедную супругу Кроуна убили прямо на палубе по приказу циклопа.

Того самого, кто пять лет тому назад мокрой курицей стоял на берегу далеких от Балтики Дарданелл, переодетый в матросскую тельняшку. Тогда совсем еще юный мичман, Колбасьев вместе с другими офицерами со смешками разглядывал плененного британского адмирала.

«Запытают меня, сволочи!»

Лейтенант скрипнул зубами от бессильной ярости. Великолепно владея английским языком, он прекрасно слышал разговоры английских офицеров, тот жгучий интерес, который они проявляли к торпедам, называя их между собой не иначе как «копья Сатаны».

Хотя сам Колбасьев использовал бы другое, более подходящее греческое название — «Трезубец Посейдона». Языческий бог-воитель не отказался бы от столь страшного оружия, которым вчера были потоплены два английских корабля.

Теперь стоит кому-нибудь из британцев узнать в нем офицера, как тому же одноглазому адмиралу, то его на куски разрежут, чтобы выпытать секреты. Колбасьев застонал, не в силах даже повернуться на бок, руки и ноги были крепко связаны. Ожоги и небольшие раны тщательно обработал английский лекарь, что еще больше приводило лейтенанта в уныние. Раз лечат, значит, будут допрашивать с пристрастием.

«Голову бы разбить!»

Однако надежда была напрасной, связали его накрепко, замысловатыми морскими узлами.

Колбасьев в бессильной ярости мог только скрипеть зубами.

И тут ослепительной вспышкой мозг пронзила мысль, отчего у офицера сперло дыхание. Он сам себе, словно какое-то таинственное заклинание, пробубнил под нос:

— А ведь может выгореть... У нас, как водится, две беды...

Петровская гавань

— Чертовски богатый город, хотя по виду и не скажешь. Но сюда стекается все русское золото!

Шкипер Джеймс Хандингтон не скрывал радостного возбуждения, от которого затряслись руки, — все произошло как нельзя лучше, он и не надеялся на столь счастливый исход.

Полгода назад его «Нимфа» пришла в Кантон с грузом лучшего индийского опиума — в китайских кумирнях снадобье шло нарасхват за полновесное серебро, ибо позволяло даже нищему кули, вдохнув сладостный дым наркотика, ощутить себя самым богдыханом.

И чем чаще человек прибегал к этому средству, прячась в мире спасительных грез, тем больше желал его, мучаясь от невыразимой боли, и был готов продать родную мать, лишь бы получить щепотку спасительного снадобья. Потому деньги текли в карман полноводной рекою, можно и не мечтать об иной доле, но...

В январе явившийся на борт майор Уинслоу напомнил Хандингтону, кому он обязан своим благополучием, и его долг отплатить сторицей, послужив интересам британской короны. От службы шкипер благоразумно не отказался, ибо прекрасно понимал, чего это ему будет стоить. Тут не только доходное место потерять можно, но и голову.

Однако задание, которое Джеймс получил, немного озадачило старого морского волка — в последней декаде июня ему необходимо быть в далеких северных водах, у большого острова Кадьяк, с которого начинается длинная, на многие сотни миль, гряда Алеутских островов.

Шкипер растерялся — он не предполагал, что придется плыть так далеко. Однако офицер его успокоил, сказав, что тот получит карту и опытного лоцмана, который уже побывал в тамошних водах. Кроме того, в Курильской гряде есть остров, где в уютной бухте можно отстояться — тайная база, созданная в русских водах.

— Мы сюда пришли, Робертсон, — с победной улыбкой шкипер повернулся к своему помощнику, — и русские нас не ждут! Этот городок под завязку набит золотом!

— Да?! — искренне изумился Хенрик. — На Карибах я видывал города намного богаче!

— Все познается в сравнении, Робертсон, — произнес Джеймс и ухмыльнулся. — Московиты варвары, они не знают цену настоящему богатству! Этот край полон не только золотом, но и ценными шкурками, и наш долг послужить интересам Британии, освободив потомков татаровей от незаслуженного ими добра!

Злой хохот дружным валом прошелся по палубе, английские матросы предвкушали победу, тщательно нацеливая орудия на единственного действительно опасного врага — военный бриг, что стоял у причала, не торопясь выйти в бухту на бой.

— Не морская нация эти московиты. Любой моряк прекрасно знает азбучную истину, что неподвижный корабль обречен на заклание. Тем более когда трое на одного!

В этой экспедиции к Хандингтону присоединились еще два шкипера со своими кораблями — любой британский купец всегда может стать корсаром, получив каперское свидетельство, имея на борту достаточно пушек и обученных матросов, часть которых уже хлебнула вольной жизни «джентльменов удачи».

Так что в успехе похода никто не испытывал сомнений, тем более с ними пошли в поход два фрегата Ройял Нэви, которые позавчера отделились и ушли к русской крепости в глубине

залива, построенной — о улыбка веселого Роджера — из бревен.

Действительно дикие варвары эти москвиты, хоть и считающие себя европейцами!

Гостилицы

— Зубы, зубы — к чему о них Петр Алексеевич толковал? Да и Меншиков явственно намекал, сволочь!

Петр задумался, припоминая вчерашний ночной разговор с дедом. Нет, дело не в его зубах, это точно. Да и Карл хоть иносказательно, но предупреждал его об этих убийцах.

Но при чем здесь зубы?!

Он не находил себе места, мучительно размышляя над этой загадкой, и тут его словно пронзило:

— А ведь Жеребцова — это фамилия по мужу, докладную же читал. А девичья у нее... Зубова! Боже ты мой!!! Платон и Валериан Зубовы, любовники Като в той истории. Как же забыл, я ведь историк!

Петр со всей силы хлопнул себя ладонью по лбу, кляня себя на три ряда за тупость. Действительно, в той истории его милая Като, давно перешагнувшая на седьмой десяток лет, завела себе любовника — молоденького Платона Зубова.

Но, видимо, одного ей показалось мало, и стареющую императрицу потянуло на совсем юного Валериана, младшего братца фаворита. Юнец сделал стремительную карьеру, лихо перепрыгивая по служебной лестнице через ступени, вскоре добавил к своему чину поручика генеральскую приставку. Да еще за злосчастный Персидский поход получил крест Георгия II степени — такой наградой могли гордиться немногие полководцы, прошедшие на военной службе долгие годы и прошедшие через горнило кровавых схваток и битв.

Вот это карьера, на зависть тем немногим бездельникам! Настоящие же офицеры только плевались!

Братья охотно угождали стареющей женщине, накрепко привязывая ее к себе, постоянно кланя у нее награды, чины, деньги и подарки. Причем в своих отношениях с императрицей не скрывая своего цинизма. Юный Валериан Зубов открыто говорил придворным: «Нам с бабушкой на двоих аккурат восемьдесят лет!».

Столь неприкрытый и разгульный фаворитизм вызвал сильнейшее недовольство у старого соратника и любовника Екатерины, Григория Потемкина, который постоянно приговаривал: «Зубы болят, пора вырвать!»

Однако есть сильнейшее подозрение, что братцы преуспели первыми нанести удар. И светлейший князь, отправившийся было в Петербург вершить суд и расправу над Зубовыми, вскоре скончался по дороге от странной хвори, очень похожей на отравление.

Пришедший на престол Павел Петрович отстранил алчных братьев от власти, чем вызвал их серьезное недовольство. И не прошло пяти лет, как Зубовы стали самыми активными участниками заговора супротив императора.

Причем самый старший из них, Николай, по рассказам цареубийц, и нанес Павлу смертельный удар золотой табакеркой в висок. Правда, монарха после удавили шарфом, но это уже частности.

Главное то, что убийство русского императора было оплачено британцами, выделившими на это благое для них дело два миллиона рублей. Заговор подготовил английский посол Чарльз Уинтворт, через любовницу которого, Ольгу Жеребцову, в девичестве Зубову, и шло финансирование, текло кровавым ручьем проклятое английское золото...

— Какой же я дурак, как же я забыл?! — пробормотал Петр еле слышно. Он никак не мог

поверить в столь невероятный выкрутас, который сделала история. Такое наслоение было просто невозможно, но тем не менее оно произошло.

В Петербурге посол тот же, любовница у него та же, и участвуют в заговоре Зубовы. Пусть нет в столице и никогда не будет Беннигсена и Палена, заводил того заговора (о чем он позаботился давным-давно), так ведь и убийство готовилось не Павла, а его самого, императора Петра III Федоровича.

— Да вы еще меня убейте! — прохрипел Петр, мысль о бегстве его покинула, он хотел сейчас боя. Вот только как, с одной шпагой, воевать с вооруженной до зубов кодлой?

Петр задумался и, припомнив разговор с Карлом, понял, что весь его жизненный опыт, полученный здесь, не поможет победить, если не вспомнит тех знаний и навыков, которыми овладел там.

Ведь при штурме того же Петергофского дворца сорок лет тому назад он пошел в рукопашную схватку не со шпагой в руке, а со штыковой лопатой, которая причинила очень большие неприятности мятежным гвардейцам...

О своей военной службе тогда еще гвардии сержанта Петр вспоминал с большой теплотой, хотя большинство его зеленых однокурсников с той жизни относились к ней с пренебрежением, исходя из принципа — «армия — хорошая школа жизни, но лучше ее пройти заочно».

До момента «переноса» было еще четыре с половиной года, когда натянул он на ноги солдатские сапоги. После учебки в знойном Ашхабаде и полгода службы в арtpолку в Катта-Кургане, что находится не в менее знойной Самаркандской области, прямиком угодил в Афганистан и провоевал там ровно год, от звонка до звонка. Долгожданный дембель Петр праздновал за год до вывода советских войск.

Тяжко было, чего уж тут, но не скулил и не лукавил, за спинами сослуживцев не прятался, к отцам-командирам в одно место не лез, как некоторые. Служил нормально и, к удовольствию своему, был награжден двумя медалями, хотя искренне считал, что не сделал ничего выдающегося. А может, все дело в том, что в последний год стали награждать намного щедрее и подписывать не только первые листы представлений, но и все последующие.

Первая медаль была уникальной для Афгана — «За трудовую доблесть». Сослуживцы полгода донимали его тем, что удостоился он ее за труды праведные при активном сносе аулов шестидюймовыми гаубичными снарядами, хотя подсуетился тут замполит дивизиона.

Силами взвода в рекордные сроки отремонтировали местную школу, подорванную душманами, и комбриг, уважаемый всеми генерал, распорядился составить наградные — ему медаль, а еще двум отделенным сержантам — благодарности от командарма с дарственными «командирскими» часами. А вот взводного капитана «обидели» намного хуже — отвалили медаль «За трудовое отличие», чей статус гораздо ниже «доблести». Так что трудовые подвиги отрывались ему долго и весело.

Перед самым дембелем вручили уже настоящую награду, медаль «За боевые заслуги», горделивый серебряный кружок, где под надписью изображены две скрещенные сабли.

Петр настолько гордился этой наградой за удачную корректировку и случайную, но от этого не менее кровавую схватку с «духами», когда он чудом уцелел, что носил ее на груди впереди «Доблести», хотя это нарушало статусное положение.

Медали блестели на солнце и мелодично позвякивали, девушки смотрели яркими глазами — красота!

Не прошло и года, как заблестела на колодке юбилейная медаль «70 лет вооруженным силам», а в июне следующего, 1989 года в военкомате ему вручили четвертую медаль — на этот раз иностранную, «От благодарного афганского народа».

Вот с этой «вывеской» и явился он для поступления на исторический факультет, что

произвело на экзаменаторов неизгладимое впечатление. И хотя для поступления хватило бы голимых троек — он шел вне конкурса, как участник войны, экзаменаторы дружно поставили бывшему сержанту одни пятерки, даже за сочинение, чем он был приятно удивлен...

Все это промелькнуло перед ним в одно мгновение, и в памяти всплыло изрезанное шрамами лицо подполковника Козырева, всю жизнь прослужившего с «богом войны» в обнимку.

Он тогда им, молодым солдатам, рассказывал про Вьетнам, где был за 15 лет до того, тоже с интернациональной «миссией», и поведал, почему американцы страсть как не любили воевать в болотах и топях этой южной страны, жутко их сторонясь.

Но так как там такие места везде, ибо каждая речушка и озерцо в джунглях заболочены, то янкесы сначала их бомбили, жгли напалмом, забрасывали снарядами, минами и гранатами, не жалея боеприпасов. И не крокодилов они разгоняли, змей или ядовитых насекомых. Нет, в тех местах их поджидала гораздо худшая опасность...

— Раскаркались, вороны!

Петр слушал хриплые крики птиц, чем-то встревоженных, не иначе как люди шли по следу, явно с недобрыми намерениями. Да и сердце тревожно забилось в груди, в душе появилось предчувствие кровавой схватки, никогда его не обманывавшее.

Так зачем уклоняться от того, что неизбежно произойдет?

Петр решительно поднялся, ощерив зубы: «Ну что ж, братцы-кролики, проверим, кто матери-истории нынче угоден!»

Петровская гавань

— Сэр! Они выбрасывают пушки из бойниц!

Изумленный голос Робертсона ошарашил Хандингтона и заставил повернуться его к крепости, за которой дымил толстой трубой какой-то дощатый сарай, построенный прямо на пристани.

— Святые небеса!

Джеймс не верил собственным глазам. Видимо, русские артиллеристы решили, что на таком расстоянии, как полмили, они просто не докинут свои легкие ядра до англичан.

Но зачем же орудия в море выбрасывать? Ведь любое орудие, даже такое ущербное и бесполезное сейчас, стоит немалых денег.

— Сэр, разве они делают свои пушки из дерева?! Не может быть! Стволы ведь плавают!

Шкипер пригляделся и увидел — в белой пене прибоя, легко, как пушинки, крутятся длинные и черные орудийные тела, и хрипло рассмеялся, он буквально захлебывался от смеха.

— Это фикция, Робертсон! У русских нет хороших пушек, и они решили напугать нас бревнами. Я читал в газетах, что у них есть такой дюк Потемкин, который строит свои деревни из картона. Это где-то в здешних местах, возможно, рядом. Там были написаны мудреные названия.

— Золото у них не может быть таким же фальшивым? — с некоторой опаской спросил помощник.

— Нет, оно у них настоящее! И ты скоро станешь сказочно богат...

Договорить шкипер не успел. Из крепости прогремел гром орудийного залпа. Все обернулись, и, к своему великому ужасу, англичане увидели, как в сторону их кораблей летят небольшие мячики, с каждой секундой увеличиваясь в размерах.

Отделявшая их от берега тысяча ярдов была преодолена за один вдох, а на выдохе палуба под ногами Хандингтона вздрогнула от страшного взрыва. С криками повалились матросы, из

трюма через открытый люк полыхнуло пламя, от ужасного взрыва застонал корпус.

— Иезус Крайст!

У шкипера волосы на голове стали дыбом, он неожиданно осознал, что сам завел свои корабли в страшную западню, из которой придется долго выбираться, ловя ветер. Вот только дадут ли это сделать московиты, чей бриг отвалил от берега, поймав парусами ветер?!

Теперь, разойдясь с его кораблями на противоходе, он запрет выход из бухты, и, чтобы вышибить эту пробку, придется идти мимо форта, на котором, однако, имеются мощные орудия.

Но сколько их там?!

— Годдем!!!

Пороховой дым, окутавший форт, рассеялся. С нарастающим ужасом в душе Хандингтон взирал на появившиеся в амбразурах совсем другие пушки. Чудовищно большие жерла, те, что стоят на линкорах, мрачно уставились на его корабль. Хуже того, «Плеяда», шедшая третьей, уже горела охапкой сухой соломы, пламя охватило весь бак.

— О, Боже!

Сейчас Хандингтон уже не думал о богатствах, шкипер хотел одного — вырваться из этой гавани, где коварные и подлые русские устроили его честным морякам смертельную ловушку...

Берлин

— Видите, брат мой, как вам радуются мои верные берлинцы!

Александр благосклонно наклонил голову, и добродетельные немки в вышитых передниках, что стояли вдоль дороги, по которой следовал монарший кортеж, радостно закричали.

«Это хорошо. Добрые будут нам подданные. Да, да, брат мой Фридрих, именно подданные! Ведь сегодня ночью ты, сам того не понимая, засунул не палец, нет, всю голову за бесплатным сыром. А ведь он может быть только в мышеловке! Твоя Пруссия уже стала пристяжной в нашей упряжке, и рано или поздно войдет в Российскую империю полностью, хотя ты и твои дети номинально будут считаться ее королями. Вы станете нашими со всеми потрохами!»

На лице Александра была самая приветливая маска, которую он только смог натянуть, причем полностью искренняя.

Лицедейству он учился у матери и отца, беря уроки при общении своих родителей с англичанами и цезарцами, которых они оба на дух не переносили. Но политика — дело такое, что на свои симпатии или антипатии не обращаешь внимания, глубоко пряча их от всеобщего обозрения.

— Они ликуют, видя вас, мой брат!

Королева говорила волнующим чувства грудным бархатистым голосом. Да и последнее слово имело совсем другую окраску, чем подразумевалось.

Александр улыбнулся, помахал толпе ладонью, затянутой в белую перчатку, чем вызвал бешеное ликование. Однако впервые не отвел своего взора от обывателей, краешком сознания отметив какую-то непонятность — что-то выпадало из ощущения всеобщего праздника. И тут он понял что — его взгляд зацепил молодого человека в тирольской шляпе, стоящего в стороне с бледным лицом и горящими глазами.

«Чего это он? Неужто влюблен в королеву и приревновал? Так я повода не давал! Станный он какой-то, дерганный... И зачем он руку за отворотом держит?»

Александр на секунду отвел взор, отвлекшись на слова короля, а когда снова взглянул на толпу, то молодой человек стоял почти рядом с открытой коляской, на которой ехали монархи.

Рука была вытащена из-под одежды, и в ней зажат длинноствольный дуэльный пистолет,

направленный ему прямо в грудь, а палец уже давил спусковой крючок:

— Ще польска не згинела!

Грохот выстрела заглушил последние слова юнца, тут же в грудь ударило так больно, словно кувалдой сокрушили ребра. И через секунду белое лицо сидящей напротив королевы расплылось, а потом словно черное покрывало набросили на его разум...

Гостилицы

— Я задушу этого мерзкого старикашку собственными руками! Он будет хрипеть, пока не сдохнет!

Николай Зубов поднял большие волосатые руки над головой. Его крепко сжатые кулаки походили на небольшие дыни.

Из трех братьев Зубовых старший являлся самым сильным, дюжим верзилой, но от природы несколько туповатым, оправдывая старую русскую пословицу про наличие силы и отсутствие надобности в уме. Потому Николашенька был послушным орудием в руках своего младшего брата Валериана. Последний, в свою очередь, как выхолощенный конь под опытным всадником, находился под влиянием единственной сестры.

— Нет. Я его не задушу! — снова прохрипел Николай, сжав правой ладонью золотую, массивную табакерку. — Вот этой самой штукой проломлю ему голову, как гнилой орех!

Золотая безделица стала единственным наследством от покойного князя Яшвиля, застреленного вместе с Андреем Мариным у моста. Впрочем, если старший брат взял у него только табакерку, то младший, более расторопный и тароватый, заодно вытащил у покойных, как и у убитого на мосту Аргамакова, по кошельку с золотом.

Ведь тридцать тысяч рублей великолепно делится на четверых. Однако, скосив глаза на Саблукова, Валериан решил списать поручика из числа претендентов — сумма достаточно весомая, и она должна быть поделена между братьями Зубовыми.

А потому зачем им тут Саблуков?

— Он уже дряхлый старикашка, от нас далеко не уйдет! — с хриплой угрозой, с натужно побагровевшим лицом громко произнес средний из братьев Платон. На бывшего гатчинского почтмейстера сильно подействовала кровавая схватка на мосту. Как они и замыслили вчера, засада почти удалась. Но именно почти...

Два казака были застрелены в спину, но старик император оказался на диво проворен, ловок и опытен, насадив на шпагу одного заговорщика и застрелив еще двоих.

Пришлось хорошо «почистить» место, дабы раньше времени никто не обратил внимания. Тела погибших сразу отволокли в рощицу, где была заранее приготовлена яма. Но могила, предназначенная для троих, ведь никто из самих заговорщиков погибать не собирался, оказалась маловатой для пятерых. Углублять яму не стали, небрежно присыпали землей, не прочитав даже молитвы. Не до того стало — ведь началась охота на красного зверя!

Платон отчетливо понимал, как и все остальные, что нужно найти императора любой ценой, ибо в его смерти заключаются их счастливая жизнь и безоблачное будущее. Ведь полмиллиона рублей дадут прекрасную возможность прожить в Англии до конца дней, не зная нужды.

— Вот он, след! Вот, смотрите!

На примятой траве отчетливо виднелись отпечатки лошадиных копыт. Именно Ольга, самая глазастая среди Зубовых, вела их по следу.

Они не сомневались, что пройти осталось недолго, лошадь была ранена и явно теряла силы. Тем более местность, куда она ускакала, потихоньку становилась самым натуральным болотом.

Ноги по щиколотку проваливались в пахнущую гнилью воду, каждый шаг давался с трудом.

— Братишки, — сестра проговорила жалобным голосом, — вы уж с ним не деритесь, больно он ловок шпагой шпынять! Стреляйте в него, чего патроны жалеть. Как увидите, так и стреляйте! Револьвера-то у него нет.

Платон зло оскалился — всю жизнь прослужив рядовым почтмейстером, шпагу он не жаловал, предпочитая пистолет или шестизарядный револьвер, что обошелся дорого, но того стоил. Да и к чему ежедневно часами заниматься с рапирой, фехтовать, если точный выстрел разом сводит на нет все эти усилия?!

Средний из братьев Зубовых прекрасно знал, что сестра никогда глупостей не говорит, а потому Платон взвел большим пальцем курок, ставя револьвер на боевой взвод.

За спиной послышались такие же характерные звуки. Два других брата и трясущийся от страха Саблуков отнеслись к предупреждению Ольги очень серьезно, никто не собирался дуэлировать с императором: все прекрасно сознавали, что как бы ни был стар Петр Федорович, но умение сохранил, да и шпага у него далеко не простая. И не хотелось бы верить в такое, да уж весь Петербург полон легендами.

— Смотрите, вон лошадь лежит! Там, за кустами, царя придавила! — сестра взвизгнула от радости.

Платон остановился, чувствуя, как его ноги опускаются глубже в болотную жижу. Сердце в груди радостно забилося, он хорошо разглядел, что находится за шеренгой жиденьких кустов, среди невысоких кочек, густо поросших травой.

Так и есть — смертельно раненая лошадь знакомой гневой масти завалилась на бок в болото, придавив крупом своего царственного седока. Из воды пузырем торчала военная куртка, и тощим задом выглядывали натянутые штаны.

— Сдох старикашка, утоп! — ликующе закричал Платон, и как бы подтверждая его радость, дружно закаркали вороны.

«Эти птицы неспроста здесь, чуют поживу!» — неожиданно подумал бывший почтмейстер и, с трудом выдирая ноги из жижи, поспешил к своей добыче. Подойдя к утопленнику, он цепко схватился за куртку и потянул ее на себя, чтобы вытащить из грязи труп.

— Что за черт! — возглас вырвался непроизвольно.

В куртке вместо тела оказался какой-то мусор, сырая трава, какие-то прутики. И это настолько привлекло его внимание, что он просто не заметил, как из-за кочки с густой осокой выскочил длинный серебристый клинок, нацеленный ему в сердце.

— А-а!

Платону показалось, будто перед глазами вспыхнула молния. Словно чья-то жестокая и крепкая рука схватила его за трепещущее сердце и безжалостно сжала. На рассудок тут же набросили темное покрывало — жизнь стремительно покинула тело несостоявшегося цареубийцы, и он ничком рухнул в болотную воду...

Ново-Мангазейский острог

— Быстрее, парни! Пока русские крепко спят, как медведи в своих берлогах, мы их перережем. Вот пистолеты и кортики! — злой шепот «кузнеца» прозвучал судовым колоколом.

Онли чувствовал, как в бешеном ритме заколотилось сердце в груди. Однако стоило пальцам сомкнуться на теплой рукояти пистолета, как волнение улеглось, плечи сами расправились, и Джеймс почувствовал себя почти всемогущим.

Великое дело — оружие! Оно позволяет ощущать себя господином, а не жалким рабом презренных московитов.

— Как вас зовут, сэр? — тихо спросил он у кузнеца, но тот только усмехнулся в ответ с высокомерием замаскированного в нищего лорда, которое совершенно преобразило его бородатую физиономию.

— А тебе это незачем знать, шкипер! Можешь звать меня Иваном, но заруби себе на носу, мне еще долго жить с русскими. А потому, если выдавишь хоть одно слово касательно меня, то не спрячешься ни на одной русской каторге. И парням своим скажи, а то они чересчур догадливы могут быть. Теперь пошли к воротам, там тебя майор уже ждет.

«Кузнец» исчез в ночной мгле, словно растворился, но Онли чутьем моряка выбрал правильный путь и пристроился тому вослед. Не успев выйти за дверь, шкипер наступил на что-то мягкое, похожее на человеческое тело. Наклонившись, он разглядел белое пятно лица, а пальцы погрузились во что-то липкое.

«А он не прост, этот кузнец. Перерезал солдату глотку, да так, что мы не слышали. Убивец порядочный, и где только наловчился? Ему только под черным флагом ходить с такими замашками!»

Мысли бежали быстро, и столь же резво шагал Онли, чуть ли не бежал, видя перед собой только широкую спину своего спасителя. За ними поспешали освобожденные матросы его команды, злобно зыряка глазами и еще не веря случившемуся.

— Плохо ты исполняешь мои задания, Джеймс!

Из-под бревенчатой арки раздался знакомый голос со скрытой презрительной усмешкой, и оттуда тотчас выступил офицер в красном с золотом мундире королевской пехоты.

— Счастье переменчиво, сэр. Русские оказались сильнее...

— Но не сейчас, Онли! — Офицер усмехнулся, его губы сошлись в презрительную гримасу. — У меня триста солдат, неужели мы не воспользуемся беспечностью этих московитов?!

Онли с трудом сглотнул вставший в горле комок, его затрясло от радостного предвкушения. Три сотни солдат — слишком серьезная сила для этих забытых богом мест.

В русской крепости и сотни не наберется, из них половина — бородатые казаки, которые умеют только пить водку да пороть несчастных каторжан. Но теперь он с ними сведет старые счета, и эти дикари заплатят за гибель «Морского орла».

На Онли словно болотная лихорадка накатила приступом, пробивая нетерпеливой дрожью...

Борнхольм

— Спросите хотя бы у этого конченого идиота, кто пускал в нас «Копья сатаны»?!

Никогда еще адмирал Нельсон не испытывал столь острого и горького чувства жуткого разочарования. Выловленный в море матрос не просто глуп, как все русские мужики, а безнадежно туп, как пробка знаменитого испанского дуба, которая идет на закупорку бутылок с великолепным хересом. И никакой с него пользы!

Русский только выпучил глаза, словно превратившись в камбалу, трясся в страхе, как остриженная овца на горном пастбище, несколько раз пытался встать перед адмиралом на колени, долбя головой о дубовые доски палубы. Да еще пустил слюни, словно превратился в собачонку, пытаясь припасть мокрыми губами к холеной адмиральской длани.

Нельсону было противно от такого пресмыкательства, он еще раз убедился в том, что английские газеты правы — русские есть вечные рабы по своей сути, холопы своего царя. Прикрикни на них, покажи хозяйскую сущность истинного джентльмена, и они тут же готовы пойти в услужение новому господину. Так и сейчас матрос что-то быстро залепетал в ответ,

преданно глядя на адмирала своими большими, глупыми, как у коровы, преданными глазами верного пса.

«Трусливая московитская собака! Нет же... Ведь другие же дрались до последнего!»

В голове адмирала промелькнула мысль, но он тут же ее отринул. Русские всегда храбры из-под палки, они дерутся потому, что так им приказывает барин. Оставшись без господина, они готовы верно прислуживать новому — тупые московитские холопы с многовековым опытом рабства.

— Сэр, он говорит, что того, кто пустил мины, звали их благородием.

— Это фамилия? — удивился Нельсон.

— Нет, сэр! Так русские матросы обращаются к своим офицерам, они даже не знают их по фамилиям!

— То есть как так не знают?!

— Так потому и называют мужиками, сэр! — слово «мужики» лейтенант промолвил по-русски довольно четко. — У них только дворяне умеют читать и писать. А они... Уверен, что эта дикая образина не сможет накарять даже одну букву.

Нельсон тяжело вздохнул и бросил взгляд на баранью морду русского, с губ которого продолжала капать слюна. Действительно идиот, но именно такие нужны на флоте: тупые, не рассуждающие, покорные, услужливые перед господами и наглые, когда сила стоит на их стороне.

И тут адмирал вспомнил, как стоял на ветру, дрожа от холода в русской полосатой рубашке, похожей на робу арестных или работных домов. И тогда эти глаза были не покорные, а надменные и презрительные.

— А ведь я тебя видел где-то, морда! Точно, у Дарданелл, где вы предательски заманили меня в ловушку!

Адмирал почувствовал, что еще немного, и он обязательно узнает этого тупого и трусливого матроса, но тут звонкий крик сигнальщика вывел его из размышлений.

— Дымы на норд-осте!

Нельсон немедленно повернулся, сразу забыв про матроса, и прижал к глазу подзорную трубу. Искомые дымы тут же подпрыгнули, придвинулись ближе, но на их фоне четко просматривались тонкие спички мачт.

Без всяких парусов корабли шли вперед, извергая из себя черные клубы. И, что удивительно, они шли против ветра. Их вытянутые мощные корпуса с большим числом орудийных портов до боли напоминали ему потопленный у Копенгагена русский линкор, тот самый, который причинил ему столько бед. А тут шесть против его семи.

«От них не уйти, но, может, стоит попробовать?!»

Заново испытывать ужас схватки с таким опасным для себя врагом Горацио Нельсон категорически не желал. Вчера перед ним был только лишь один корабль, но сейчас полдюжины.

— Проклятые коптилки!

Нельсон чувствовал, как под шляпой волосы сами по себе встают дыбом от подступившего ужаса, а в груди нарастает ледяной ком. И уже не сдерживаясь, адмирал рывкнул:

— Корабль к бою изготовить! Передать по эскадре — поднять все паруса, и поможет нам бог!

Ново-Мангазейский острог

— Жаждешь свести счеты с московитами за их гостеприимство? — майор Уинслоу словно

прочитал его мысли и покровительственно похлопал по плечу. — Ты и твои моряки городок знаете?

— Так точно, сэр, мы провели здесь пять лет!

— Вот и хорошо, я возьму сотню солдат, и мы пойдем прямо к казначейству. Надеюсь, там есть золото!

— Там очень много золота, сэр!

У Онли пересохли губы.

Какие Карибы, какое пиратство, сегодня он станет поистине богатым человеком!

Ибо в казначейство недавно привезли, как он слышал, около сотни пудов благородного металла. Джеймс привычно перевел пуды в фунты, сделал поправку на английский вес и прошептал прямо в ухо майора:

— Сэр, там не менее трех с половиной тысяч фунтов! Наших, а не легких русских!

— Сколько?!

От удивления Уинслоу буквально остолбенел, сразу отвисла и челюсть лихого майора, открыв испорченные кариесом зубы, а его лицо побагровело так, что осветилось маяком.

— Тогда живенько, Джеймс, веди нас скорее в эту новую пещеру Али-Бабы! Твои парни пусть проводят моих солдат к казарме, к местному губернатору, на верфь и к противоположным воротам. Дабы русские не успели удрать из города. А за три дня мы его хорошенько обберем! А ты честно получишь свою долю, да с большими процентами в качестве компенсации за нахождение в местной тюрьме, ха-ха...

— Слушаюсь, сэр! — только и смог выдать из себя Онли. Счастье подвалило неожиданно — теперь он не только оплатит москвитам за унижения, но и станет богатым как Крез. Да еще наверняка правительство наградит его, оценит по достоинству его труды и страдания.

И стоило ему подумать об этом, как перед глазами промелькнуло лезвие шпаги, которая легла ему на плечо. И голос короля, именно короля Георга, а не кого-нибудь иного, который он слышал всего один раз в жизни, произнес сладостные слова: «Я произвожу вас в рыцари! Встаньте, благородный сэр Онли!»

Жестокий толчок в спину безжалостно вывел шкипера из сладостных мечтаний, а злой голос майора походил на шипение разъяренной кобры, что приготовилась к укусу: «Ты чего застыл, дубина! Веди нас быстрее к сокровищам, пока москвиты спят!»

Гостилицы

«Еще немного — и я задубею в этой холодной купели! Это вьетнамцам было хорошо в болоте лежать, там ананасы растут, тепло. Тут июнь, а холодрыга, как в морозильной камере, хорошо, что крокодилов здесь не водится и эти гады в пути не задержались!»

Петр мысленно ворчал, погружившись по шею в болотную жижу, оставив на поверхности лишь голову, прикрытую ворохом рыжей прошлогодней травы, и искренне надеясь, что заговорщики все же примут ее за кочку. Люди ведь, как ни крути, городские, и хождениями по лесам и трясинам не избалованы. Да и ждать по большому счету пришлось недолго.

— Сдох старикашка, утоп! — донесся радостный крик одного из преследователей. Петр усмехнулся — именно на такую реакцию он и рассчитывал. А внутри тела холод стал отступать под напором разогревшейся крови. Ладонь крепко сжимала эфес шпаги. Именно ей предстояло сослужить главную роль в предстоящей схватке.

Совсем рядышком зачавкало болото, убийца подошел вплотную. Петр видел радостно горящие глаза на еще молодом лице, трясущийся, невыбранный подбородок. Мужик лет тридцати с небольшим наклонился над «куклой» и потянулся за курткой.

Петр сквозь стебли видел, как в его глазах полыхнуло недоумение. Еще бы, потянул императора, а вытянул пустышку. Момент для нападения оказался удобным, терять такой нельзя, а потому он изо всех сил выбросил шпагу вверх, кольнул мягкое тело и тут же спрятал шпагу обратно в жижу. Все произошло слишком быстро — несостоявшийся убийца только вскрикнул и, выпучив глаза, рухнул плашмя на лошадиный круп.

«Минус один!» — радостно подумал Петр, а вытянувшиеся цепью заговорщики ничего не поняли.

— Братик! Ты чего упал-то? Споткнулся? Так давай помогу!

Шедший за лидером субъект с похожими чертами лица, но кривой на один глаз, наклонился над убитым, а в голове Петра зазвенели колокольчики: «Пора брат, пора, предстать перед народом!»

Правая рука выбросила шпагу вверх, а согнувшиеся в коленях ноги распрямились туго сжатой пружиной.

«Минус два!» — На этот раз клинок вошел в горло. Рванув за рукоять, Петр распластал кадык, будто зарезав барана. Заговорщик выпучил единственный глаз, попытался что-то проблеять, его левая рука даже дернулась, видно, хотела потянуть клинок из раны, но сил уже не хватило: из рассеченного горла хлынула кровь, подогнув колени, одноглазый ничком рухнул в болотную жижу. Брызги полетели во все стороны.

— А-а, убивают!

Только сейчас до заговорщиков дошло, что происходит совсем иное. Увидев вставшего из болотины голого царя, облепленного грязью и травой, и больше похожего на хозяина здешних мест лешего, громогласно закричал третий преследователь и, отшатнувшись от Петра, резво отпрыгнул в сторону, но тут же споткнулся. Откуда ему знать, болезному, что там воткнуты две коряги, рассчитанные именно на такой случай.

— Саблуков, ты чего орешь?! — раздался зычный голос идущего последним здоровенного верзилы, который еще явно не осознал, что же происходит в действительности, а видеть в цельности картину происходящего не мог.

«Ты, парень, туповат! — пронеслась мысль. — Тебя в первом бою завалят! Солдатом не гож, а вот бандитом или рэкетиром запросто. Бычара, такие спортсмены у нас киоски и бомбили».

Странно, но мысли текли сами по себе, Петр с холодной отрешенностью смотрел на происходящее, тело автоматически совершало необходимые действия, нанося удары.

Клинку не хватило какой-то пяди, чтобы пропороть живот побледневшего Саблукова. Тот отшатнулся, совершил прыжок в сторону, не удержавшись на ногах, рухнул в жижу. И тут же испустил животный крик, полный жуткой боли и страдания.

«Выходит, не зря колышки заточенные поставил. Минус три!»

Саблуков хрипел, извивался, жутко кричал, изо рта с белой пеной хлынула кровь. Вот такими незамысловатыми орудиями вьетнамцы собирали богатые трофеи, истребляя даже хваленых рейнджеров. Любой неосторожный шаг, падение, и — *momento more...*

— Братики! Платоша, Валера...

Горячий женский вскрик прервался. Здоровенный верзила, шедший последним, отшвырнул в сторону маленькую фигурку, и та рухнула в грязь, жаль, что не туда, где Петр установил еще два колышка. Мужик же попер на него со всей мощью карьерного бульдозера или объевающегося поганок носорога, на что походило больше.

— Сейчас я тебя, царек, в болоте этом и урою!

Петр стремительно шагнул вперед, и, ощерясь, сделал молниеносный укол шпагой.

— Ой-мля!

Судьба сыграла с Петром злую шутку. Он сам не удержал равновесие, когда нога провалилась в какую-то ямку, и здоровенный убийца заграбастал его в свои большие лапы.

— Удавлю, сука!

Чудовищно крепкая ладонь сжала горло — Петр почувствовал, как у него выкатываются из орбит глаза. Попытка ткнуть шпагой старшего Зубова не удалась, воистину медвежья лапа больно сдавила правую кисть, и он выронил оружие в грязь. Однако в бою, как и в кабацкой драке, нет запрещенных приемов: перехватив ладонью толстый мизинец, Петр надавил на него всем запястьем, выворачивая палец с хрустом.

Убийца взвыл, отдернул руку, а Петр, судорожно распахивая рот, чувствуя себя рыбиной, выброшенной безжалостной рукою на берег, жадно вдыхал воздух, жизнеутверждающий для жизни.

— Коронованный ублюдок! — озверело рыкнул Зубов, и словно солнечным лучиком сверкнула в воздухе золотая табакерка. — Сейчас я тебе башку проломлю!

«Неужто история повторяется дважды? Наверное, вот этой самой табакеркой Зубов и проломил висок несчастному Павлу Петровичу. Хм... Моему сыну, как ни крути... А сейчас мне голову пробьет! Я ж супротив него как заяц рядом с медведем!»

Мысли текли в голове сами по себе, Петр не удивлялся своему внутреннему спокойствию и хладнокровию. Но его тело не желало превращаться в бездыханную плоть и отчаянно продолжало сражаться.

Видя, как табакерка взмывает в воздух над головой убийцы, левая рука не стала останавливать вражеский удар блоком, который неизбежно проломил бы столь слабую защиту. Наоборот, ладонь зачерпнула густой грязи и с размаху шлепнула ее в глаза Николая Зубова. Затем император попытался выдавить пальцем правое око убийцы.

— А-а-а, тля!!!

Левое ухо словно ожгло огнем, Петр машинально дернул головой и только сейчас понял, что Зубов промахнулся. Чудовищный болид кулака, сверкающий золотом, пронесся впритирку, на какие-то доли миллиметра миновав висок.

«Повезло, но я вроде бы уха лишился! Пока он не видит, надо его уделать, иначе кранты!»

Одновременно с мыслью Петр перешел и к действию: он схватился за пояс калсон и вытащил оттуда тонкий деревянный колышек, заранее приготовленный для схватки и тщательно отструганный лезвием шпаги. Вот это немудреное оружие он с размаху воткнул в глаз оппонента. И не давал тому времени нанести второй, уже смертельный удар.

— А-а!!!

Левая рука Зубова разжалась, верзила схватился пальцами за колышек и вырвал его из раны. Он был страшен. Кровь лилась вперемешку с грязью, звериный рык оглушал, но уже не давил на нервы, вызывая страх. Наоборот — еще больше разъярил императора.

«Вот теперь, одноглазая образина, я с тобой и разделаюсь!»

Радость обожгла сердце, пальцы правой руки нащупали в грязи эфес шпаги, и Петр без промедления воткнул клинок прямо в сердце убийцы. И, к его счастью, этот удар оказался смертельным.

«Минус четыре! Все, бейте в гонг!»

Петр решил подстраховаться и, рукою оттолкнувшись от врага, нанес еще один удар сверкнувшим клинком, «контрольный», на этот раз в горло.

— Бра-а-атик!!!

Отчаянный выкрик привел Петра в чувство, он понял, что пятого противника, опасную как гремучая змея, ту, что застрелила казака в спину, он упустил из вида.

Петр вскинул голову и увидел Жеребцову в пяти шагах от себя — женщина подняла револьвер, держа его двумя руками, — курок был отведен назад, а лицо искажено лютот

ненавистью.

В глазах сверкали молнии, зубы ощерились, и перед ним сейчас стояла не красавица, а бешеная волчица, потерявшая своих щенков.

«Все, писец прибежал!»

Словно в замедленном просмотре Петр увидел, как тонкий палец плавно потянул спусковой крючок...

Петровская гавань

— Виктория, Иван Федорович. Победа!

Среди царящего ликования собравшихся на набережной горожан лишь матросы и капитан «Надежды», подошедшие к берегу на баркасе, были мрачны, как февральская ночь.

Бриг, верой и правдой отслуживший им семь лет, представлял собою страшное, тягостное для взгляда зрелище. Жестокой ценой заплатили русские моряки за победу.

Если бы ветер не швырнул разбитый ядрами корабль на камни, то гибель его была неотвратима. Корпус проломлен в нескольких местах, ибо англичане имели скверную привычку наносить смертельные повреждения сразу, в отличие от русских моряков, что вначале лишили их рангоута, а вместе с тем и хода.

На бриге открылась сильная течь, корабль ушел под воду чуть не до пушечных портов. Не иначе как чудом этот внезапный порыв сильного норда, скатившегося с гор, и не назовешь!

— Какие потери?

Крузенштерн поднял красные воспаленные глаза на старшего офицера, который сидел перед ним на банке. Лейтенант сидел молча, уставив глаза в приближающиеся валуны. Офицер имел страшный вид — с перевязанной окровавленным бинтом головой, в разодранном в клочья черном мундире, прожженном в нескольких местах, с лицом, покрытым пороховой копотью.

— Пять матросов убиты... И мичман Деливрон пал, бедняга, — последним выстрелом сразили.

Лейтенант Власов сглотнул, кадык на шее дернулся, офицер еле сдерживал слезы.

— Осьмнадцать душ ранеными, пятеро могут преставиться, совсем плохие...

— Зато никто из врагов не ушел!

Крузенштерн тяжело поднялся с банки, с приглушенным стоном перебросил ноги через борт шлюпки, уйдя по пояс в холодную даже для этих летних дней воду.

Шаги давались с трудом, и если бы не дюжий матрос, вовремя подхвативший его могучей рукою, то офицер бы упал, уйдя с головой под воду. Подойдя к валунам, на которые набегала белая пена прибоя, Крузенштерн остановился, осознав, что не сможет на них подняться. Просить же о помощи недостойно для русского офицера.

— Братцы, качайте героев!

Десятки горожан — мастеровых в робах, чиновников в сюртуках, бородатых казаков бросились в воду и на руках вынесли Ивана Федоровича на набережную, передавая его словно эстафетную палочку. Таким же образом переправили раненых матросов.

— Милый мой, родной, я так испугалась!

Накрепко прильнувшая к нему жена осыпала лицо жаркими поцелуями. Словно не узнавая, женщина гладила тонкими пальцами его почерневшее лицо, а из васильковых глаз текли слезы.

Для Ивана Федоровича это было удивительно еще и потому, что горделивая дочь властного аляскинского губернатора Григория Шелихова никогда не показывала на людях своих чувств. Будучи выданной отцом чуть ли не насильно, она лишь позволяла себя любить, и даже рождение сына не растопило ледок отчуждения у супруги.

Но сейчас...

«А ведь я не только победу одержал, потопив с батарейцами трех британцев, вернее, не только я один. И все люди... Настена тоже... Наша любовь победу одержала. Теперь она не будет мне холодной, как прежде, супругой, станет настоящей женой, любящей и любимой!»

Мысль промелькнула быстро, и тут же резанула страшная боль в бедре, которую офицер стоически скрывал ото всех. Осколок внутри мышц, как ему показалось, взорвался наподобие пушечного ядра.

Колени подогнулись, словно из ног разом исчезли кости, Иван Федорович внезапно понял, что смотрит в небо, такое же васильковое, как глаза жены, и оно на него падает...

Ново-Мангазейский острог

— Облом! — с какой-то непонятной интонацией выдохнул это слово Онли. За пять лет пребывания на московитской каторге английский шкипер достаточно выучил русский язык. Но только сейчас он осознал с пронзительной отчетливостью, что чувствуют северные варвары, произнося это смутное слово, такое же непонятное, как и их загадочные души.

— Так что же это такое творится?!

Держать победу почти в руках, надеяться, что сказочно разбогатеешь за одну ночь, совершишь в мыслях стремительное восхождение по социальной лестнице вверх, туда, где заседают небожители, иметь такой же титул лорда, как и они...

И все эти мечты в одночасье рассыпались как прах, как пепел! Развеялись построенные воздушные замки, исчезли, как миражи в пустыне, как рушатся под могучей волною возведенные в детстве песчаные крепости на берегу моря.

— Облом!

Какое короткое, но емкое русское слово! В нем весь сгусток надежд и разочарований, стремлений и ударов судьбы. В нем и стремительный подъем к розовым мечтам, и падение вниз, не просто к подножию, а в какую-то вонючую выгребную яму.

— Сэр! — в панике завопил Онли. — Нужно уходить из города, иначе нас здесь всех перебьют! И это еще будет хорошо!

— Почему ты так считаешь, придурок?!

Майор Уинслоу в разорванном мундире, с кровоточащей раной на щеке растерянно озирался. То, что творилось вокруг, нельзя было описать словами. Даже пожар в лондонском Бедламе показался бы образцом благопристойности и порядка.

Нет, ну разве можно ТАК воевать? Любые цивилизованные люди, видя, что в город вошли триста британских солдат, покорились бы неизбежной участи и на подушке вынесли бы золотые ключи. Нет, эти русские действительно варвары!

Стоило раздаться первым выстрелам, как все московиты, вместо того чтобы терпеливо дожидаться своей участи в домах, высыпали из них озверелыми тварями и с дикими, леденящими кровь в жилах криками бросились на доблестных английских солдат со всем, что попало им под руку.

Ну разве можно, скажите на милость, драться палками, бросать камни, выливать горячую воду из пузатых самоваров, бросаться с ножами, молотами и даже длинными тяжелыми палками, вывернутыми из повозок. Последние оказались дьявольски страшным оружием, способным сбить с ног и покалечить сразу нескольких английских солдат.

— Казаки, сэр, бежим! А то всем нам хана!

Еще одно русское слово вырвалось произвольно. Казаки оказались не лодырями и пьяницами, как думал раньше Онли, а жестокими воинами, что растрепали бы в клочья его

карибских корсаров.

Каждый их выстрел разил английского солдата, а в рукопашную с ними лучше было не сходиться. Онли видел, как один бородатый дикарь, виртуозно работая сразу двумя саблями, изрубил полдюжины английских солдат. Поднятый ими на штыки казак рычал и плевался.

Разве можно с такими дикарями честно сражаться? Они тут все звери! Даже женщины и дети с рычаньем бросались на британцев и, даже умирая, пытались вцепиться зубами в плоть, как собаки!

— Сэр, прикажите отступить, иначе будет поздно! Они нас не выпустят из города, а всех перебьют!

— Да, ты прав, Джеймс!

Майор крепко схватил горниста с чумазым от копоти лицом за плечо и закричал, багровея лицом.

— Труби отход!

Не успел сигнал отзвенеть в воздухе, как Онли припустил со всех ног к раскрытым воротам, у которых торчали несколько караульных в красных мундирах. У самых створок он оглянулся назад — по освещенной пожарами улице, постоянно отстреливаясь, но, сохраняя порядок, отступала колонна солдат.

Но боже, какая она стала куца!

Из города уходил только лишь каждый четвертый из тех, кто в него час назад вошел.

— Нужно бежать на корабль, а эти пусть воюют! — воровато оглянувшись на отступающих солдат, тихо пробормотал Онли, чувствуя нестерпимый зуд в пятках. Второй раз применять к себе русское слово «дыба» британский шкипер категорически не желал...

Париж

— К вам пришел господин Фуше, мой генерал!

Адъютант, капитан Савари, приоткрыв дверь, внимательно посмотрел на патрона. Тот чуть скривил губы, молчаливо выражая согласие.

Первый консул не любил, когда его отрывали от запланированных дел. Сейчас генерал торопился в оперу, где давали ораторию Гайдна «Сотворение мира». Мероприятие насквозь официальное, на котором обязаны присутствовать все консулы и члены Директории, высшие чиновники и генералы Республики, а также дипломатический корпус.

Луиш Лазар сильно недолюбливал и помпезные мероприятия, и бесцельную трату времени в театре или на балете, но, воленс-ноленс, положение обязывает, он должен подавать пример. Тем более в опере с ним должен сидеть рядом князь Голенищев-Кутузов, чрезвычайный полномочный посол и генерал-аншеф русской армии.

Такая нарочитая демонстрация франко-русской дружбы должна была произвести определенное впечатление на посланников Англии и Австрии.

Хотя война с этими государствами сейчас не шла, но с первой морской державой царило шаткое перемирие, настолько ненадежное, что Гош приказал флоту и армии быть готовыми к любым неожиданностям. С цезарцами был заключен «вечный мир», хотя обе стороны прекрасно понимали неизбежность новой войны за Италию.

Австрийцы, как британцы, почти открыто демонстрировали свою враждебность, потому в Париж отправили не полномочных послов, а всего лишь посланников, чтобы хотя бы еще этим назначением сильнее раздражить Республику.

Сегодня же, посмотрев на столь резкое франкорусское сближение, что сейчас действительно нужно, как воздух, враги поневоле призадумаются. Потому опаздывать было нельзя

категорически, ибо, как прежде говаривали в Париже, еще до революции, точность — вежливость королей. Сравнение с монархом вызвало у Гоша улыбку. Члены Директории вчера предложили ему стать пожизненным консулом, первым среди триумvirата.

Весьма странное предложение! Получить власть, практически равную королевской, хотя таковым не являясь...

— Что мне сказать министру полиции, генерал?

— Надеюсь, по пустякам он меня беспокоить не станет! Зовите!

Тут же в кабинет прошмыгнул глава сыска страны в тщательно пошитом фраке и в ослепительно-белых кружевах. Гош моментально насторожился — министр обязан быть в опере, и коль скоро он находился здесь, случилось нечто чрезвычайное.

— Мой генерал, прошу простить, но я только что узнал важное сообщение. Жорж Кадудаль в Париже! На вас готовится покушение, возможно, сегодня! Я прошу вас не ехать в оперу.

— Оставьте, Фуше! — Гош властно махнул рукой, пресекая возражения министра. — Я обязан быть в опере, или вы хотите бросить тень на наш союз с императором Петром?

— Что вы, мой генерал! — Фуше смутился и сделал шаг назад. — Я просто опасаюсь за вашу жизнь!

— Полноте, мсье министр.

Употреблением слова «господин» генерал Гош невольно выразил неприязнь военных к судейским крючкам.

— Я столько раз ходил в атаку и проливал кровь, что меня не испугает бандит и убийца! Пусть даже это будет Жорж Кадудаль! Самозванный генерал короля... который тоже самозванец! Полноте министр, выполняйте свои обязанности, а я свои!

Гош посмотрел на настенные часы и, жестом приказав Фуше следовать за ним, быстро вышел из кабинета. Тем же размашистым шагом он спустился по мраморной лестнице, придерживая шпагу ладонью — лакеи предупредительно открывали перед ним двери.

Усаживаясь в карету вместе с министром полиции, что решительно за ним последовал, Гош приказал кучеру резким, командным голосом, словно находился на поле сражения:

— Гони что есть сил, самой короткой дорогой! И пусть мостовая запыляет под колесами!

Борнхольм

— Наши побеждают! Ей-богу побеждают!

Лейтенант Колбасьев вот уже добрый час внимательно прислушивался к звукам ожесточенной канонады, хорошо слышной через деревянные перегородки.

Он знал — у датского острова Борнхольм должна стоять единственная пока на Балтийском флоте эскадра паровых линейных кораблей контр-адмирала Сенявина. Именно сюда должен был идти его «Великий Новгород», на смотр и учения, проводящиеся командующим Балтийским флотом адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым.

— А ведь дают британцам прикурить...

Два глухих отдаленных взрыва были произведены торпедами, и никак иначе, он не мог ошибиться, благо сам являлся специалистом по этому оружию. А один громкий, оглушающий, хорошо слышимый даже на расстоянии, мог быть не чем иным, как взрывом крүйт-камеры. Всего сутки назад Иван Петрович их наслышался — два пуска сам сделал и попаданий добился.

«Как бы помочь нашим?»

В голове беспокойно бродила только одна мысль, сжигающая огнем душу. Пальцы бессильно царапали плотно пригнанные доски, его заперли в канатном ящике, в таком же надежном, как тюремная камера. Отсюда не сбежишь, остается надеяться только на чудо...

Швамс!!!

Страшная сила отбросила лейтенанта к переборке, он сильно ударился об нее, но сознания не потерял. Маленькое помещение мгновенно заволокло дымом, прогорклый запах сгоревшего пороха забивал ноздри. Глаза запорошило, Колбасьев начал ощупывать руками лежащие вокруг него обломки, несколько раз обжегшись.

К его удивлению, крепкой стены темницы перед ним теперь не было. Чихая и кашляя, лейтенант выполз из недавнего узилища.

— Ни хрена себе!

Тяжелая пушка на дубовой колоде была отброшена от пролома, раньше бывшего оружейным портом. Везде валялись искромсанные человеческие тела, превращенные в кровоточащие куски плоти.

«Никак 68-фунтовая бомба взорвалась?!»

Мысль была верной, вот только почему не случилось пожара?! Но может, это чудо, иначе бы и он сгорел в своем ящике, как тушка бекаса в аглицком камине.

Лейтенант согнулся в три погибели, его вырвало, и он из последних сил дополз до пролома, жадно вдыхая соленый морской воздух. В голове прояснилось, глаза перестали слезиться, и Колбасьев увидел всего в миле от себя кильватерную колонну из пяти грозных кораблей, подсвеченных багряным кольцом заходящего солнца.

— Наши! — прошептал лейтенант.

Хотя корабли на первый взгляд были одинаковыми, но опытный глаз моряка определил «Москву», идущую под адмиральским флагом. За ней катились «Тверь» и «Ярославль», затем следовал без фок-мачты «Петербург» под контр-адмиральским флагом Сенявина, и замыкал колонну русских линкоров «Смоленск».

«Но где же „Псков“?» — пристально взирая на море, подумал Колбасьев. И тут увидел чуть в стороне темной кромки, что могла быть только датским островом Борнхольм, еще один корабль, к которому сейчас были устремлены все его помыслы, ибо на нем вышел в свое первое плавание гардемарин Гриша Колбасьев, младший брат.

Но Боже, в каком виде был «Псков»!

Корпус пробит в нескольких местах, ют корабля охвачен пожаром, он лишился фок-мачты, паровая машина не дымила, да и сама труба представляла собой жалкий огрызок.

А еще на море плавало множество обломков, и это могли быть только английские корабли. И пусть русские потопили их три или четыре, но врагов было намного больше, и победа над ними могла достаться дорогой ценой.

— Ничего, брат! Сейчас я помогу, они за все заплатят! И за «Новгород», и за Кроуна с командой, и за Марфу Ивановну! У-у, сволочь одноглазая, я до тебя доберусь, циклоп!

Почти не чувствуя обжигающего жара, Иван Петрович Колбасьев взял горящую головню. Он уже все для себя решил и принял последнее решение в жизни, которое ему диктовал долг русского офицера.

Форт Росс

— Я его люблю, Мари! Люблю с того самого дня, когда увидела в первый раз!

Юная Кончита смотрела на Марию широко открытыми глазами, большими, как у испуганной лани. Дочь всесильного наместника Алексея Орлова, жена его величества Царя Сибирского Николая Петровича опешила от столь дерзкого заявления своей милой, но маленькой подруги.

— Тебе всего двенадцать лет, Кончита! Граф Николай Петрович втрое старше тебя. Это

увлечение у тебя скоро пройдет, милая. Ты встретишь молодого человека, знатного, богатого...

Мария говорила тихо, стараясь разубедить свою юную подругу — Кончиту Марию Агуэру, дочь губернатора Сан-Франциско, заштатного городка испанской Мексики.

Но для русских важного, ибо он являлся пограничным с фортом Росс. Вообще, дело было больше политическое — Алехан все больше подминал под себя как город «Святого Франциска», так и «Город Ангелов» и неоднократно предлагал императору воспользоваться слабостью Испании, где безвольным королем управлял премьер-министр Годой, честолюбивый и вороватый. Или, недолго мудрствуя, просто купить у одряхлевшей державы, когда-то оплота католицизма, две северные провинции Мексики: Калифорнию и Техас.

Тем паче что подходящий прецедент уже имелся — не так давно когда-то самая большая колониальная империя, над которой никогда не заходило солнце, продала французам Луизиану — огромную по европейским меркам территорию по всему течению самой крупной реки Нового Света Миссисипи.

Год назад император Петр Федорович дал свое высочайшее «добро» на эту сделку, и, как знала Мария, с огромным удовольствием. Обе провинции Орлов предлагал купить за собственные деньги, потратив, правда, все без остатка пятнадцать миллионов рублей.

С их приобретением положение России на Тихоокеанском побережье становилось доминирующим. С выходом через Техас, или Тешас, как его называли испанцы, к Карибскому морю, к островам Вест-Индии, оно позволяло еще более упрочить положение, но уже на Атлантическом океане.

При этом во всех испанских колониях Нового Света для метрополий обстановка складывалась крайне неблагоприятно: потомки конкистадоров уже тяготились зависимостью от Мадрида и были не прочь объявить себя независимыми чуть ли не в каждой отдельно взятой провинции от Аргентины на юге до Калифорнии на севере.

Такой удобный момент упускать было нельзя!

— Кончита, маленькая моя, — Мария прижала голову девочки к своей груди, погладила по вьющимся, длинным, черным волосам. — Поживи у нас, пообщайся с графом. Он сейчас с моим мужем казачьи станицы объезжает, завтра к вечеру будет. Если не разлюбишь за год, то тогда я сама благословлю ваш брак. Только ты подрасти немного...

— Благодарю вас, ваше величество! Я не передумаю, лишь бы граф Николай обратил на меня свой взор!

Девочка присела перед Марией в реверансе, склонив голову. Под южным солнцем созревают и взрослеют рано, и Кончита была подобна нераспустившемуся цветку. А ведь спустя несколько лет ее красота будет сводить с ума мужчин.

Мария улыбнулась тихо, самыми кончиками губ. Знакомство с семейством Агуэро вначале было делом насквозь политическим, и она никак не ожидала, что сама привяжется к этой маленькой девочке — та будет запросто гостить в ее доме, и их отношения станут сестринскими.

В жилах Марии текла добрая половина испанской крови — не зная рано умершей матери, она воспитывалась суровым отцом, а потому считала себя русской. Но иногда горячая кровь грандов Кастилии в ней прорывалась, и тогда она сметала все препятствия на своем пути и добивалась всего, чего только хотела.

— Ваше величество...

— Я просила называть меня Мари, моя девочка!

— Мари, сколько было тебе лет, когда ты влюбилась в своего мужа и, топнув ножкой, сказала, что ты будешь его женой?

Кончита лукаво посмотрела на венценосную подругу, и та не выдержала, прыснула смехом,

а девочка добавила самым серьезным голосом, вот только в глазах прыгали веселые бесенята.

— Я слышала эту историю много раз, и если я ничего не путаю, то тогда тебе, Мари, было даже на год меньше, чем мне сейчас...

— Пошли спать! — только и смогла сказать Мария Алексеевна, но, взглянув в лукаво прищуренные глаза своей юной наперсницы, не в силах сдержаться, прыснула радостным смехом.

Гостилицы

— Умри, сучий потрох!

Граненый ствол револьвера выплюнул сгусток пламени, и, живи Петр сейчас одним лишь мозгом, то кусок свинца в три золотника, заключенный в оболочку, раздробил бы ему голову.

Но сейчас действовали рефлексy, забросив тело императора за все еще стоящего на ногах Николая Зубова, что никак не хотел умирать. Лицо Петра окатил поток крови, все еще брызжущей из разрезанного наискосок горла, но он на это не обращал внимания.

— Тварь, тварь!!! Лядский выкидыш!

Голос обезумевшей женщины был страшен, и тут же прогремели еще два выстрела. Однако Петр окончательно спрятался за широкую грудь несостоявшегося убийцы, крепко вцепившись в мокрую одежду и удерживая того на ногах.

«Ишь ты, какие словеса знает, стерва! До флотских боцманов, конечно, далеко, но лается, как пьяный драгун в дешевом борделе. Посмотрим, что сейчас эта крыса делать будет?! Вряд ли в братика палить начнет... Здоров же, скотина! Кровищи столько, что с не всякого борова натечет. Ну стой же на ногах, стой, не падай, скот, послужи мне защитой! А не то твоя бесноватая сестренка меня завалит, вон как ощерилась, куда там гадюке. Слюни аж брызгают во все стороны!»

— Коленька! Что с тобой?!

Крик раздался совсем рядом, и Петр, не думая, выбросил шпагу в направлении голоса. И обрадовался, когда почувствовал, что острое клинка уткнулось в какое-то препятствие.

— Ай-я! Гад ползучий!

Петр, продолжая придерживать огромного братца, выглянул из-под его толстой руки. И возликовал — женщина выронила револьвер во взбаламученную жижу, из запястья лилась кровь.

— Вот я тебя сейчас, стерва, и придушу!

Император заорал во все горло, теперь держать Зубова не имело смысла. И Петр оттолкнул в сторону мертвеющее тело, и, пылая яростью, ринулся вперед.

— У-у, мля!

Ругательство сорвалось непроизвольно. Остановиться уже было невозможно, внутри все похолодело — Жеребцова вытащила левой рукой револьвер из грязи и направила ствол прямо ему в грудь.

«Кулибин!!! Ну, хоть на этот раз брак сделай, ты же русский человек, мать твою! Убьет же!» — совершенно искренне взмолился Петр, однако творение механика оказалось на диво прочным и надежным, недаром его взяли на вооружение русской армии. С ужасающим грохотом, дернувшись в руке, револьвер выплюнул свинец, затем еще раз...

«У нее остался всего один выстрел!» — мысленно возликовал Петр, удивившись, что женщина промахнулась по нему с такого короткого расстояния, ибо он нигде не почувствовал боли. Невероятно, но так оно и было.

— Умри, гад!

Тонкий пальчик снова потянул за тугой спуск. Петр, уже видя каждую жилку на ее запястье, понял, что сейчас он получит тяжелую пулю в упор, в живот с одного метра. Такое ранение при здешнем уровне медицины всегда смертельно.

Щелк!

— А-а, сука! — радостно взревел Петр, поняв, что выстрела в упор по нему уже не будет — осечка! И со всей ярости нанес удар эфесом шпаги в широко раскрытые глаза женщины.

Жеребцова, не удержавшись на ногах, повалилась в жижу. Петр отбросил шпагу, надел на нее сверху. И стал наносить удары куда придется — в грудь, в плечи, в нос, в ненавистные глаза. Однако тревожная ночь, страшная схватка его порядком измотали, он, промахнувшись, вслед за кулаком ушел в болотную грязь. Холодная купель отрезвляюще подействовала на императора.

— Не-е-ет, ты так легко не отделаешься, я тебя полностью выпотрошу, все скажешь! Кто меня заказал, сколько заплатил и сколько народа в заговоре участвует...

Петр ухватил Жеребцову за волосы, рывком выдернул ее из болота, понимая, что чуть не утопил вдохновителя заговора и тем паче любовницу английского посла — понятно, кто на самом деле устроил это покушение!

Император отволол женщину за кусты, позади них была небольшая, относительно сухая поляна, поперек которой рухнула неизвестно как выросшая на болоте сосенка. Наскоро обыскав убийцу казаков, Петр вынул из ножен кинжал, из-под камзола — стилет в ножнах и вытряхнул горсть патронов из карманов.

«Серьезную на меня охоту устроили, как на красного зверя! Ишь ты, до зубов вооружилась!»

Накрепко связав ремнями руки и ноги Жеребцовой, он в полном изнеможении присел на сухой, с царапающей корой ствол дерева. Ему жутко хотелось курить, и он решил пошарить в карманах убитых, даже встал, собираясь отправиться к месту схватки. Но после короткого раздумья, огорченно взмахнув рукою, Петр снова уселся на ствол.

— Даже если у них и есть курево, все равно в болотине размокло!

Только сейчас он понял, насколько устал. Все же не в его возрасте в такие рукопашные схватки ходить — против пятерых убийц гораздо моложе возрастом. Его до сих пор потряхивало, огромный всплеск адреналина продолжал держать тело в напряжении, холода совершенно не чувствовалось, а было даже жарко.

— А-а, хы... кхы... а-а...

Характерные звуки, легко узнаваемые с молодости, вызвали кривую ухмылку. Жеребцову основательно тошнило, блевала прямо под себя. Петр встал со ствола, взял мокрую рубашку, отволол женщину к дереву, и небрежно вытер ей лицо — хотелось побыстрее допросить пленницу и окончательно расставить точки над «і».

— Ты убил моих братьев, скотина...

Если бы взгляд мог воспламенять, как дыхание огнедышащего змея, то Петр сгорел бы в ослепительной вспышке, настолько в ее глазах пылала лютая ненависть.

— Ага, зарезал!

Петр просто кивнул. Он чудом сдерживал себя, боясь избить ее снова, превратив наглое и красивое лицо в кровавое месиво — до боли стало жалко казаков, застреленных этой тварью с прекрасной наружностью, но с гнилой душой и подлым сердцем.

— Убить хочешь?! — Женщина зло скривила губы. — Так убивай, мерзкий старик! Ты даже не мужчина, а так, немочь бледная! Мерин выхолощенный! Только и можешь гладить свою старуху по отвисшим сиськам!

— Ах ты ж, сука!

Петр чуть ли не ослеп от ярости, моментально разгоревшейся костром — настолько

потемнело в его глазах. Сейчас он готов был растерзать ее, впервые в жизни впав в истерику, в затмевающее разум бешенство, не сдержав хлынувших наружу чувств.

— Тварь! Так, значит, я не мужик?!

Ухватившись за ворот ее куртки, он рванул так, что посыпались пуговицы. Рубашку разорвать оказалось намного проще, тончайшая ткань с хрустом выдиралась пальцами. В глаза ударила молочная белизна тела, не испачканного болотом.

— Ты что творишь, старый потаскун?! — возмущенно закричала женщина, впервые в ее голосе прозвучала нотка страха, и это подействовало разрядом тока. Петр уставился на бесстыже торчащую грудь, и, к своему искреннему удивлению, моментально возбудился, почувствовав жгучее желание.

Такое с ним было впервые за прошедшие сорок лет!

Недолго думая он схватил женщину, и, приподняв с земли, кинул ее на ствол дерева. Стальной клинок разрезал штаны, обнажив почему-то розовые ягодички, что привели его в самое настоящее неистовство.

— Похотливая сволочь, что ты творишь?!

Женщина истошно завизжала и задергалась, а Петра прямо затрясло от вожделения, настолько подействовало на него это слабое сопротивление.

— Я тебе сейчас покажу, какой я мерин!

Цепко ухватившись за груди, он навалился на женщину, и та взывала от боли. Сейчас Петр не наслаждался любовью, он насиловал — молча, жутко, страшно, стараясь каждым движением вызвать у жертвы лютую боль. Впившиеся в тугие груди пальцы с каждым рывком и толчком его тела стремились оторвать их. Женщина громко стонала и кричала во весь голос, что еще больше распаляло Петра.

Только сейчас самым краешком мозга, сохранявшего холодность мысли, он понял, почему даже его вышколенные солдаты после кровопролитного приступа, взяв штурмом крепость, ведут себя именно так. Их совершенно невозможно удержать от насилия, что идет с глубокой древности, с самой мужской природы и хищника, и защитника.

Ибо нет ничего лучше, чем победить врага, изнасиловать его жену, утверждая тем самым свою власть и получая награду за пролитую кровь и пережитый страх!

Петр, тяжело нависнув над женщиной, не наслаждался, а яростно сражался, словно работая остро заточенным копьем, а его пальцы смертельной хваткой рвали тугую плоть.

Жеребцова уже дико орала, срывая голос болезненными воплями, отчего император понемногу впадал в еще большее безумие, продолжавшееся бесконечно долго, пока внизу живота не взорвался тугий ослепительный комок, поглотивший его помутившееся сознание этой яркой вспышкой...

Париж

Жорж Кадудаль молча смотрел на мостовую, сохраняя ледяное спокойствие. Он сделал все, что мог, за эти короткие часы, что отпустила ему судьба. И если не ошибся в своих расчетах, то Франция сегодня получит избавление от тирана! А он сам может умереть спокойно, ибо цель жизни будет достигнута — генерал Гош будет убит, и тысячи загубленных им вандейцев получат отмщение.

Англичане очень помогли ему, ибо раздобыть десяток бочонков пороха в городе, где на всех углах снуют полицейские ищейки, как вши на грязном нищем, — практически невозможное дело.

А так подогнали они огромную ломовую телегу, на которой сейчас сидел его преданный

телохранитель Николя Вайон, и никто не обратил на нее никакого внимания, ибо сотни подобных повозок развозят грузы по огромному городу. Он подожжет фитиль из маленького фонаря и успеет уйти от места взрыва, времени ему хватит.

Жорж Кадудаль самолично трижды измерил путь, который проедет карета по улице до места засады, — полтора шага. Английский фут порохового шнура, который потребуется для горения.

Второй шуан Жано сейчас стоял у булочной, хорошо видимый с телеги. Парень должен подать сигнал, как только увидит карету Гоша. Консул неизбежно приедет в оперу, ибо там будет присутствовать весь политический бомонд и послы. А единственный путь проходит как раз через улицу Сен-Никез...

— Ты сегодня подохнешь, Гош! Сгоришь в пламени! И на том свете тебя будут жарить на сковороде!

Глаза Кадудалья полыхнули нестерпимой ненавистью, что уже много лет раздирала его душу. Он даже закрыл глаза, чувствуя, как стонет и трясется от злобы его душа.

— Жаль, что я не увижу, как тебя разорвет в клочья!

Жорж Кадудаль тяжело вздохнул.

Находиться в квартире было опасно, после взрыва здесь будет не протолкнуться от полиции, и кто-нибудь из ищеек обязательно опознает по описанию жильцов генерала мятежных вандейцев. Нет, он не боялся смерти, просто еще оставалось несколько заданий, которые, кроме него самого, никто не выполнит.

Нельзя погибать напрасно, не завершив свои земные дела, ибо слово чести самому королю дадено!

Соловецкий монастырь

— Это кара вам небесная, нехристи окаянные!

Порывистый ветер рвал волосы, пытаясь своим неистовым напором свалить архимандрита со стены, но отец Мефодий еще твердо стоял на подгибающихся ногах, с наслаждением вдыхая соленый, свежий воздух. Его усталые и блеклые от прожитых лет глаза сейчас горели огнем, а сердце стучало в груди большим колоколом.

— На все воля Господа!

Английской флотилии, что вчера еще стояла у каменистого острова, не существовало. Несколько кораблей безжалостно разбито о большие камни, их обломки унесены взбесившимися волнами. Два судна вышвырнуло на берег, и их искореженные остовы говорили о страшной участи других, еще носившихся по бурному и свирепому Белому морю.

— Здесь и поморы не выдюжат, — тихо пробормотал священник, переведя взор на вражеский лагерь — там не было видно ни одного огонька. Страшный ливень, закончившийся всего час назад, лил, не переставая, почти целые сутки, затопив всю округу.

И сейчас старик мимолетно пожалел голоногих шотландцев — промокших, голодных, уstraшенных стихией: худо им на камнях в мокрой одежде. Палатки сорваны, костры разжечь нечем и крыши над головой не найти, так как он сам приказал поморам сжечь свои жилища, как только завидел вражеские корабли на горизонте.

— Еще сутки, и все они захворают! А с больных людей какие вояки?!

Старческие, блеклые губы сошлись в горестную гримасу, ибо хоть вороги заклятые стояли под стенами обители, но души-то человеческие. Хоть схизматики, а крест носят.

Старик внимательно посмотрел на затянутое черной мглой небо, задумчиво пожевав губами, прищуривая слезящиеся глаза. На миг ему показалось, что краешек небосвода на самом

горизонте чуточку посветлел, да и колено перестало надрывно ныть, лишь пульсируя короткими вспышками боли.

— Сменится погода, к вёдру идет. Завтра к вечеру пояснеет. А там и у скоттов воинский азарт пройдет. Сами помощи просить пойдут, пардона вымаливая! Ишь ты, заплыли за тридевять земель, будто им здесь медом намазано. Вот по грехам своим и получили награду!

Париж

Карету немилосердно трясло, свирепо бросало из стороны в сторону, будто утлую лодчонку в штормующем море. Парижские сорванцы часто вырывали булыжники из мостовой, а потому ездить по ухабам стало сплошным неудобством.

Несколько раз на генерала чуть ли не наваливался сидящий напротив министр полиции Фуше, но каждый раз Гош придерживал его своею железной рукою.

— Молодцом, Антуан, мы успеваем!

Консул достал из кармана большую луковицу часов и щелкнул крышкой. Кучер действительно совершил почти невозможное дело, и он приедет в оперу с опозданием всего в одну минуту. Такое моветоном являться не может, хотя великолепных арабских лошадей, привезенных им из Египетской экспедиции, придется долго вываживать. Даже эти скакуны не выдержат такой бешеной гонки.

Генерал наклонился к дверце, отодвинул легкую занавеску. Перед глазами мелькали дома на улице Сен-Никез; вот вывеска булочной, до оперы осталось совсем немного...

Скакуны припустили еще сильнее, хотя такое казалось невозможным, яростно нахлестываемые безжалостным кнутом. Стены домов замелькали калейдоскопом, сливаясь в пеструю линию. Однако генерал заметил большую ломовую повозку, груженную бочонками, и неторопливо идущих по своим делам мимо нее людей.

Париж жил своей собственной жизнью и не обращал никакого внимания на бешено несущуюся карету Первого консула Республики. Да и часто ли бывает дело простым людям до забот вершителей их судеб.

Гош откинулся спиною на мягкую подушку спинки и, спрятав луковицу часов, улыбнулся министру полиции.

— Вот видите, Фуше, мы спокойно доехали! Почти доехали. Ваши страхи необосно...

Швамс!!!

Карету так подбросило вверх, что у Гоша, подлетевшего на диванчике, лязгнули зубы. Ударившись головой о потолок, генерал упал обратно на подушку, прокусив себе губу, — рот моментально наполнился соленой теплотой крови.

Стекла в дверцах вылетели, превратившись в мелкое крошево, щедро осыпавшее министра, изрезав тому лицо. Фуше застонал, но, переборов боль, закричал, и в этом вопле Гош сразу уловил, кроме страха, даже непонятные нотки радости:

— Я говорил вам, генерал! Жорж Кадудаль в Париже! Это его рук дело! Я предупреждал!

Гош потянулся к шнурку, желая остановить кучера, но министр полиции не дал ему этого сделать.

— Генерал, вы обязаны быть в опере! Людям уже ничем не поможешь! Им нужны только врачи!

— Но как же так, Фуше?

— Я лично займусь этим делом, заговорщики от меня не уйдут! Там могут быть убийцы, их нужно скорее схватить! Вот и опера! Мы приехали, мой генерал...

Кони замедлили бешеную скачку, и спустя полминуты карета остановилась прямо у ярко

освещенных дверей. Гош только сейчас ощутил, что его прямо разбирает нервная дрожь — так часто бывает после жестокого боя, когда человек оказывается на грани жизни и смерти.

Волевым усилием Гош натянул на лицо невозмутимую маску, небрежными взмахами перчаток стряхнул с мундира осколки стекла. Голос прозвучал ровно и спокойно, будто ничего не случилось:

— Фуше, вы должны немедленно найти убийц! Такие злодеяния нельзя оставлять безнаказанными!

Гостилицы

— Я тут загнусь от холода!

Петр обнял себя за плечи, стараясь отыскать внутри хоть капельку тепла. Его жутко трясло, ноги, погрузившиеся по колено в болотную жижу, казалось, навечно застыли в ней, будто во льду.

— До чего же здесь холодно! — пробормотал император, чувствуя, как его зубы выбивают замысловатую чечетку, грозя вскоре рассыпаться в мелкое крошево.

— Это твоя душа страдает, сын мой! — неожиданно раздался за спиной знакомый до боли, мягкий голос. Петр обернулся, ощущая, как скрипят кости.

— А-а, это ты, отче... — без удивления протянул он, осознав, что все происходящее сейчас не подлинная реальность, а всего лишь сон. А может, плод больного воображения или разума? Ведь этот старик уже дважды являлся к нему, но много лет тому назад.

— Прямо вестник беды какой-то — задумчиво протянул Петр, вспомнив, как его жгло смертным холодом тело девушки, выпившей отравленного питья, предназначавшегося ему. И тут он осекся. Действительно, такое с ним было, но там явился не этот старик, а ведьма.

— Когда гибнут люди, сын мой, кладут животы свои на алтарь Отечества, тогда и болит душа! — старик словно прочитал его мысли.

Петр содрогнулся, и вправду было гостилицкое поле, усеянное трупами русских солдат. И неважно, что одни из них сражались за императора, а другие являлись его мятежными гвардейцами.

А потом, через восемь лет, уже при Кагуле, он шел со стариком по бранному полю, где лежали русские солдаты, а их души возносились прямо в небо, из этого царства мертвых туда, где жизнь вечная.

Перед глазами проскользнули забытые, но до боли родные лица — генерал Гудович, поведший полк на выручку апшеронцам, старик Тихомиров, что ходил с Минихом походом на Крым, драгун Злобин и сотни других, кого он знал либо по фамилии, либо в лицо.

— Все они русские солдаты, сын мой!

Рука легла на плечо, и Петр поразился, почувствовав идущий от нее жар. Тело перестало дрожать, по нему разлилась теплота, наступило почти блаженное состояние. Но тут он вспомнил, с кем вступил в схватку на этом болоте, и зло усмехнулся.

— А это что — тоже русские люди?

— Да! — кротко ответил старик, и Петр вскочил на ноги, зарывав от внезапно пробудившейся злобы.

— Они золотом вдвое больше по весу взяли, чем вся моя плоть и кровь вместе с дерьмом! Тут уже не тридцать сребреников, много больше! Льстит, конечно, но я ведь не Христос!

— Гордыня у тебя нечеловеческая, сын мой! — последовал мягкий ответ, и Петр окончательно взбеленился.

— А стрелять в спину по-человечески?! Впятером, с пушками и перьями на одного раненого бросаться — это по-христиански? Знаешь, отче, я думаю, яблоко от яблони недалеко падает. А потому...

Петр не договорил, надолго замолчал, его губы мстительно сжались в недобрую гримасу. Но старик лишь улыбнулся, горько так, самыми краешками губ, а в голосе просквозила печаль:

— А ты этот сад сажал, сын мой? Растил, поливал, ухаживал? Тебе попало червивое

яблочко-паданец, а ты за топор браться? Дед твой тоже любил секиру ката хватать, и яблони, и плоды без жалости рубить. Ты думаешь, он сейчас себя хорошо чувствует? Душа не стонет, что так много жизней человеческих усек?

— Да уж...

На такое замечание крыть было нечем. Кипящая ярость схлынула с души, как пена на мясном бульоне, зато мысли в голове понеслись очумелым галопом:

«Чего это я топориком размахнулся?! Не просто яблони порубить, но и с корнем их выдрать, будто род человеческий превратился в сорняк ненадобный. Погорячился ты, братец, шибко погорячился! Вот на тебя ушат холодной воды и вылили...»

Петр захекал, кляня себя за неоправданную жестокость. Стало стыдно, давненько он не чувствовал так скверно — будто в чан с дерьмом с головою окунули.

«А ведь уже не молод, кровь должна остыть, страсти утихнуть, а порывы юношеские смениться зрелой осмотрительностью — или я просто во сне таким шебутным стал?!»

— Да не во сне, сын мой, ты вокруг оглянись, посмотри, сколько ты людей накромсал!

Петр с усмешкой посмотрел и мгновенно понял, что настоящего страха он никогда еще прежде не испытывал. Лишь краем сознания отметил, что волосы встали на голове дыбом, словно живые, а душа, запищав, судя по всему, переместилась в пятки.

— Твою мать! — только и выдохнул император — оживших покойников было не просто много, а чудовищно велико их число. Он моментально узнал Зубовых с дергающимися движениями зомби, Барятинского, держащего голову в руках, Салтычиху в грязном саване, идущих за ней когда-то покромсанных в петергофском дворце гвардейцев, один из которых тащил за черенок приснопамятную лопату. Но явилось много других, кого он и узнать не мог. То какие-то висельники с гнилыми веревками на шеях или безголовые, выставившие вперед зеленые, гниющие ладони.

«Мать моя женщина! Милиция-заступница! Это же те, кого я на плаху отправил, а тех на виселицу. Никогда не думал, что столько народа казнил?!»

— Извел ты их, батюшка! — голос звучал участливо, но с какой-то издевкой. — Не напрасно, конечно, не по облыжному навету, но все же... Подумай в другой раз, прежде чем во гневе дела вершить. Отрубленные головы не прирастают обратно. А то, что ты зришь — морок...

Петр поморгал глазами, перед ним снова было болото, тихое и спокойное. Только комары жужжали, сбившись над ним в неисчислимые полчища. И теплота ушла...

Снова стало холодно, будто кровь стала превращаться в ледяное крошево. Он схватил себя руками за плечи, стараясь удержать внутри жалкие остатки тепла, и, стуча зубами, еле слышно произнес:

— Боже мой, ну до чего ж тут холодно...

Париж

— Я не сомневаюсь, князь, что следы этого кровавого злодеяния приведут в Лондон!

Гош с трудом сдерживал волнение, и сейчас, когда часы пробили полночь, в протяженном антракте он уединился для приватной беседы с российским послом князем Михаилом Голенищевым-Кутузовым, который демонстративно явился в оперу в парадном мундире при всех орденах.

Первого консула удивил выбор русского императора — вместо маститого дипломата, какого-нибудь прожженного интригана, прислать прямодушного боевого генерала с большим белым крестом на шее, который, как он уже знал, являлся высокой военной наградой, и таковую

имели буквально несколько человек, включая самого царя.

Но именно такой выбор льстил самолюбию главы Французской Республики, ведь все генералы, независимо какой страны, — своего рода коллеги по оружию, которое, как известно, облагораживает.

К тому же князь не воевал с французами ни в Италии, ни в Палестине, а это говорило о том, что царь бережно относился к военной репутации всех трех консулов.

— Если их проклятый остров завтра опустится на морское дно, то я даже не вздохну!

Единственный глаз русского князя на мгновение сверкнул ослепительным светом. Дюк откровенно недолголюбивал островитян и не скрывал этого. Даже на большом приеме Кутузов умудрился весьма язвительно отозваться и об английском после, и о политике Британии во всем мире.

— Я думаю, генерал, — Гош специально подчеркнул чин, — Франции вскоре предстоит воевать, но это будет война льва с акулой. Мы ничего не сможем им сделать. Наш флот втрое меньше...

— Да и у нас вряд ли больше кораблей, чем у вас. Хотя, думаю, нам найдется, чем удивить чопорных лордов. Так что мы не оставим Францию одну в ее нелегкой борьбе. Ведь «Сердечное согласие» между нами совсем не пустой звук...

Гош вздохнул с облегчением. Русские относились к союзу крайне серьезно и готовы были идти до конца. И спустя несколько часов после покушения на улице Сен-Никез выразили устами посла готовность вступить в войну, если будет доказано, что к этому преступлению причастны британцы.

Впрочем, случись такая ситуация в России, он бы всеми силами поддержал русского императора, хотя такое вряд ли возможно. Эти москвиты прямо боготворят своего венценосца и невероятно, чтобы они устроили подобное.

Это ему, Первому консулу Республики, предназначены удары со всех сторон — мятежные вандейцы и роялисты; сепаратисты Лангедока, Бретони и Корсики; якобинцы и санкюлоты, ушедшие в подполье и мечтающие о временах Конвента Робеспьера; валлоны, причиняющие массу бед в Арденнах; упрямые швейцарцы и фламандцы, не желающие признавать республиканской власти. А если добавить врагов внешних, взявших на время передышку, то ситуация станет и вовсе скверной, начни они действия.

Австрия может повести за собой армии мелких германских государств, а если к этому присоединятся Пруссия и королевство обеих Сицилий, то налицо будет целая коалиция. Но наиглавнейший враг — вековой, постоянный, неизменный — Англия: именно она дирижирует всем этим «оркестром» тайных и явных противников.

— Генерал, наши страны просто обречены на дружбу! — голос Кутузова вывел Гоша из размышлений.

«Нет, русский князь не дипломат. Фуше постоянно докладывает: посол вечно занят молодыми красотками и, несмотря на пожилой возраст, любвеобилен, как Дон Жуан — постоянно увлекает в альков даже замужних красавиц. А еще любит посещать театры и устраивать в посольстве самые настоящие лукулловы пиры: даже крепких полковников, прошедших со мною суровые, холодные Альпы или жару египетской пустыни, уносили с тех обедов мертвецки пьяными.

Нет, не дипломат русский князь, а сибарит, да и прожитые годы тому причиной. Я ему в сыновья гожусь, чуть ли не вдвое моложе, но так жить бы не смог. Нет, как боевой генерал, он уже никуда не годится, хотя раньше вояка удалой был, ран не счесть, глаз потерял, да и наградами щедро увенчан!»

Первый консул перевел взгляд на широкую грудь полноватого русского генерала, где целая

россыпь орденов и звезд слепила глаза. И тут Гош подумал — Республика должна иметь подобные знаки отличия, вроде упраздненных королевских орденов Святого Духа или Людовика. Вот только название должно быть истинно народным, берущим за душу не только военного, но и любого гражданина.

«Пусть это будет... Орден Почетного легиона! Хм-м... Весьма красивое название!»

Форт Росс

— Мама, почему стреляют?! Это батюшка мой воюет...

— Нет, мой милый, это не отец, это враги напали! — Маша лихорадочно одевала сына, который смотрел на нее своими широкими, не по-детски умными глазами.

— Матушка, уходи! Кузьма коней оседлал!

Старая казачка Матрена, уже четверть века проживавшая у Орловых управительницей, протянула молодой женщине револьвер, а сама подхватила наследника на руки.

И хотя Мария не застала ту беспокойную жизнь, в которой ее отец с братьями провел долгие годы, но благодаря тому, что Алехан занимался воспитанием дочери сам, девушка попадала в цель из револьвера и винтовки так же хорошо, как стрелки американских рот.

Владеть саблей и скакать на коне ее научил старый казак Кузьма, отчаянный рубака, воевавший когда-то против отца на Ораниенбаумской дороге. Но это никак не помешало самой искренней привязанности к нему светлейшего князя, что стал когда-то полонянином в той злосчастной встрече.

Выстрелы загрели почти у самого дома. Осколки стекла посыпались из рам, разбиваемых пулями.

— Матушка, бежим!

Старая казачка с наследником на руках бросилась вниз по лестнице, а Мария, крепко держа револьвер в руке, заспешила следом, с нарастающим волнением прислушиваясь к звукам ожесточенной схватки.

Что происходило кругом, она не понимала, настолько внезапным было нападение неизвестных кораблей, расстрелявших форт и высадивших многочисленный десант.

Самое страшное, что Ники увел почти всех казаков, оставив в городе лишь малочисленный гарнизон из взвода стрелков. Врагов же, судя по всему, было несколько сотен. Потому нужно было бежать из города — не из трусости, нет, а чтобы спасти сына и наследника.

Женщины быстро спустились по лестнице во двор, где находился старый казак, уже держащий в поводу двух оседланных коней, на одном из которых сидела юная Кончита.

Калитка черного хода была распахнута, в переулке стояла тишина. Зато у главных ворот кипел ожесточенный бой, выстрелы гремели один за другим, но даже сквозь грохот Мария различала крики чужой, лающей речи, хриплой до отвращения, будто ее обладатели всю жизнь пили вонючий виски или пойло, именуемое пивом, а не отличный испанский херес или бодрящий, веселящий душу русский квас.

— Скачи, матушка, до урочища!

Старый казак подхватил Марию, одним рывком посадив в седло. Пока он перебрасывал поводья на луку, Мария устроила перед собой сына. И только приготовилась дать шенкелей лошади, как в переулке послышался страшный шум: в калитку ввалилась, пихая, отталкивая друг друга, разномастная толпа свирепых людишек, самого что ни на есть разбойничьего вида, ошетилившаяся ружьями и кортиками.

Револьвер в руке задержался, выплевывая смертоносный свинец, но это не остановило нападавших. Старый Кузьма попытался выиграть для их бегства драгоценную минутку —

отчаянно ругаясь, он врубился в толпу, вращая над головой саблей. Казак зарубил трех разбойников, но был другими изрешечен пулями.

Пронзительно закричала Кончита, и тут же крепкие руки схватили Марию, с легкостью выдернув ее из седла. Молодая женщина укусила за вонючую ладонь одного лиходея, ее сразу ударили по голове. Теряя сознание, Мария слышала, как отчаянно закричал сын:

— Ма-а-ма-а!

Париж

— Мой генерал, — адъютант тихо приоткрыл дверь, — к вам пришел господин, не пожелавший открыть своего имени... Но он сказал, что вы его хорошо знаете.

— Зовите, Мишель!

Моро оторвался от бумаг — массивные часы в бронзовой тумбе только что пробили полночь, но Второй консул Республики все еще работал.

Ворох неотложных бумаг настолько овладел его вниманием, что он даже не поехал в театр, понимая, что там будет «бенефис» только Гоша, а не его или Жубера, который вообще уехал из Парижа.

— Мы с вами знакомы?!

Моро с интересом посмотрел на вошедшего в кабинет молодого мужчину, в прекрасно сшитом костюме, с волевым лицом. И хотя генерал напряг свою память, но припомнить вошедшего не смог. У него даже возникло стойкое убеждение, что с этим человеком он никогда не встречался ранее в своей жизни.

— Доброй ночи, генерал! — Вошедший изобразил легкий полупоклон. — К моему глубокому сожалению, мы не были знакомы ранее, но вы хорошо знаете мое имя. Я целиком и полностью в вашей власти и полагаюсь на вашу честь, мой генерал. Меня зовут Жорж Кадудаль, бригадный генерал королевской службы!

— Монарх, которого не признает страна, не имеющий собственной армии, производит в генералы?! — усмехнулся Моро и, памятуя о репутации своего ночного визитера, бросил короткий взгляд на шпагу, что висела на стене. Вождь шуанов перехватил этот взгляд и ухмыльнулся:

— Вам незачем меня опасаться, мой генерал, я пришел без оружия, как вы того и пожелали!

— Я?!

Удивление Моро от произнесенных слов было безграничным. Именно эта прорвавшаяся в слова искренность смутила Кадудалья. В его глазах плеснулась непонятная волна.

— Генерал Пишегрю в Лондоне сказал, что вы меня хотите видеть, Жан Виктор. И я прибыл к вам немедленно, хотя несколько задержался по неотложным делам. И прошу извинить меня за столь поздний визит, но новость чрезвычайно важна, и вы должны знать ее незамедлительно!

— И каково ваше известие?

Моро подошел к спинке стула и медленно накинул на плечи мундир — все же пусть к мятежному, но генералу нужно проявлять уважение и не беседовать с ним в одной рубашке.

— Час назад я взорвал двадцатью бочонками пороха на улице Сен-Никез Первого консула Гоша! Теперь вся власть будет только в ваших руках, генерал! И в ваших силах, как вы и говорили Пишегрю, произвести реставрацию монархии и вернуться к старым добрым временам. Король оценит ваши деяния по достоинству, можете не сомневаться!

— Какая реставрация, Кадудаль?!

Глаза Моро полыхнули нешуточной яростью, он подошел вплотную к ночному гостю и,

тщательно проговаривая каждое слово, произнес жестким и непреклонным голосом.

— Я присягал Французской Республике, а не вашему королю, Жорж Кадудаль! И останусь верен этой клятве до последних минут моей жизни! Так что бред, который вы несете, мне непонятен! Когда и кому я обещал оказать помощь роялистам?!

— Меня заверил в этом генерал Пишегрю...

Румянец сошел с лица вождя шуанов, он словно спал с лица, щеки побледнели.

— Вы поверили этому подлому предателю? — усмехнулся Моро. — Удивляюсь вам, генерал. Ведь сначала он предал короля, а затем и Республику. И живет в Лондоне на подаяния британцев. Вы уверены, Жорж Кадудаль, что он не предал в третий раз? На этот раз вас! Да, вы мой враг, господин бригадный генерал королевской службы! И мы навсегда останемся врагами!

Вот теперь Моро взял в руки шпагу, но не выхватил клинок из ножен, а лишь положил ладонь на эфес.

— Я уважаю ваши убеждения, мой генерал!

Вождь мятежных шуанов вполне искренне наклонил голову и усмехнулся, морщины у рта собрались в горестные складки.

— Меня неправильно информировали относительно ваших истинных намерений! Это более походит на западню...

— Оставьте свои подозрения! Я не приглашал вас к себе, но вы доверились моей чести! А потому не собираюсь протыкать вас шпагой, хотя вы и убили генерала Гоша! Так что сообразовите покинуть мой дом, наша встреча была непростительной для вас ошибкой!

— Мне очень жаль...

Голос королевского посланца осел, лицо посерело, даже его железное самообладание не выдержало такого удара.

— Я не боюсь смерти, Жан Виктор Моро, и давно ее ищу... Можете меня убить здесь!

— После того, как я дал СЛОВО?! Вы за кого меня принимаете?! Я солдат, а не палач, Жорж Кадудаль!

Моро с лязгом положил свою шпагу обратно на стол, медленно отошел в сторону и скрестил руки на груди.

— В этом доме вас не тронут пальцем, ибо вы пришли без оружия. Немедленно покиньте его, мой адъютант проводит вас, месье, на улицу! Я сообщу куда следует о вашем визите, но только утром. Тем самым даю вам время убраться из Парижа! Единственное мое желание — скрестить с вами шпаги на поле боя!

Моро демонстративно убрал руки за спину и коротко поклонился, ибо даже с врагами необходимо вести себя безукоризненно и крайне вежливо, вернее, тем более с врагами...

Гостилицы

— Государь!

— Ваше Величество!!

— Царь-батюшка!!!

Крики доносились, будто из-под пуховой подушки, глухие, расплывчатые. Но этого оказалось достаточно, для того чтобы разбудить спящий разум.

Петр очнулся, чувствуя, что лежит на чем-то теплом и мягком. Спросонок он ухватился пальцами за нечто мягкое, и женский вскрик окончательно разбудил императора.

— Да что это со мною?!

Петр забористо выругался, только сейчас осознав, что уснул на спине изнасилованной им женщины. Вскочив на ноги, он зачерпнул ладонью холодной воды и тщательно обтерся, хотя

суставы рук онемели и кисти двигались плохо.

Несколько холодных капель упало на молочную женскую кожу, бесстыже представшую перед его взором — Жеребцова дернулась на бревне и мучительно замычала.

— С ума, что ли сошла? Или язык проглотила?! А ведь материла вчера меня в три загиба!

Петр натянул штаны, затянул ремень, и, перешагнув через бревно, цепко ухватился за длинные волосы, рывком приподнял голову Ольги. На него смотрели огромные, наполненные болью и мукой глаза, которые через какую-то секунду заполонил животный ужас.

— А-а, у-у-у!

Женщина замычала, пытаясь отодвинуться от Петра, только связанные через бревно руки и ноги не позволяли ей этого сделать. Она бы и закричала, вот только рот, к великому удивлению Петра, оказался забит какой-то тряпкой, обмотанной вокруг большого сучка.

— Надо же, и кляп воткнул, и руки-ноги связал! Не помню...

Петр отошел в сторону. Из ночного болотного тумана доносились звонкие крики, которые, как ему казалось, шли уже со всех сторон. Луна круглым сыром высоко стояла в сером ночном небе — едва за полночь, как он мысленно отметил.

— Со всех сторон крики идут — сутки ведь ищут! В кольцо взяли, как партизана на болоте! А ты лежи, милая!

Он похлопал женщину по обнаженным ягодицам и натянул на них штанишки, судорожно соображая, чем бы стянуть разрезанную ткань. Посмотрев на располосованный шпагой ремень, он быстро отодрал от куртки веревочку, накрепко завязал ее на женской талии.

— Во-от, теперь не спадут, милая...

Петр присел на корточки и, глядя в подернутые пленкой глаза, заговорил как можно мягче:

— Будешь жить, и род твой, всех близких не трону. Но ты мне все расскажешь, искренне и честно! Или я через четверть часа спущу на тебя полсотни казаков — слышишь, как они перекликаются. А когда они узнают, что ты сама двоих станичников застрелила, то на этой сосенке примешь смерть, как лягушка!

Женщина мучительно замычала, и Петр, спохватившись, выдернул из ее рта кляп. Жеребцова откашлялась, ее мучительно вырвало, но голос уже был *другой* — сломленный, просящий.

— Ваше императорское величество, я все расскажу честно! А потом можете казнить меня...

— Хорошо, — пробормотал Петр.

«Эта ночь ее сломала. Лежа подо мной, она приняла меня за упыря, и страха натерпелась — жуть! Взглянула в глаза смерти, и вся спесь из головы вылетела. Ибо не за честь сражалась, а наемным убийцей за золото пошла. А за такое умирать трудно, ибо мысль постоянно мучить будет, что денежки ты никак не потратишь! Не фанатики они, законченные мерзавцы! Яблоки червивые, паданцы!»

И тут Петр неожиданно вспомнил недавний сон, засмеялся и хлопнул себя по лбу.

— Да что это я! Первый раз старик в Гостилицах явился, когда я с фрейлинами... Хм-м... В общем, прелюбодействовал, а сейчас с этой...

Он посмотрел вниз, на пикантную нижнюю часть Жеребцовой — через большую прореху проглядывала белизна кожи. Хмыкнул на свое безумие и мысленно пожалел, что уже не сможет продолжить подобное занятие — достаточно одного раза.

— Я свое «добро» не на помойке нашел! Да и с кем?! Не в Содоме с Гоморрой живу!

Петр натужно засмеялся и, слыша переливчатые крики, решил прийти своим спасателям на помощь, закричав во всю мощь легких поставленным за долгие годы командным ГОЛОСОМ:

— Ко мне, станичники! Спасайте своего царя! Где вас только целые сутки носило?!

— Пожаловали, вороги...

Капитан-лейтенант Лисянский пристально рассматривал темную громаду вражеского многопушечного фрегата, хорошо закрытую, словно индейским меховым одеялом, утренним туманом, столь привычным для этих затерянных на краю света мест.

Ситкинский архипелаг, состоящий из множества островов, служил опорой русского владычества в Америке. Более десятилетия здесь шла ожесточенная война с индейцами, которые отличались чрезвычайной воинственностью. И лишь после долгих трудов и пролитой крови удалось не только замирить этот край, но и прирасти дополнительным могуществом.

Свирепые индейцы за треть века общения с русскими стали вполне лояльными подданными, верой и правдой начали нести нелегкую казачью службу. Вот и вчера дозорные сообщили морякам о спрятавшемся в бухте корабле, приплывшем в эти воды с недобрыми намерениями: в противном случае не скрывались бы, как тати морские, что пиратами зовутся, и флагом своей державы обозначение имели, как честным морским служителям и надлежит делать!

— Нужно подойти поближе... — снова прошептал Лисянский, хотя понижать голос было ни к чему, паровая машина, работавшая даже на самых малых оборотах, производила много шума.

Конечно, можно отказаться от этой атаки и уйти в Ново-Архангельск, под защиту мощных фортов. Но это означало лишиться чести, показать трусость и отсутствие решительности, и непоправимо сокрушить собственную репутацию в глазах его величества Николая Петровича и всемогущего наместника светлейшего князя Орлова.

Ему, георгиевскому кавалеру, смело атаковавшему пять лет тому назад турецкие галеры шестовыми минами под Руцукон на Дунае, позорно уклониться от боя.

Нет, Юрий Федорович не был безумцем — при ясной видимости и днем торпедная атака невозможна. Фрегат бы просто сокрушил бортовым залпом хрупкую скорлупку с коптящей паровой машиной. Зато в тумане — совсем иное дело.

В стесненном узостями архипелаге, по стоящему на якоре противнику со спящей командой на борту в час «собачьей» вахты все преимущество переходило на сторону его маленького катера, вооруженного убийственным для любого корабля, даже мощного линейного, оружием.

— Торпедный аппарат, товсь! — уже не таясь, громко скомандовал Лисянский. Теперь он отчетливо видел борт вражеского фрегата, направив нос катера прямо на его середину для удобства прицеливания.

— Торпедой пли!

Во исполнение команды стоящий за спиной капитана матрос с силой наклонил рычаг. Под днищем тут же хлопнуло, катерок подбросило вверх, он освободился от ноши и стал легче, а на воде, от носа к вражескому кораблю потянулся пенистый след.

— Пошла!

Только сейчас на вражеском фрегате заподозрили неладное, послышались крики на английском языке, лающие приказы офицеров, переливчатый свист боцманских дудок.

— Поздновато спохватились...

Договорить капитан-лейтенант не успел. Страшный взрыв потряс утреннюю тишину, у борта британского корабля взметнулся в небо водяной столб, а когда он упал, то всем русским матросам стало ясно, что с незваным гостем покончено: разорванный на две половины фрегат уже тонул, а матросы горохом прыгали с него в воду.

— Боцман, готовь концы! Будем вылавливать морячков, глядишь, и поведают нам что-нибудь интересное...

Париж

Неожиданно внизу раздался непонятный шум, будто в дом ворвалась толпа молчаливых санюлотов, словно вернулись времена Робеспьера и якобинского Конвента. Но выстрелов не прозвучало, и генерал Моро прогнал охватившую его на миг тревогу — в преданности своей охраны Второй консул Республики не сомневался, а потому громко позвал адъютанта, чтобы тот разъяснил непонятный шум:

— Мишель, что там происходит?!

Дверь в комнату немедленно отворили, но на пороге стоял не лейтенант Бланшар, а министр полиции Фуше с землистым лицом, но горящими глазами охотничьей собаки.

Следом за ним в кабинет ввалился добрый десяток здоровенных альгвазилов, которые под своими темными плащами всегда прятали оружие. С готовностью сторожевых натасканных псов полицейские плотным кольцом окружили двух ночных собеседников, не сводя с них настороженных взоров.

— Что вы себе позволяете, гражданин Фуше?! По какому праву вы врываетесь среди ночи в мой дом?

— По приказу генерала Гоша, коим обязаны подчиняться даже вы, генерал. И не могу ответить вам тем же! — Фуше довольно осклабился, блеск в его глазах стал просто нестерпимым. — Вы перестали быть гражданином, Жан Виктор Моро! И решили получить от короля титул герцога! Для чего руками здесь присутствующего Кадудалья решили убить Первого консула! Вы предатель, Жан Виктор Моро! Вы арестованы! Да, да, оба! Первый — за измену Республике, второй — за попытку убийства Первого консула!

— Вы что говорите, мсье Фуше?! Я изменник?! Вы сошли с ума, полицейская ищейка!

Моро, наконец, вышел из ступора, в который его ввел поток вздорных обвинений, и рука генерала сама легла на рукоять шпаги. Однако полицейские восприняли это движение как угрозу и бросились на генералов, скрутив обоих.

Глаза Фуше торжествующе смеялись, когда министр полиции повернулся к вождю шуанов — тот, привыкший за годы борьбы к перипетиям судьбы, сохранял ледяное спокойствие.

— Могу вас разочаровать, месье Кадудаль. Первый консул республики жив. Карета ехала слишком быстро, и вместе с генералом в ней был я. И видел все собственными глазами. Вы убили простых парижан, месье королевский генерал, четыре десятка ни в чем не повинных стариков, женщин, мужчин и детей.

— А в чем были виновны те же женщины и дети, которых вы растерзали в Вандее?! Ведь их приказал убивать Гош!

— То послужило на благо Республики, а вы просто убийца, Кадудаль, и скоро «чихнете в корзину»!

— Гильотиной меня не испугаете. Но пожелаю и вам того же!

— Мне вряд ли, а вот вашему поделельнику, которому вы пришли отчитаться о своих злодеяниях, может грозить эта участь. Мы не спускали с вашего дома глаз, генерал Моро, когда получили сообщение из Лондона, что вы вошли в сношения с изменником Пишегрю! — Фуше прямо светился от радости. — И после покушения на Первого консула я бросился прямо сюда, как меня и предупреждали в записке. И кого я здесь застал?! Главаря шуанов Жоржа Кадудалья в разговоре с генералом Моро! И вы будете утверждать, что все произошло случайно?!

— Я здесь ни при чем, генерал... — прохрипел Кадудаль, даже не пытаясь оказать

сопротивления дюжим полицейским. Вождь шуанов слишком долгое время провел в заговорах и мятежах. А потому, в отличие от боевого генерала Моро, совершенно растерявшегося под неумолимыми обвинениями, всем своим естеством ощутил неправильность происходящего, и громко произнес:

— Это чудовищная мистификация. Я не только сам залез в западню, но и заволок туда вас, генерал...

Варшава

— Война с Россией нам не нужна! Пока...

Тадеуш Костюшко тяжело поднялся с кресла. Вот уже второй раз его выбрали «начальником государства», позвав на помощь и снова признав заслуги перед Речью Посполитой.

Восстание началось спонтанно, раньше назначенного срока — уж больно было невтерпех многим шляхтичам терпеть оккупантов в своем доме. Сообщения поступали из всех воеводств, и они были радостными, вызывая безудержное ликование в Варшаве.

Пруссакки покидали территорию Польши, кое-где с боями, но зачастую спасались бегством, не выдержав дружного напора инсургентов, в очередной раз поднявшихся за свободу родины.

Вся территория по правому берегу Вислы, до впадения в нее Сана, была свободна от западных захватчиков. Ожесточенные бои шли под Лодзью, Познанью и Ченстоховом, уже казалось, что еще немного, еще один дружный напор всего войска — и ненавистные пруссаки отрыгнут проглоченный польский кусок, который уже стал им поперек горла.

Сейчас восстание накатывалось на Силезию и Малопольшу, которые находились под австрийским владычеством. Пять лет назад поляки потерпели поражение, и их страна была поделена между тремя соседями. Российской империи отошли земли восточнее Буга, так называемые «крэссы восход-ни», германцы с австрийцами поделили собственно Польшу. Северная и западная части с Варшавой отошли Берлину, в южной части, в древней столице Краков расположились цезарцы.

Именно владычество ненавистных германцев, особенно жестоких пруссаков, с их поголовным онемечиванием польского населения и вызвало всеобщее восстание.

— Вначале мы должны освободить Польшу!

Костюшко говорил угрюмо, и было отчего ему хмуриться. Дело в том, что восстание против пруссаков готовилось на английское золото, поступавшее из Вены вместе со столь нужным оружием.

Теперь от него требовали отплатить сторицей за помощь — не трогать австрийские владения и сделать все возможное, чтобы пламя восстания перекинулось за Буг.

Война с русскими не пугала «начальника государства», но мощь империи вынуждала быть осмотрительным. Надеяться на возможность мятежа в восточных землях не приходилось.

За прошедшие пять лет русские выселили оттуда всю католическую шляхту. И появление польских отрядов, перешедших пограничную реку — тут Костюшко не заблуждался — было бы встречено православными схизматиками, малороссами на Волыни и белорусами в Полесье как враждебное нашествие.

— Нет, маршал!

Тадеуш умоляюще посмотрел на князя Понятовского, который, потеряв все свои обширные владения, конфискованные русскими у Вильно и Новогрудок, настаивал именно на восточном походе.

— Мы не сможем сейчас противостоять русским. Я понимаю вас, но мы не получим

поддержки, ибо там не осталось шляхты! А собственного войска у нас нет, его нужно еще создать!

— Хватит и моих отрядов!

Понятовский набычился, бросил свирепый взгляд — ему не терпелось с триумфом вернуться в Литву, а уж там он покажет москалям и хлопам, как чужое добро захапывать!

Балтийское море

— Да-а! Сказал бы кто иной, так бы сразу и не поверил бы!

Адмирал Ушаков мотнул головой и с усмешкой посмотрел на дрожащего, переодетого в сухой матросский бушлат английского офицера.

Флаг-капитана вице-адмирала Нельсона Трубриджа выловили в море. Он оказался единственным спасшимся с флагмана, который с ужасающим грохотом взорвался перед второй схваткой кордебаталий.

Сам Федор Федорович, как и другие русские моряки, посчитал взрыв крюйт-камеры на британском линкоре, шедшем под адмиральским флагом, прямым следствием бушевавших на нем пожаров, разгоревшихся после первого столкновения на контркурсах.

Но все, как сейчас выяснилось, оказалось иначе!

Трубридж утверждал, что его просто вышвырнул за борт русский матрос с «Великого Новгорода», взятый британцами в плен, но который на самом деле оказался офицером.

Вот этот неизвестный лейтенант и сказал напоследок англичанину, перед тем как отправить его через пролом в воду добрым пинком, что именно он потопил торпедами два английских линкора под Копенгагеном.

Последнее, что запомнил Трубридж — русский моряк взял в руки факел и помахал им, крикнув, что спустится в крюйт-камеру. И через минуту британский флагман взорвался с ужасающим грохотом, чуть не засыпав обломками плавающего в воде офицера.

— Кто служил минным офицером на «Новгороде»?

Вопрос адмирала не застал врасплох его всезнающего начальника штаба флота капитана первого ранга Сорокина.

— Лейтенант Колбасьев 2-й, ваше высокопревосходительство! Сражался в Дарданеллах под началом капитана второго ранга Семена Хорошкина, награжден Думою за потопление английского линкора крестом Святого Владимира с мечами и бантом.

— И здесь три потопил, повторив подвиг своего командира... Пойдите, — адмирал на секунду задумался, — погибший гардемарин с «Пскова» — не его однофамилец случаем?

— Нет, Федор Федорович, это его младший брат.

— Какое горе для матери... — после долгого и тягостного молчания собравшихся вокруг офицеров, снявших фуражки, еле слышно пробормотал себе под нос адмирал и тяжело вздохнул.

Больше сорока лет провел Ушаков на качающихся палубах кораблей, видел смерть во всех ее страшных личинах, но привыкнуть к ней так и не смог, не очерствел сердцем.

— Был орлом, а стал мокрой курицей!

Федор Федорович с презрением посмотрел на все еще дрожавшего англичанина, прошелся по шканцам, и негромко, но властным голосом, произнес, чеканя слова:

— Немедленно пишите представление в Кавалерственную Думу! Старшего брата — к ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, младшего — к знаку отличия сего ордена, как по статусу и надлежит... Это все, что я могу сделать от себя лично, и только государь может дать их памяти достойную награду!

— Еще рано, маршал. Вначале мы должны освободить всю Польшу по Висле, а посему, князь, мы обязаны идти на Краков! Силезия и Малопольша нас ждут — там мы получим всеобщую поддержку населения. И лишь после этого всей силою начнем поход на восток!

— Из Бельведерского дворца, конечно, виднее, но, начав войну с Австрией, мы рискуем остаться без единственного союзника. А ведь именно оттуда мы получили деньги и оружие. И легко нарушим принятые на себя обязательства?! Может быть, нам лучше возродить часть Польши, опираясь на их поддержку?

— Нет, князь! — лицо Костюшко побагровело, он сжал кулаки и вскочил из кресла. — Польша должна быть едина и неделима! Ради этого я нарушу любую клятву — Матерь Божья Ченстоховска простит мне этот невольный грех! Мы должны сплотить всех поляков в единую державу, в этом наша сила. И лишь тогда мы сможем вернуть утраченное на востоке! То, что предлагаете вы, пахнет изменой!

— Я бы попросил вас, пан Тадеуш, хорошо выбирать слова! Я вам не хлоп, не москаль, чтоб такое терпеть!

Лицо Юзефа Понятовского побледнело от незаслуженного оскорбления. И от кого он, потомок магнатов, что вровень стояли с королями, его получил?! От выскочки, безродного литвина, благодаря случаю вознесенного к кормилу власти!

— Я не менее вас люблю Польшу, но лучше поступиться частью...

— Нет, нет, и еще раз нет! — Костюшко снова заговорил с горячностью. — За свою помощь цезарцы возьмут с нас слишком много! Мы навечно отдадим чуть ли не четверть наших земель. Вы этого хотите, пан Юзеф?! Так идите и скажите о том горожанам!

Понятовский посерел лицом, а Костюшко снова угрюмо засопел — война с австрийцами им была абсолютно не нужна, по крайней мере сейчас. Но на нее буквально толкали народные скопища, требуя немедленного изгнания захватчиков.

Вот и крутись, как хочешь, а то за малым могут в государственной измене обвинить!

— Нам лучше избрать короля, желательно из Саксонии — и традицию соблюдем, и с помощью саксонцев сможем вышибить австрийков... — Костюшко заговорил осторожно, тщательно подбирая слова. — За поддержку цезарцев, я повторю это еще раз, мы заплатим слишком дорого! Они не получают ни пяди нашей земли, хватит! Или все, или ничего — вот наш девиз!

— Пожалуй, вы правы, пан Тадеуш! — Понятовский задумался, провел ладонью по расшитому золотом обшлагоу. Неожиданно его лицо прояснилось, и маршал оживился.

— Оружие мы можем получить из Саксонии, это будет отличная замена. Пусть вместе с королем...

— Желательно бы и с его солдатами! Монарх пусть в Дрездене живет, забот будет меньше!

Костюшке совсем не улыбалось делить власть, но в то же время он прекрасно понимал, что «начальник государства» весьма недолговечен на своем нынешнем посту.

— Хорошо бы, — мотнул головою маршал. — А деньги на войну с русскими, я считаю, охотно даст Англия. Не впервой — Лондон выдал уже нам гинеи и соверены на добрую драку с пруссаками, а они ведь верные союзники москалей! Так что британцам, с какого бока ни смотри, прямая выгода, нам нужно только заставить их быть щедрее, пусть раскошелятся... На благо возрожденной Речи Посполитой!

— Добрый день, ваше величество!

Екатерина Петровна с улыбкой на губах приветствовала буквально ворвавшегося в столовый зал сына.

Молодой король Густав, одетый в синий мундир с желтыми отворотами и воротником, своими порывистыми движениями, еще по-юношески нескладными, сильно напоминал ей отца. Петр Федорович, его черты, горделивая осанка, взгляд, прямо воплотился в его внуке — все находили между ними большое сходство.

— Я сильно проголодался, ваше величество!

Густав, потеряв королевскую осанку, подбежал к матери, поцеловал в щеку и тут же уселся на свое место. Рядом с ним пристроились три русские псовые борзые, подаренные дедом, — великолепные охотничьи собаки, что шли если не на вес золота, то уж точно серебра.

Королева с тщательно прикрытым недовольством посмотрела на четвероногих спутников юного монарха, но ничего не сказала, ибо сын уже умел отстаивать свои желания...

— Извольте попробовать жареных перепелов, мой сын!

Екатерина Петровна на секунду потеряла выдержку и словно обратилась в ту маленькую девочку, которая своим весельем украшала обеды в парадном зале Петергофского дворца.

Густав оживился от слов матери и с нескрываемым вожделением посмотрел на большое блюдо, которое держал на вытянутых руках лакей, столь же невозмутимый, как скованный февральским льдом Ботнический залив.

Там, словно россыпью Аландских островов, возлежали запеченные в сухарях коричневые тушки маленьких птичек — любимое блюдо юного короля.

— Ваше величество!

В столовую буквально ворвался, распахнув обе половины двери, граф Густав Мориц Армфельт, давний конфидиент королевы — в запыленном мундире, пошатываясь от усталости. На сером землистом лице выделялись заплывшие кровью глаза.

— Что с вами, мой милый граф? Вы откуда?

На величественное лицо королевы легла тень тревоги. За долгие годы их дружбы Екатерина Петровна знала, что Армфельт никогда не будет врываться по пустякам.

Шатаясь, граф сделал несколько шагов вперед. Но тут силы покинули его, и он навалился на лакея, выбив из рук последнего блюдо, которое со звоном грохнулось на каменный пол — перепела рассыпались, и на них с урчанием набросились собаки, начав свое пиршество.

— Что с вами, дядюшка?

Юный король ценил старого графа, наперсника прежнего монарха, которому он приходился племянником, поэтому не обратил на конфуз никакого внимания, подхватив под руки графа, и с помощью подоспевшего слуги усадил Армфельта за стол, собственноручно налив ему кубок вина. Тот в два глотка опустошил золотую чашу, откашлялся, сплевывая сгустки пыли, и хрипло заговорил:

— Позавчера, ваше величество, английская эскадра напала на Копенгаген. Датский флот и русский отряд сожжены... «Ретвизан» отказался спустить флаг и погиб со всей командой. Мой король, идет война не только против датчан и русских, это и наша война!

Ново-Мангазейский острог

— И сколько тебе сребреников заплатили, иуда?!

Губернатор Аляски, действительный статский советник Григорий Шелихов, с неожиданной силой надавил под ребра висящего перед ним на дыбе человека. Тот взвыл от боли и запричитал:

— Невинный я, ваше превосходительство! Напрасно страдаю! Облыжно меня оклеветали!

— Падаль! — гневно бросил в ответ Шелихов и хладнокровно добавил, глядя на здоровенного мужика в грязной рубахе из красного полотна, в волосатых пальцах которого была плеть из сыромятной кожи.

— Дай ему три раза, Ерофеич, для вразумления мозгов!

Палач осклабился и аккуратно, чтобы случайно не ожечь губернатора, взмахнул главным пыточным инструментом. Плеть прошла по спине, словно скалка по тесту, подвешенный на дыбе человек взвыл, побагровел, задергался.

Но Григорий Иванович в эту секунду успел заметить просквозивший в глазах ранее тщательно скрывааемый, но сейчас им впервые отчетливо увиденный животный страх.

— Ты все правильно рассчитал, Ермошкин! — крепкими пальцами губернатор надавил на подбородок кузнеца. — Вот только после того зелья, что ты насыпал в корчагу с квасом, один из канониров живой остался, он-то и поведал про доброхота, что питьем отравленным всех угостил! Изменник ты, Ермошкин, с тобой и говорить зазорно!

Губернатор плюнул в лицо висящего перед ним человека, и с кряхтением уселся на лавку. Достав из кармана большой платок, он отер вспотевший лоб и сморщил нос — несмотря на всю выдержку, дышать в пыточном подвале было очень трудно, омерзительно. Здесь сильно воняло человеческими испражнениями, мочой, кровью и горелой плотью.

Григорий Иванович чувствовал себя крайне прескверно. Хотя золото удалось отстоять, но острог наполовину выгорел. И если бы не канонир, сумевший поднести запальник к пушке и разбудивший выстрелом всех горожан, то избежать страшной беды вряд ли бы удалось.

Но так, можно сказать, отделались легким испугом, потеряв полсотни христианских душ. Вот за них-то и придется ему отвечать перед всемогущим Алеханом, за нерадение свое в государственной службе, за потерю бдительности. Шелихов, мысленно взыв, в полном отчаянии запустил пальцы в волосы, вырвал целый клоч.

«Ну, кто ж знал, что обычный русский человек, кузнец, иудой подлым стать способен?!»

— Говори, тать мерзкий, сколько тебе заплатили?

У дыбы, сменив губернатора, орал начальник губернской тайной экспедиции, надворный советник Емельянов. Его остроносое личико вечно голодного галчонка сейчас превратилось в хищный оскал свирепого волка.

В руках чиновник держал клещи с раскаленным куском железа, которыми тыкал в лядвы — внутренние поверхности бедер раздвинутых ног.

Ермошкин дико заорал, крик отразился от бревенчатых стен и больно ударил по ушам. Запахло паленым мясом, Шелихов даже сморщил нос, но продолжал слушать рычание Емельянова:

— Я тебя, сволочь, на куски разрежу! Шкуру сдеру, соломой набью, будешь у меня чучелом в подвале стоять! Говори, мразь, кто тебе заплатил?!

Раскаленный металл снова впился в обнаженную плоть, еще сильнее потянуло запахом подгоревшего мяса. Ермошкин дико вскрикнул, дернулся и обмяк, уже неподвижно виса на дыбе.

— У-у, скотина! — разочарованно протянул надворный советник. — Давай Ерофеич, снимаем, водой отливать будем. Нет, постой, никак бормочет что-то в беспамятстве...

Шелихов, заинтересовавшись, встал с лавки и подошел вплотную. Кузнец действительно что-то невнятно произносил, но разобрать сказанное в беспамятстве губернатор сразу не смог.

Прислушавшись, Григорий Иванович, к своему несказанному удивлению, вскоре стал разбирать слова, но чужой, иноземной речи.

— Так это же аглицкий говор! — потрясенно воскликнул стоявший рядом Емельянов. —

Подсыл, сучий сын!

— Шпион! — радостно резюмировал Шелихов и просящим голосом обратился к палачу: — Ты уж потрудись Ерофеич, но развязать язык сего иноземца нам зело нужно!

Петергоф

— Ваше величество...

Мягкий, до боли знакомый голос, родной и милый, ласково прикоснулся, и Петр вырвался из странного сна, больше похожего на забвение. Теплая рука осторожно легла ему на лоб, окончательно разгоняя остатки сна, и тот же голос прошептал:

— Ваше величество, вы просили разбудить к обеду...

«Като!»

Петр усмехнулся, не открывая глаз, присел на мягкой перине. Странно, с этой женщиной уже прожил сорок лет, они оба постарели, но именно на Екатерину всегда смотрел так, будто и не было этих четырех десятилетий: не замечая признаков старости на ее лице, нездоровой полноты тела, ни появившейся хрипотцы в голосе.

— Все, Като, я проснулся!

Петр открыл глаза, повозился и удобнее уселся на широкой супружеской кровати, настолько просторной, что целое отделение гренадер могло бы спокойно разместиться вместе с ранцами и винтовками, да еще место бы осталось для парочки егерей — те помельче габаритами. В спальне царил мягкий сумрак за плотно закрытыми шторами.

«Заботится обо мне! Пока я спал, помыли, переодели, на мягкую перину уложили! Ничего не помню... Видно, стареть стал и года уже не те! Скоро на завалинке сидеть буду, солнышком любоваться, да кости греть, да на внучат прикрикивать!»

Мысли текли плавно, как река в период летней засухи. Но неожиданно на голубой глади появились водовороты, а из-под ила забил мощный фонтан — течение ускорилося, все кругом забурили.

«Ага, старый стал, а как же? Кто вчера семерых ухайдакал, а девку отпежил, да так, словно ведро виагры съел?! Студенческую молодость вспомнил?! Ишь, на завалинке погреться решил! Вытаскивай свою задницу из перины и марш вперед, дела ждут! Большой крест Георгия на шее носишь, так и соответствуй своему генеральскому чину, и сопли не распускай! Суворов на год тебя моложе, а через стулья молодым козликом скачет. Вставай, кому говорю!»

Внутренний голос не только порушил духовное спокойствие императора, но практически пинком прогнал Петра с мягкой кровати, которую тот с сожалением оставил.

— Муж мой, что вы делаете? Полежите еще немного, вам нужно хорошо отдохнуть!

Обращение на «вы» Петра сразу же насторожило. Жена всегда себя так вела, когда испытывала определенное беспокойство.

— В чем проблема, Като?

— Что с вами случилось за эти дни, ваше величество? Алексей Андреевич молчит, Данилов твой онемел, казаки совсем дар речи потеряли...

«Кремни они у меня, орлы! Языки свои даже по пьянке никогда не развяжут! Хотя только про меня, а сами за бутылью болтают, как бабы языками за околицей чешут!»

Петр усмехнулся — за сорок лет лейб-конвойцы еще не разу не застукали его императрице, а про другое начальство и говорить нечего.

Простой казак на генерала посматривал, как солдат на вошь в то его время — еще бы, Собственный Его Императорского Величества Конвой — две сотни головорезов как на подбор, сыновей и внуков тех станичников, кто ходил с императором усмирять мятежную гвардию.

— Муж мой, вы мне не скажете правды?

— Като, я пред тобой чист, как исполнительный лист перед прокурорским взором! — Петр медленно попятился, обращение «муж», ему очень не понравилось.

— Тогда можешь мне объяснить, Петер, почему у тебя на бедре свежий шрам от пулевого ранения появился?! И на боку ссадина, словно тоже пулей царапнуло?

— Хде??? — честно округлив глаза, почти искренне изумился Петр, но Като ладонью прикрыла ему губы.

— Не делайте такие правдивые и наивные глаза, ваше императорское величество! Скажите истину.

— Шут с тобой! — пробормотал Петр, не замечая собственной наготы. — Английский посол — мерзавец тот еще! Два миллиона золотом за мою головушку предложил. Нашлись скоты, волки позорные, числом в семь рыл, убили двух моих казаков...

— Где они! Их поймали?! — Като побагровела.

— Нет, я их зарезал на болоте... Что с тобой?!

Петр поддержал смертельно побледневшую Екатерину за локоть и осторожно усадил ее на кровать.

— Ничего... — прошептала женщина, смотря на него широко открытыми глазами. — Тебе опять помогли? *ОНИ*?! Раны твои зажили, и платок этот я у тебя никогда не видела...

— Дед Карл помог, снова во сне явился! А до того дедушка Петр приходил, про зубы все говорил. А я и не сообразил сразу, что это Зубовы хотят меня порешить.

— Зубовы?! — Като стремительно поднялась с кровати и подобралась, как пантера перед прыжком. — Три брата-лоботряса? Один по пьянке глаз потерял, другой почту собственную спалил, а третьего из полка чуть не выгнали за шулерство! А их сестра английского посла обихаживает, шлюха! Думала еще, чтоб сифилисом заболела, стерва, и посла этого заразила... Жаль, не успела сделать!

«Как хорошо, Катенька, что ты быстро думаешь, но иногда очень опаздываешь. Только сифилиса мне не хватало для полного счастья! Ну ты и диверсантка, жена моя, бактериологическое оружие применять... Тебе волю дать, ты бы всю их палату лордов сифилитиками сделала. Представляю себе: идет заседание, джентльмены в париках, а носы у всех... того, проваленные!»

Воображение тут же сыграло злую шутку, представив во всех красках картину действия в Вестминстерском аббатстве. И Петр не выдержал, захохотал во все горло.

— Чему вы смеетесь, муж мой? Я сказала какую-то глупость?

Петр, давась смехом, рассказал жене, что он представил. Супруга, несмотря на то что порядком «обрусела», продолжала соблюдать чисто немецкое спокойствие и рассудительность.

— Муж мой, мне надлежит этим заняться? Это вы очень умно придумали, ваше величество!

Петр оторопел, пристально глядя на жену, не сразу осознав, что та не шутит. Като сознательно взвалила на себя проблемы здравоохранения и быстро поняла всю опасность распространения венерических заболеваний. И для их профилактики приняла драконовские меры: проститутки на столетие раньше обзавелись новейшим английским изобретением — кондомами.

«Французский насморк» лечили болезненными ингредиентами, в состав которых входил луковый сок — вопли разносились за три квартала. А с сифилитиками поступали жестоко — ссылали в Белозерский монастырь на вечное заключение с такими же больными.

«Ох и беда с этими немцами, совсем юмора не понимают!» — подумал Петр и взял в руки платок, доставшийся ночью от воинственного короля.

Капли крови навечно впитались в полотно, оставив напоминание о вчерашнем дне. Като дрожащей рукой забрала у него жесткую на ощупь материю, и, аккуратно сложив, тут же спрятала в ларец, звонко щелкнув крышкой.

— Пусть останется здесь, ваше величество, и станет мне постоянным напоминанием!

— Хорошо, Като! — покладисто согласился Петр, погладив жену по мягким волосам. — Вели одеться, мне еще с аглицким послом беседовать... По поводу двух миллионов!

— За ним послано, ваше величество еще утром. Скоро он будет здесь... — Глаза женщины недобро сощурились, и она прошипела разъяренной кошкой, готовой вцепиться всеми когтями в лицо недруга: — Надеюсь, вы позволите мне с ним поговорить?

— Зачем, Катенька? Это моя кровь и моя месть...

Ново-Мангазейский острог

— Давай, Ерофеич, веничком еще раз пройдишь! Попарим аглицкого гостюшку от всей души! Чем ему не банька?

— Не-ет! Не надо! — во весь голос взвыл на весь подвал Джон Фитцджеральд Харгривс, ибо сейчас шпиону стало по-настоящему страшно — Шелихов это видел по искажившимся от ужаса чертам лица.

Майором королевской британской службы оказался лже-Ермошкин, много лет назад посланный в Россию и через Сибирь пробравшийся в закрытую для иностранцев Аляску.

— Надо же, такую гадюку пригрели на собственной груди... — задумчиво пробормотал губернатор, с нарастающим вниманием слушавший англичанина. Тот, висая на дыбе, причитал, и льющиеся из глаз слезы смешивались с потом и кровью на его лице, превращаясь в какую-то застывшую чудовищную маску.

— Я дворянин, майор королевской службы! Вы не можете меня пытаться, это же не цивилизованно — так поступать с джентльменом...

— А где твоя форма, подсыл? — Шелихов взъярился. — Кроме слов, ничего нету! Верить отравителю прикажете?! Парь его, Ерофеич!

Палач, довольно ослабившись, провел горящим веником по спине, и британец взвыл, мучительно дернувшись, заорал во все горло:

— Я все скажу, не мучайте меня!

— Сколько британских кораблей в наших водах? Где они? Что собираются делать?

Шелихов быстро задавал вопросы, понимая, что упускать такой момент нельзя, ведь боль надломила шпиона, и пока она не прекращается, этот Харгривс будет говорить правду, не в силах измыслить правдоподобную ложь, потому терзать его следует не переставая, дабы истина из самой души шла и сама на язык просилась.

— Три брига купеческих на Кадьяк пошли... Два фрегата — на русский форт в Калифорнии... Еще фрегат в Ситху направлен, в Ново-Архангельске диверсию сделать... Я правду говорю, уберите веник!

— Правду? — прошипел Шелихов, — правду, может, ты и говоришь, но не всю! Жги его, Ерофеич! И мошонку пропарь ему хорошенько, бабы ему теперь не потребуются, холощением будет!

— Не надо! Только не это! — зарезаемым боровом завизжал во весь голос майор, — я все скажу! Только дайте слово чести, что жизнь мне оставите и пытаться прекратите...

Шелихов в задумчивости посмотрел на искаженное страданиями лицо британца. «Ну и ловок, шельма, по-нашему говорить, словно рязанский мужик! Два десятка лет отирался, и никто не заподозрил! Да и держался стойко, пока мы за него всерьез не взялись. Таких пыток ни

один человек не выдюжит! Либо с ума сойдет, либо все расскажет, опустошится до доньшка, как тот кувшинчик...»

— Хорошо, даю вам в том свое слово, майор! — протяжно, выделяя каждое слово, произнес Шелихов. И, к его удивлению, британец затараторил так быстро, словно боялся, что его могут прервать в любой момент.

— Наши корабли сейчас атакуют Охотск, Камчатку, порт в устье Амура, что назван именем царевича Николая! Будут высажены десанты во Владивосток и на остров Цусима! Все нападения приказано провести в конце июня, одновременно, на усмотрение командоров и капитанов! Почти все корабли — «торговцы», лишь из Китая пришло пять фрегатов! Приказано полностью разорить и сжечь все ваши остроги и порты, потопить корабли, разогнать туземцев, забрать золото!!!

— Ничего себе аппетит! — вслух удивился Шелихов. — Действительно, такое широкомасштабное нападение по силам произвести только одной Англии, главной морской державе мира.

«Но с каким размахом действуют, подлецы, на многие десятки тысяч миль одновременно напасть!»

— Я думаю, это не все... — Майор с хрипом вздохнул. — Война начата не только здесь, но и в других местах. Мы не будем мириться с усилением вашего владычества. Союз с французами есть страшная угроза нашему королевству! Я говорю правду, вы дали мне слово!

— Сними его с дыбы, Ерофеич! Оботри водкой, вправь руки в плечи, врача позовите, пусть пользует...

Отдав приказы, Шелихов устало опустился на лавку, уже не ощущая царящего кругом зловония. Чуть дрожащими пальцами он расстегнул мундир, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце.

В марте этого года он получил секретный приказ из Петербурга — отправить два брига во Владивосток, а с октября считать каждое английское судно, появившееся в русских водах, вражеским, и относиться к ним без пощады — либо захватывать, либо топить.

В случае появления на Юконе британских солдат воевать с ними безжалостно, и как можно дальше раздвинуть пределы российского влияния.

Губернатор тяжело вздохнул и снова вытер вспотевший лоб — никогда раньше он столь остро не чувствовал всей тяжести своего положения. Единственная мысль пульсировала в его голове: «Они нас опередили и напали первыми!»

Соловецкий монастырь

— Пардона просить будут...

Архимандрит Мефодий глухо ответил на невысказанный вопрос келаря, что с нескрываемым удивлением смотрел на выстроившихся перед крепкими воротами обители шотландцев.

Приполярный край всегда суров. Шторм хотя и начал стихать, но не прекращался, ощутимо похолодало, так что еще позавчера пришлось затопить все печи в монастырских помещениях.

И вообще, у всех монахов и поморов сложилось стойкое впечатление, что короткое северное лето уже прошло, не успев начаться, и скоро наступит суровая зима.

Удивления и уважения достойны эти скотты, жители суровых гор. Три дня продержаться под ливнем, в холоде, без горячей пищи, и только сегодня поздним вечером сломаться духом. Нет, шотландцы, несомненно, еще бы продержались и неделю, имей они надежду на корабли.

Вот только выброшенные на берег обломки свидетельствовали о том, что с эскадрой

произошло большое несчастье. Потому и стояли понуро крепкие мужики в смешных юбках, поддерживая друг друга, кашляя и сопя. Причем все без оружия, только у офицеров, что отличались золотыми эполетами на красных мундирах, висели на перевязях шпаги.

Перед самыми воротами стояли двое парламентаров — солдат держал палку с мокрой белой тряпкой, которую полоскал ветер, рядом с ним растопырил ноги крепкий и зрелых лет мужчина в расшитом золотыми нитями, явно штаб-офицерском, мундире. Он придерживал рукою стоявшую на голове бочонком большую шапку-кивер из медвежьей шкуры и стоически переносил яростное буйство северной природы.

— Вели вдвое больше горячего готовить, голодные они. Да пусть больных по кельям определяют — их едва половина на ногах стоит, остальные лежа попадали!

— Так вороги это, владыко...

— Цыц! Люди они, и грех болящим помощь не оказать!

Настоятель так сурово свел брови, что прижимистый отец келарь, а другой на такой должности вряд ли удержался бы, сразу закрыл рот, дабы не гневить архимандрита понапрасну.

— И вели ворота открыть, притомились ведь люди, ожидаючи. Под дождем стоят, а ветер лют...

Архимандрит Мефодий сочувствующе посмотрел на шотландца, который после короткого представления, незаметно, бочком, хоть на шажок, но старался приблизиться к пылавшей печи.

— Я готов вас выслушать, майор!

Настоятель Соловецкого монастыря пристально посмотрел на стоявшего перед ним офицера. Вид у того был неказистый — с узорчатого, в квадратах килта на гранитный пол трапезной стекала вода, образовав на полу большую лужу.

Шотландца, несмотря на всю его выдержку, ощутимо трясло, и в полной тишине трапезной слышался перестук зубов дрожащего от холода человека.

Стокгольм

— Позавчера напали? Но как вы узнали? — моментально вскинулась Екатерина Петровна, оглушенная новостью.

— Я был в Гетеборге, куда пришел русский пароход, удравший от англичан, и сразу поспешил сюда, загнав трех почтовых коней!

— Но как британцы прошли проливы?! Неужели датчане в своем Кронборге пропустили их беспрепятственно?

— Нет, ваше величество, датчане стреляли, вот только попасть не смогли. Британцы прошли у нашего берега, форты молчали... Это измена, государь! Полковник Аксель Сундстрем получил от вице-адмирала Паркера пять сотен гиней...

— Мерзавец! — юный король не скрывал своего отвращения. — Ну каков мерзавец! На этом золоте кровь храбрых моряков моего «Ретвизана»! А ведь еще вчера их посол клялся мне в любви. Подлец! Как вы поступили с комендантом Кронборга, граф?

— Приказал взять под арест, ваше величество, и назначил командиром майора Левенштерна!

— Старшего брата моего Эрика? — юный Густав, проводя все свое время с военными, хорошо знал многих из них, ибо Швеция страна небольшая. — Он храбрый офицер и, думаю, не пропустит британцев обратно. Лишь бы датчане не подвели!

— Надеюсь, что не подведут, мой король! Британцы расстреливают их столицу, Копенгаген горит...

— Что с моей сестрой?! — Екатерина Петровна побледнела, кусая алые губы, с трудом

сдерживая волнение.

— Не знаю, ваше величество, на пароходе ничего не знали, а ждать новых новостей я не мог!

— Я понимаю, граф... — королева хотела что-то добавить, но собачий скулеж отвлек ее внимание.

Все присутствующие посмотрели на пол и остолбенели от ужаса. Борзые лежали, подрагивая лапами в мучительной агонии, из раскрытых пастей стекали пена и кровь. Глаза еще живых собак стекленели, медленно подергиваясь смертной пеленой.

— Что это, мама?

— Эти перепела отравлены... — с побледневшим лицом тихо произнесла королева и обеими руками крепко прижала к себе потрясенного сына, на глазах которого выступили слезы.

— Граф, благодаря вашей неловкости мы с королем обязаны вам жизнью...

— Это британцы, больше некому! — глухо произнес Армфельт, глядя на слезы, выступившие на глазах короля — мальчик сильно привязался к своим собакам. Но скорбь сменилась яростью, и Густав крепко схватил графа за отворот мундира.

— Вы должны найти отравителей, граф! Клянусь короной, враги Швеции пожалеют об этой подлости!

Соловецкий монастырь

— Святой отец, — Патрик Гордон учтиво поклонился перед седовласым настоятелем монастыря и непривычным кротким голосом спросил, — могу я видеть старшего воинского начальника?

— Его здесь нет, — ответ прозвучал на вполне сносном английском языке, — ибо в обители нет воинского гарнизона!

— Но ведь от стен по нам стреляли! — искренне удивился шотландец, — значит, здесь есть солдаты! А если есть воинские чины, то ими непременно командует офицер!

Медленно и тщательно подбирая слова, майор попытался втолковать весьма далекому от военной службы русскому священнику элементарные условия армейского распорядка.

— Здесь только небольшая команда из двадцати инвалидов, с ними отставной капрал. Они и стреляли по вам вместе с моей паствой. Многие прихожане служили на кораблях и в артиллерии!

Шотландец сразу приуныл — тихий голос священника, правильно выговаривающего английские слова, ввел его в еще большее расстройство. Сейчас он проклинал англичан, которые затянули его славных хайлендеров в эту авантюру и подло бросили, сами трусливо сбежав.

«Что еще ожидать от этих собак, которые являются вековыми врагами моей родины!»

Патрик Гордон тяжело вздохнул. И он сам, и его офицеры с солдатами не хотели воевать с русскими ни тогда, ни сейчас. Бесцельное занятие — без пушек, с подмокшим, а оттого бесполезным, порохом промокшим, озябшим, наполовину больным горцам осаждать высокие стены, сложенные из валунов.

Будь это крепость, он бы не задумывался ни на минуту — лучше гибель при штурме, чем загибаться от холода и голода под неприступными стенами крепости. Вот только англичане подло обманули — это была обычная мирная обитель, охраняемая монахами.

Сейчас шотландцу было стыдно за свой первоначальный порыв, когда после многодневного плавания он увидел этот вожденный остров, что должен был стать его первой победой.

— Вам позвать капрала? — с непонятным радушием осведомился настоятель, и от его

спокойных слов у Патрика Гордона свело от унижения скулы, нестерпимый стыд зажег багровым цветом его щеки.

Судьба военного переменчива, и за победами могут последовать поражения. Но капитулировать перед мужиками, которые в прошлом являлись моряками и артиллеристами, не так зазорно. Но вот протягивать дедовскую шпагу капралу...

Ему, заслуженному майору, — стыд на весь остаток жизни. И не просто укоризна детям и внукам, а несмыаемый позор, который перейдет на весь клан навечно вытравленным клеймом на родовую честь.

— Неужели нет хотя бы одного отставного офицера? — в последней отчаянной надежде взмолился Гордон.

— Почему нет, есть!

При виде улыбки на губах настоятеля шотландец возликовал: главным для него сейчас было спасти свою честь.

— Сорок лет назад я служил в рядах Преображенского полка, старейшего в русской армии, чтоб вы знали. Этот гвардейский полк был любим императором Петром Великим, ведь он — его личная гвардия!

— О да, лейб-гвардия, это я знаю!

С души Гордона упал тяжелый камень, он мысленно возликовал. Пусть даже этот священник, почтенный старик, был тогда молодым фенриком, это кардинально меняет непростую ситуацию. И Гордон, приосанившись, почтительно спросил:

— Позвольте узнать ваш чин и мирское имя, несомненно, славное своими подвигами, святой отец?! Дабы соблюсти воинский артикул!

— Командир первой лейб-роты государя императора Петра Федоровича, кавалер малого креста ордена Святой Анны, капитан Гавриил Романович Державин! Мой гвардейский чин соответствует подполковнику армейской инфантерии, господин майор. Я оставил службу и ушел в монастырь — так у нас всегда поступают. Вас устраивает мой ответ?!

— О да, господин подполковник! Виноват... святой отец! — открыто возликовал шотландец — сдаться старшему по чину уже не позор, и нет посрамления чести. Он склонился перед стариком в самом почтительном поклоне и протянул двумя руками свою шпагу.

— Примите ее, господин подполковник, в знак того, что мои шотландцы и я просим принять нашу капитуляцию! Надеюсь, что ее условия не будут ущемлять нашу честь. Я рад, что передаю клинок в достойные руки русского священника и славного гвардейского офицера!

— Оставьте ее себе, майор. Вы — честный воин!

Властным движением старик отвел оружие и спросил отеческим голосом, преисполненным родительской ласки:

— У нас в России всегда тепло относятся к шотландцам. Генерал Патрик Гордон, кстати, двоюродный предок мужа моей кузины, был наперсником и воинским учителем императора Петра Великого. Это вам, случайно, не родственник, майор?

— Он троюродный прадед моего деда, сэр! — С нескрываемой гордостью ответил Гордон, и совсем иным взглядом посмотрел на настоятеля. Пусть между ними дальше, но родство, а это ко многому обязывает.

— Мы до сих пор помним и гордимся столь достойным представителем нашего рода! И я рад, что здесь, в далекой русской земле, нашел вас, святой отец, чтобы выразить сыновний долг. Как хорошо, что не пролилась кровь и мы не стали по моему недомыслию врагами!

— Вот видите, Патрик, сколько между нами общего. Зачем нам война за чуждые интересы? Или вы считаете англичан добрыми хозяевами?!

— Они нам не господа! — словно ужаленный тарантулом, взвился Гордон. — Это мерзкие

узурпаторы, оккупировавшие мою страну век назад! Подлые трусы! Вы сами видели, как они предали моих солдат!

— Сын мой, наши народы просто хотели сравить. Однако Всевышний все расставил по своим местам. В монастыре вы получите тепло и уют, ваших солдат покормят и разместят, только сложите оружие. Нет, нет, это не капитуляция! Я считаю вас не врагами, а заблудившимися овцами, как сказано в Писании. Просто в обитель нельзя вступать с оружием в руках. Вы не наши пленники, вы наши гости, уже званые...

Майор Патрик Гордон буквально задохнулся от чувства невыносимой радости, такого благородства офицер никак не ожидал. Действительно, старик, что оказался его дальним родственником, и это в суровой Каледонии значит многое, полностью прав.

Зато теперь ясно, кто настоящий враг его шотландцам, а кто искренний друг!

Петербург

— Сеньор Паоли ждет вашего ответа, генерал!

Душа генерала возликовала — наконец-то его родина со времен битвы при Понтенуэва, произошедшей за три месяца до его рождения, обрела независимость, пусть с помощью англичан, изгнав с острова французов.

И теперь в Аяччо народ снова привел к власти Паскуале Паоли, у которого отец Наполеона, Карло ди Буонапарте, был долгие годы секретарем и даже являлся одним из составителей Конституции Корсики.

После той несчастной для островитян битвы с французами отец Наполеона проявил ценное, хотя и не очень уважаемое качество для политика — гибкость.

А потому сам Наполеон смог окончить французское военное училище, хотя на языке метрополии говорил скверно, а писал еще хуже. Ведь корсиканский язык — диалект итальянского — никогда и не звучал в школах Галлии.

Время учебы запомнилось тем, что он постоянно шокировал учителей своим восхищением Паоли и не скрывал неприязнь к Франции и французам как поработителям Корсики. В силу этого убеждения юный Наполеон слишком много дрался, не имел друзей и был очень одинок.

«Меня зовут на Корсику! Я стану командующим нашей армии, буду жить вместе с семьей, ведь у меня четыре брата и три сестры, и буду всегда с ними!» — душа Бонапарта кричала в ликовании — он был очень привязан к родне. Но тут разум подал свой голос, и словно ушат холодной воды вылился на раскаленные угли.

«Что ты забыл на этом нищем острове?! Ведь получая половину твоего жалованья из России, твоя семья стала несметно богатой. Командующий армией?! Соберут пять тысяч ополченцев в лучшем случае! Остров охраняет британский флот, и не будь его, французы бы давно показали твоим соотечественникам, где куры зимуют. Куры? Или по-русски звучит иначе?»

Наполеон задумался, перебирая русскую фонетику по памяти, и пришел к выводу, что не в домашней птице дело...

Его взгляд упал на отражение в оконном стекле — ладный мундир с золотым генеральским шитьем, на груди заветный белый крест (о гримаса судьбы) — полученный за сражение с французами под Яффой из рук самого императора.

«Его Величество — мой крестный отец, и сейчас я не Наполеоне ди Буанарпарте, а Павел Александрович Бонапартов! Генерал-майор российской армии, георгиевский кавалер! Какая, к ишачьей матери, Корсика?! Идти на поклон к британцам, после того как перетопил их корабли в Дарданеллах?! Да пошли они к едрене фене!»

— Так что передать сеньору Паоли, мой генерал? — посланник с далекой Корсики смотрел на него пристальными жгуче-черными глазами и в ответ получил ослепительную улыбку:

— Передайте сеньору мои почтительные поздравления! Видите ли, но я присягнул России, и у меня, как у офицера и дворянина, только одно слово. Но, поверьте, я всем сердцем люблю Корсику и, будучи рядом с императором Петром Федоровичем, смогу принести моей далекой Родине много пользы!

— О да! — воскликнул собеседник. — Я слышал, что император стал вашим крестным отцом! Сейчас к вопросам веры царит весьма легкомысленное отношение...

— Только не в России, сеньор Розарте, недаром православные являются ортодоксами, то есть хранителями изначальной Веры, ее ревнителями.

— Я не силен в богословии, мой генерал. Но ваше предложение я передам сеньору Паоли, как только прибуду на Корсику. Вы сделаете для Родины благое дело, генерал, если поможете ей достичь соглашения с могущественной империей!

Петергоф

— Ваше величество, что с золотом сделать?

— Каким золотом?! — удивился Петр, с недоумением посмотрев на вечно невозмутимого Аракчеева.

— Тридцать тысяч, что были взяты у убитых вами заговорщиков! — голос Аракчеева был сух и бесстрастен.

— Так вы что, казакам его не отдали? Я же велел Данилову!

— Они отказались взять его, ваше величество! Данилов сам и принес...

— Но почему?! — изумился Петр: в голове совершенно не укладывалось, что казак может отказаться от добычи.

— Ваши конвойцы, государь, сказали, что хорошо знают, какая цена была взята за это золото. Потому они скорее отдадут свое добро, чем возьмут за вашу кровь!

Петр смутился, крикнул, и, скрывая душившее его волнение, подошел к столику, на котором лежала железная коробка папирос. Последние два года он не курил, но сейчас организм буквально потребовал никотина.

Сняв мундштук дрожащими пальцами, Петр чиркнул спичкой и глубоко затянулся. В голове закружилось, стены кабинета раздвинулись и стали расплываться перед глазами, кости в ногах превратились в вату, и он чуть было не рухнул в жесткое кресло.

— Давненько не курил, вот и поплохело...

Петр помотал головой, разгоняя кровь и преодолевая сонливость, затянулся еще раз, решив, что клин вышибают клином. Вторая затяжка пошла уже лучше, а третья послужила допингом.

— Алексей Андреевич, Жеребцову допросили?

— Уже сделал, ваше величество. Боюсь, государь, что дело свое Зубовы уже совершили.

— Да-а? — протянул Петр. — Но позвольте, они же меня не убили!

— Почтмейстер Платон Зубов два года тому назад умышленно поджег искровую станцию в Гатчине. Аппарат и важные части генератора передал английскому послу.

— Но было же следствие! — Новость ошарашила Петра.

— Да, ваше величество. Платон вместо отсутствующих деталей представил фальшивые, которые к тому же были изуродованы пламенем. Комиссия подлога совершенно не заметила! За это Зубов получил от посла десять тысяч фунтов стерлингов.

— Щедры! Тридцать тысяч рублей разом отвалили! Хотя станция мне в сто тысяч выходит с проводами и генератором! Продешевил Платоша, сукин сын, изменник проклятый!

— Я думаю, государь, нам следует тянуть линии до Берлина и Парижа, секрета в искровых станциях больше нет. И вам потребуется быстрое средство для связи с генералом Гошем!

— Да, я понимаю. Хорошо, пусть так и будет.

Петр тяжело вздохнул. Давать такой инструмент в руки потенциальных врагов он не хотел. Но союз есть союз, хотя и Антанта. И связь между двумя его составляющими очень нужна.

— Что касается других братьев, ваше величество, то они...

— Что-нибудь серьезное? — остановил Петр Аракчеева, — или пустопорожние разговоры?

— Болтали, государь, злобу свою изливали.

— Тогда оставим Зубовых! — Петр махнул рукою, но Аракчеев тут же спросил, по своему обыкновению любя расставить все точки и запятые.

— Извините, государь, но что делать с их сестрой?

— Упрятать в первый же женский монастырь! — Петр уже принял решение по данному вопросу. — В одиночную келью! На самый строгий пост! Мясо только по светлым праздникам, в Рождество и Пасху! И в Масленицу, пожалуй... Нет, блинов с нее хватит! Запретить называться мирским именем, и если вякнет, вырвать язык, пусть об этом знает!

— Без суда, ваше величество? В обществе пойдут разговоры...

— Разве в делах о государственной измене допустим обычный суд?! А злоумышление на императора вообще карается смертью без суда и следствия! Она была захвачена мной с оружием в руках! Все шесть пуль выпалила, стерва! А ты мне про суд?! Пусть опишет все подробно, как на исповеди, а настоятель пусть подлинность заверит... Вернее, мать игуменья. И еще одно. В условиях не стеснять, занять работой, чтение давать только духовное, а там посмотрим... Если задумается, то режим ослабим. Да, вот еще что — охрану поставь хорошую!

— Будет исполнено, государь!

Начальник Собственной Его Величества канцелярии статский советник Аракчеев с самым мрачным видом почтительно поклонился.

Петр усмехнулся:

«Вину свою чуёт, что такой заговор прошляпил! Но и рад, с другой стороны, что Тайная экспедиция Сената сама в этом деле по уши обгадилась! Пора в этой лавочке чистку произвести, а то обленились совсем, нюх потеряли, государственный интерес не блюдут!»

— Идите, Алексей Андреевич, займитесь делом.

Аракчеев поклонился и быстро вышел из кабинета, а Петр пару раз затянулся папиросой, чувствуя сильную усталость от человеческой сущности. Проще рубить головы налево и направо, выплеснуть скопившуюся злобу, но нужно сдерживаться.

— Ваше величество, разрешите? — Встревоженное лицо вернувшегося спустя пару минут Аракчеева было блее мела. — Передано из Кенигсберга, только сейчас дворцовый почтмейстер получил! Экстренно!

— От кого? — Петр сразу же вскинулся с кресла, недоброе предчувствие сильно сжало сердце.

— От адмирала Ушакова, государь! Позавчера британский флот атаковал и потопил датские и русские корабли у Копенгагена, пароход «Вестник» вырвался через блокаду и у острова Борнхольм встретился с эскадрой Ушакова. Адмирал идет с шестью линейными кораблями к датской столице, дабы принять бой, а пароход отправил в Кенигсберг для передачи вам, государь, искрового сообщения!

— Они нас опередили... — после долгой паузы, взятой на размышления, медленно произнес Петр, выделяя каждое слово.

— Теперь я уверен, что покушение на меня и это нападение — звенья одной цепи. Все правильно: моя смерть вызвала бы замешательство — не это ли самый удачный момент для

атаки. Стой! Какой, мать твою, Копенгаген?! Сто против одного, что англичане сейчас нападают на нас везде, где только можно, кораблей ведь у них втрое, если не вчетверо больше нашего. И наверняка эти рыжеволосые бестии наш прошлый блицкриг с Турцией творчески переосмыслили. И вот еще...

Петр резким движением затушил папиросу и тут же закурил следующую, его глаза гневно сощурились. Так происходило всегда с императором в минуту мучительных размышлений.

— Это война, Алексей Андреевич! Причем такая, в которой они пойдут на все! Боюсь, что мои сыновья под угрозой. Скрыть подготовку похода на Индию полностью невозможно — либо у нас, либо у французов произошла утечка информации. Потеря «жемчужины британской короны» для Англии если не смертельный, то очень опасный удар. Немедленно иди отправляй телеграммы. Завтра же собрать Сенат, подготовь мой манифест о начале войны. И еще распорядись — посла приму не в кабинете, а в парке!

Петр сжал кулаки, захрустев костяшками.

— Я с ним поговорю тет-а-тет...

Форт Росс

— Они увезли твою Марию и сына, государь! И Кончиту...

На графа Резанова было больно смотреть: лицо бледное, почти землистое, дрожащие руки, полный боли взгляд. И немудрено — на этом пепелище, что раньше называлось Форт Росс, он провел уже несколько часов, стараясь помочь тем, кто уцелел после бойни и пожара.

От услышанных слов Николай разом обессилел, усевшись на закопченный, горячий и еще толком не остывший камень. Его молодое тело будто потеряло все силы. Пусть Маша и маленький Петя захвачены, но они живы, и это главное. Но лежащие кругом тела убитых зывали к отмщению, и Николая захлестнула вспышка ярости, разом вернувшая ему силы. Он положил ладонь на плечо Резанова и крепко сжал пальцы:

— Вставай, Николай Петрович, нам нужно помочь тем, кого еще можно спасти...

Каменный дом Орловых в два этажа с большим балконом, покоившимся на массивных колоннах, бывший резиденцией царя Сибирского, потерял все свое первоначальное величие. Закопченный, с черными провалами окон, словно с выбитыми глазами, дворец рождал не успокоение в душе, а бессильную ярость.

Николай медленно обошел весь двор, внимательно рассматривая тела погибших. Немногочисленный гарнизон из четырех отставных стрелков, старого дворецкого, когда-то служившего в гренадерах, и столь же почтенного казака, poleg полностью.

Николай наскоро ощупал патронташи, лишь в одном из них оставалось два патрона. Странно, но нападавшие не взяли ни одной «кулибинки» — винтовки валялись рядом с телами.

— Они хорошо знают, государь, что наших патронов к ним не найти да и не сделать!

Граф Резанов уже полностью пришел в себя и снова был энергичен и деятелен. Однако, взглянув в его не только постаревшие, но и помертвевшие глаза, Николай понял, что друг сейчас движим одной мыслью и желанием — жить только для того, чтобы отомстить.

Но сам Николай не чувствовал в душе такой ярости, будто все внутри обратилось в застывший лед. Сделав несколько шагов, он встал перед телом женщины, в руке которой смертной хваткой была зажата сабля.

— И тебя, Матрена, убили...

Николай присел на корточки, и, надавив пальцами, смежил теплые еще веки. Затем, тяжело вздохнув, набросил обгоревшую, всю в дырках попону на изувеченное огнем тело.

Старую казачку он уважал за ту искреннюю любовь, которую она, бездетная, дарила Маше

с первых дней ее жизни. И вспомнил, как Матрена постоянно называла ее «доченькой», даже когда та стала царицей Сибирской.

Но стоило Маше родить первенца, как старая казачка принялась называть ее уже «матушкой», а маленького царевича пестовать с такой любовью и нежностью, что и родным детям вряд ли перепадает.

И тут боль так резанула сердце, что Николай Петрович застонал, опустившись на землю, чувствуя, как внутри бешеное пламя восплававшей с новой силой ярости пожирает прежде каменный лед в душе. И прошептал, обретя главную цель своей жизни:

— Я отомщу...

Копенгаген

— Совсем распоясалась «владычица морей»! Как на смотре, даже флагами разукрасились — победу празднуют!

Капитан второго ранга Алексей Самуилович Грейг, улыбаясь, смотрел на стройную линию британских кораблей, выстроившихся на рейде Копенгагена.

Вот только улыбка русского офицера не сулила британцам ничего доброго. Судя по безмятежности, британцы вряд ли предполагали, что их ждут незабываемые впечатления от встречи с тремя русскими броненосцами.

За флагманским «Медведем», шедшим под брейд-вымпелом самого Грейга, натужно работая машинами, следовали «Шатун» и «Гризли», за которыми пристроились две канонерские лодки.

«Косолапые» пришлись к сердцу молодого моряка — вдвое больше по водоизмещению, чем его прежние «кабаны», они и «одеты» в более надежные панцири из самой лучшей шведской стали.

Паровые машины утроенной мощности двигали броненосцы с приличной скоростью в восемь узлов, что делало их страшным противником для любого парусного корабля.

Убежать от них смогли бы лишь самые быстроходные из вражеских кораблей, и то при попутном свежем ветре. Вот только мореходность у «медведей» была отвратительной — при том же свежем ветре в море лучше было не соваться, дабы не пойти колуном на дно.

Хотя все на свете относительно, в сравнении с теми же черноморскими «кабанами» балтийских «косолапых» можно было считать невероятно плавучими «ходаками».

— Поднять сигнал! Рвем вражескую линию надвое! Канонеркам атаковать арьергард неприятеля, уйти на мелководье и держать дистанцию. Броненосцам разорвать корде-баталию и авангард! Машины — на полный ход, принять два румба вправо!

Отдав распоряжение сигнальщику, что сразу завожился у ящика, выбирая нужные флаги, Грейг спустился по трапу из боевой рубки в каземат. Тут громко стучали машины, у заряженных 68-фунтовых пушек застыли канониры. Люк погреба заранее открыт, все было готово для быстрой перезарядки орудий.

Грейг чисто по-русски, забыв про манеры и происхождение, почесал затылок. Нет, диспозиция выбрана правильно. Хорошо защищенным броненосцам, борта и казематы которых прикрыты пятидюймовыми плитами, ядра британцев не страшны, а потому можно подходить на пистолетный выстрел — бомбические пушки сокрушат любой деревянный корабль за два-три полных шестиорудийных залпа.

А вот канонерским лодкам, если те попадут под обстрел, придется туго — броня ведь отсутствует. Зато пушки, пусть пара, но такие же мощные и дальнобойные, как на «медведях», смогут поражать неприятеля с дистанций, для того не достижимых. Так что мелководье для них

есть лучшая защита, англичане приблизиться к ним не смогут ни при каком случае...

— Братцы!

Громко заорал, надрывая горло, молодой капитан, стараясь перекрычать грохот машин. Этого момента он уже яростно ожидал два дня, с того часа, как в Киль, где стоял его отряд, вошел избитый датский бриг, вырвавшийся из западни и прорвавшийся через линию английских фрегатов.

— Позавчера британцы, вероломно напав, потопили наши корабли! Мы пришли сюда не только сражаться, мы несем справедливое возмездие нашему извечному недоброжелателю и супротивнику! С нами Бог, Царь и русский народ! Ура!

— Ур-ра-а!!!

Крик командира был подхвачен матросами, лица которых излучали решительность и отрешенность — ту самую, значимую для любого командира, с которой любые русские люди идут на бой, сражаясь уже не на жизнь, а на смерть!

Петергоф

— Скажите, господин посол, в настоящий момент королевство, которое вы представляете, воюет против моей державы?

Петр пристально посмотрел на посла, но Уинтворт выдержал взгляд и произнес безмятежно, хотя и осторожно:

— Мне неизвестно о том, ваше императорское величество! Но я не получал из Лондона депеш, в которых было бы объявление войны. Хотя, вне всякого сомнения, политика вашей страны вызывает в Лондоне настороженность и обеспокоенность, особенно в сближении с нашим извечным врагом Францией. Да, ваше императорское величество, французские революционеры опасны и для вас, и потому нашему королю Георгу, да хранит его Господь, испытывающему к вам, государь, самые теплые чувства, кажется противоестественным союз с якобинцами, которые посягнули на жизнь монарха, казнив помазанника на чудовищном изобретении доктора Гильотена. У них нет чести и совести, и все монархи Европы должны бороться с этим чудовищем, что грозит крушением основ всего мира.

— Несомненно...

Посол не врал, ибо «детектор» позволял заметить любую ложь. Зато теперь Петр окончательно убедился, что англичане начали войну всерьез. И чтобы скрыть подготовку, сделав ставку на внезапность, правительство не поставило в известность посла и даже не отозвало стоящие в портах России десятки торговых судов.

«А теперь поздно, господа, ибо у нас имеется телеграф! Завтра в полдень мы ваших купцов прихлопнем, имущество и корабли опишем, сразу же конфискуем! Вы хотели ввести меня в заблуждение?! Вам это удалось, гордитесь. На самом деле, сделай отзыв судов и банкиров — первый признак подготовки к войне, — тут бы мы насторожились. А так меня провели, как младенца, и все мои спецслужбы. Обманули, нехристи! Хм... А ведь они и себя обманули! Ведь нанесение несмертельного удара по врагу опасно для самого напавшего. Да что это я все о политике думаю, пора переходить к главному — взять господина посла за вымя и поспрошать хорошенько!»

Петр покосился на Уинтворта: чувствовалось, что англичанин определенно напряжен, на нервах, и его знаменитая британская невозмутимость не более чем маска.

Они уже час бродили по аллеям парка, беседуя о разных пустяках, и лишь сейчас император решил, остановившись у широкой лавочки — излюбленного места воркующих пар, перейти к главному.

— Господин посол, неужели вы рассчитывали, что в России найдутся люди, которых можно соблазнить за два миллиона полновесных рублей? Но вы удивительно щедры!

— Я не понимаю, о чем говорит ваше императорское величество!

— Все вы понимаете, Уинтворт. И сейчас мне лжете, прекрасно зная о том, что я могу быстро определить обман. Не так ли, Чарльз? А-а, вы молчите, боитесь быть пойманным на вранье?

— Я не понимаю, о чем говорит ваше императорское величество! И ваш угрожающий тон мне непонятен, ведь я посол одной из сильнейших держав мира. Зачем все это, государь? Я полностью к вашим услугам!

Голос Уинтворта прозвучал с хорошо наигранным удивлением, почти натурально, вот только побледневшая кожа и капельки пота на лбу выдавали его волнение.

— Любезный Чарльз, посмотрите туда. Видите, у той лавки стоят мешочки, набитые золотом? Узнаете их?

— Да, ваше величество, это мои деньги...

— О-о, вы сейчас говорите правду, господин посол?! — удивленно протянул Петр. — Эти сто тысяч рублей есть ваш аванс за мою смерть! Как интересно... Посол державы, так и набивающейся в союзники, организует и финансирует заговор для убийства императора, которого его же король называет братом! И рассыпается в самых искренних уверениях любви и дружбы! Вы убийца, Уинтворт, и я этого дела так просто не оставлю!

— Я не понимаю, о чем идет речь, ваше величество! Я дал эти деньги госпоже Жеребцовой в виде свадебного подарка, собираясь на ней жениться и увезти супругу в Англию. Она очень честная, порядочная женщина, и как только расторгнет брак с постылым ее чуткому сердцу мужем, я немедленно обвенчаюсь с ней!

«Очень честная женщина?! Святые небеса! Всем выплатила по десять тысяч, а себе заначила сразу сорок! Молодца — провела настоящий дележ по-братски! В меня стреляла будто на охоте! Ну что ж, свое обещание вам она постаралась исполнить, пусть и неудачно. Но теперь и вам настала очередь платить по счетам!»

Петр доброжелательно улыбнулся Уинтворту и сразу неожиданно резким движением левой руки схватил его за горло, а десницей нанес сокрушительный удар в солнечное сплетение.

Посол, не ждущий такого стремительного нападения императора, рухнул в траву и тут же был подхвачен Даниловым и двумя казаками, что выскочили из-за густых зеленых кустов, остриженных в английской манере. Петр погладил кулак и негромко приказал:

— А ну-ка, станичники, разложите добра молодца на лавке! И аккуратнее с персоной, прибывшей от моего «брата»!

— Ваше величество! Я, как посол, неприкосновенен! Вы не имеете права меня пытаться!

— Что ты, что ты, батюшка! — подпустил ехидцы в голос Петр. — Какие пытки?! Казаки тебя и пальцем не тронут! А вот насчет монархов ничего не говорится! И не пытать я тебя буду, болезный, а уму-разуму учить, чтоб знал, что такое хорошо, а что такое плохо! За то учить буду, что на жизнь мою посягнул. А потому не посол ты сейчас, а гнусный убийца. Да ты не бойся, репутация твоя не пострадает, никто не видит, свидетелей нет. Неужто ты сам о своем позоре кому-нибудь расскажешь?!

Петр, взяв в руки плеть, услужливо протянутую Даниловым, наотмашь хлестанул по розовым откормленным ягодицам дипломата. Затем последовал удар за ударом.

Посол вначале крепился, показывая мужество, затем истошно заорал. Было видно, что английских джентльменов знакомят с розгами в колледжах, во всяких там оксфордах, но отнюдь не с нагайкой. Нанеся с десятков ударов, Петр приказал казакам:

— Помогите послу аглицкому!

Те шустро натянули на Уинтворта панталоны, несколькими взмахами сильных ладоней привели в порядок одежду. Петр с удовольствием посмотрел в белые от сдерживаемого бешенства и спрятанного, но и хорошо видимого страха глаза.

— Как вы думаете, господин посол, почему я продал вам искровой аппарат? Да, да, именно я, а не какой-то там почтмейстер, запаливший школу! Известно ли вам, что ваша любовница, которой вы предложили руку и сердце, служит в Тайной экспедиции Сената. Вы, надеюсь, знаете эту весьма почтенную организацию?

— Вы меня желаете убить?

Петр отдавал должное британскому послу — тот побледнел после экзекуции, но продолжал хорохориться, иногда бросая опасливые взгляды на мрачных казаков.

— Я вас мог скормить медведям... Но я не стану этого делать. Даже верну ваше золото. Забавно, конечно, когда Иуде возвращают тридцать сребреников. А теперь, станичники, засуньте господина посла в кибитку — и напрямик до польской границы!

— Вы не имеете права! — взвизгнул посол, но, наткнувшись на свирепый взгляд Петра, осекся и уже просящим тоном добавил: — Я должен передать дела секретарю, ваше императорское величество...

— Обойдешься! — отрезал Петр, а сам с жестокой радостью в душе подумал: «А ведь ты, придурок, попал! Деньги посольские вместе с тобой пропали, сам ты неизвестно куда скрылся. Да еще русские завтра войну объявят, о которой ты пока ни сном ни духом! Искровой аппарат всю жизнь терзать будет, ибо начальство с тебя все жилы вытянет. Ты уже конченный человек, посол Чарльз Уинтворт!»

Петр напоследок небрежно похлопал дипломата по щеке, будто производя в рыцари, по примеру своего деда, Петра Алексеевича, и казаки шустро уволокли дипломата, прихватив мешки с золотом, для переноски которого из кустов выскочили еще пятеро станичников. Петр посмотрел им вслед — только сейчас сжатая пружина в его душе распрямилась.

— Будущее России стоит того, чтобы сражаться за него железом и кровью!

Бухара

— Аллах, великий и милосердный!

Никогда еще эмир Хайдар не чувствовал себя так скверно. Принимать решение необходимо, но каковы будут последствия для его державы?

Выбор был тяжел, и даже в совете мнения сановников разделились. Верховный кадий предложил казнить русского посла, на что визирь, выслушав предложение судьи по поводу способа умерщвления гяура, ехидно попенял на судьбу хивинского хана.

В Диване мгновенно наступило полное молчание, было слышно, как жужжат мухи, но никто из присутствующих сановников не попытался нарушить эту тягостную тишину.

Много лет тому назад хивинский хан вырезал отряд русских драгун, а князя Бековича-Черкасского предал мучениям, несмотря на то что тот был единоверцем.

Расплаты не последовало, русские целыми десятилетиями лишь пеняли ханам на их разбойничьи набеги на соседние земли, превратившие Хиву в центр работорговли.

Пять лет тому назад, когда минуло ровно восемь десятилетий с момента убийства князя, русские снова отправили посла. Тот повел себя дерзко и напомнил хану о судьбе Крыма, где тоже торговали русскими рабами. Наглого гяура постигла страшная участь — с него живого содрали кожу и через купцов отправили в Петербург.

Но на этот раз владыка Хивы жестоко просчитался — месть «белого царя» оказалась ужасной: два года назад русские казаки прошли безводные степи от Оренбурга до Арала и

вторглись в ханство, предав все вокруг мечу и огню. Все ханские родственники и знать были уничтожены, не щадили ни женщин, ни детей, ни седин стариков.

Могущественное ханство исчезло в одночасье, превратившись в русскую провинцию!

— О Аллах Всемогуший, за что ты нас караешь!

Эмир прошелся по мягкому хорезмскому ковру, служившему горестным напоминанием о печальной судьбе северного соседа. Он многократно перечитывал письмо императора Петра Федоровича, ища в нем затаенное, но в строках вязи перевода не было ничего потаенного, все предельно просто.

Выбор жесток — или Бухара становится вассалом Российской империи, и тогда род эмира останется ее вечными властителями, а русские не изменят уклад жизни народа, или его эмират разделит участь Хивы. И это была не пустая угроза.

Полчища русских надвигались не только с северо-запада, от Арала, но и с северо-востока, где, заняв Семиречье, они вышли к рубежам Кокандского ханства.

И главное, что прекрасно осознали все военачальники эмира, противопоставить оружию неверных нечего. Их пушки и ружья выкашивали правоверных с огромного расстояния.

— О Всемиловитейший Аллах!

После краткой молитвы тягостные мысли покинули ум и душу эмира: ответ оказался простым — в любом случае войска неверных пойдут на Индию, окажет он им сопротивление или не окажет.

Если он встанет на дороге сорокатысячного корпуса, то бухарские войска раздавят так же просто, как слон затаптывает ящерицу.

Зато, если он выразит внешнюю покорность и пропустит неверных, то много воды утечет к Аралу за это время, а там как Аллах положит. Русские могут ввязаться в войну с афганцами, в самой Индии их ждут «белые сахибы», болезни и лишения, стужа в горах и жажда в пустыне.

— Пусть они идут. Пропустим их, а потом мы посмотрим, сколько их будет возвращаться обратно. Вот тогда-то и припомним это унижение! На все воля Аллаха!

Кронбург

— Московитские варвары! Они никогда не научатся воевать честно, татарские собаки!

Вице-адмирал Паркер изрыгал самую черную ругань, которую только освоил за свою многолетнюю флотскую службу. Всего за два дня блестящая победа, что увенчала его лаврами флотоводца, обернулась жутким поражением. Да что там, если говорить честно, разгромом, катастрофой, похожей на ту, что постигла враждебную его родной Англии испанскую Непобедимую армаду!

Сейчас Паркер проклинал на все лады лордов Адмиралтейства, посчитавших выдумкой рассказы чудом спасшихся пять лет назад в Константинополе английских моряков о несуразных кораблях с паровыми машинами, которых не могли поразить ядра.

— Дети подзаборной проститутки!

Да и сам он, положив руку на сердце, не сильно доверял этим байкам, списывая их на желание оправдаться. Впрочем, даже адмиралу Горацио Нельсону их лордства не поверили, когда тот попробовал рассказать об увиденных им в Дарданеллах чудовищных самодвижущих минах, способных разорвать взрывом любой, даже многопушечный корабль.

— Дерьмо собачье!

Паркера трясло от страха, именно потому отборной руганью он пытался спрятать его от офицеров и команды своего флагмана. Сегодня он собственными глазами убедился в существовании несуразных, больше похожих на огромные плавающие ящики, копящих

броненосцев, от которых даже самые тяжелые ядра отлетают, как горошины от каменной стены.

Всего три таких корабля уничтожили половину его эскадры огнем чудовищных пушек, бомбы которых проламывали борта и, взрываясь внутри, приносили огромные разрушения. И, хуже того, вызывали пожары, которые невозможно потушить.

Но этого русским морякам оказалось мало, и они направляли окованные сталью тараны, словно наступили времена античных триер, в деревянные крепкие борта, скроенные из знаменитого английского дуба, которые рвались, словно промасленная бумага.

В дополнение ко всем несчастьям к Копенгагену вскоре подошли пять русских линкоров с паровыми машинами, и тогда адмирал воочию убедился, что вести правильный бой с ними невозможно.

Да и как прикажете сходитья с врагами в линию, если москвиты пускают в ход свои «Копья сатаны». Ни один прием против них не сработал, даже разорвать дистанцию не получилось, ибо русские, используя паровые машины, все время подходили чуть не на пистолетный выстрел и поражали британские корабли своим дьявольским изобретением.

— Теперь-то их лордства поймут, что необходимо строить точно такие же линкоры, дабы остановить притязания восточных варваров... — пробормотал Паркер себе под нос.

В эту секунду к нему снова пришла мысль об ушедшем к Борнхольму отряде Нельсона. Зная вспыльчивый нрав своего одноглазого младшего флагмана, теперь он не сомневался в его гибели, ибо подошедшие русские линкоры имели следы повреждений, пусть и тщательно заделанных, и «Копья сатаны» пускали лишь трое из них — понятное дело, где и против кого использовали другие московитские «коптилки».

— Датчане открыли по нам стрельбу, сэр!

Капитан корабля чуть дрожащим голосом привлек внимание адмирала. Тот усмехнулся в ответ, поняв беспокойство офицера. Четыре британских линкора, чудом вырвавшиеся из Копенгагена, находились в столь плачевном состоянии, что даже пара-другая тяжелых ядер, попади в них с крепостных верхов, могла сулить неприятности, причем фатальные.

Паркер оглянулся и похолодел — за спиной, далеко на горизонте, тянулись к небу черные дымы.

— Сэр! — в голосе капитана Хардвуда прозвучал отчетливый страх. — Русские линкоры нас догоняют!

— Добавить парусов! — прорычал адмирал. — Принять два румба вправо!

— Это опасно, сэр! Мы можем выскочить на камни.

— Риск есть, капитан, знаю. Но шведы стрелять в нас не будут, а датчане просто не добросят ядра. Ветер попутный, и мы легко уйдем от русских.

«Ночь близка, и темнота нас надежно укроет от преследователей. Пусть поищут, море большое!»

В мыслях снова прорвался страх. Его корабли были настолько избиты, что грозили рассыпаться от собственных выстрелов, а потому рисковать в случайной перестрелке, даже сразившись против одного фрегата или брига, Паркер категорически не желал.

— Это хорошо, что шведский комендант оказался столь сговорчив! — Адмирал усмехнулся, без опасений рассматривая знакомые прежде стены шведской крепости.

Флагман уже подходил к траверзу орудийных фортов, Паркер хорошо видел лица канониров и синий вымпел с желтым крестом, колыхающийся на флагштоке.

— Сэр, они наводят на нас орудия! — прохрипел Хардвуд полностью осевшим голосом, а изумленный адмирал не верил собственным глазам.

— Не может быть! Мы же договорились!

Страшный гром потряс воздух, белый пороховой дым заволок бастион, а флагманский

линкор чудовищно содрогнулся всем корпусом от убийственного залпа в упор...

Гилян

— Ваше сиятельство, на аванпостах задержали перса! Но он оказался русским, говорит, что имеет к вам важное сообщение!

— Так ведите его сюда быстрее, что тянете!

Князь Петр Иванович Багратион даже топнул ногой от возмущения. С самого утра день у него не задался — то ли не с той ноги встал, то ли еще по какой причине. Все валилось из рук, на душе было тоскливо, а предчувствия его еще никогда не обманывали.

Князь Петр Иванович Багратион, потомок рода грузинских царей, сделал стремительную карьеру, став в 37 лет генерал-лейтенантом и кавалером ордена Святого Георгия третьего класса. Правда, за Адрианополь он рассчитывал на второй класс, но заветный большой белый крест за всю ту войну был дарован только императору Петру Федоровичу.

Так что обиды пылкий грузин не держал — как можно, ведь других генералов белыми крестами тоже не наградили!

Да и грешно гневаться на самого императора, ибо дарованные им чин генерал-поручика, ордена Святого Александра Невского и Святого Владимира второго класса с мечами — вполне достойные награды. И сейчас он уже командир корпуса, причем отдельного, и является военным губернатором всего Гилянского края.

— С чем ко мне прибыли, любезный?

Петр Иванович окинул взглядом одетого в бурнус перса, тот скрывал лицо, и это князю не понравилось.

— Соблаговолите открыть мне свое лицо, милейший!

Приказной тон перс понял правильно, послушаться князя не посмел и отвел кусок ткани от лица.

— Боже мой! Алексей Петрович, что это у вас за наряд?! — после короткой паузы с жаром воскликнул Багратион, не веря собственным глазам. К своему изумлению, он не сразу узнал блестящего гвардейского офицера, отличившегося под его командованием в прошлой войне с турками, награжденного вместе с великим князем Константином Петровичем Георгиевскими крестами, двадцатипятилетнего подполковника Генерального штаба Ермолова.

Теперь стали объяснимыми столь странный вид и одежда заслуженного, хотя и молодого офицера — тайная разведка всегда требует принаравливаться к окружающей среде и ничем не выделяться из местного населения.

— Дурные новости, ваше сиятельство... — совершенно тусклым голосом ответил князю молодой офицер, его глаза потемнели от усталости, а лицо стало серым.

— Шахиншах Фетх-Али объявил нам войну! Позавчера толпа черни взяла штурмом наше посольство!

— Что с Александром Николаевичем?!

Князь Петр Иванович машинально схватился за эфес шпаги, предчувствуя самое дурное. Но ответ оказался страшным, совершенно неожиданным, ибо так с дипломатами даже турки не поступали.

— Растерзан! Тело проволокли через весь город, всячески глумясь над ним. Царствие ему небесное!

Ермолов размашисто перекрестился, то же самое сделал и Багратион, еле сдерживая в себе ярость.

— Наши обороняли посольство до последнего патрона, их всех растерзали в клочья. Вот

так-то, ваше сиятельство...

— Бедный, бедный Александр Николаевич!

Говорить Петру Ивановичу было очень трудно, он знал Радищева веселым и всегда жизнерадостным, а тут такое ошеломляющее и ужасное известие. Князь тихо произнес, решив только уточнить, правильно ли он понял слова Ермолова.

— Вы уверены, Алексей Петрович, что персы объявили нам войну? Это не мятеж черни, а именно война по шахскому приказу?

— Я видел все собственными глазами и слышал объявление! Кроме того, у меня есть доказательство!

Лицо Ермолова покрылось багровыми пятнами гнева от незаслуженного им недоверия, и он дерганным движением достал из халата свернутую трубкой грамоту.

— Это приказ самого шаха. Однако гонец до Тавриза не доехал, нарвался на меня...

— Спасибо, Алексей Петрович! И простите, ибо мне надлежит вершить возмездие! Я только предупрежу о том его императорское величество — в Петербурге должны знать об этом злодеянии!

Багратион пылко обнял молодого подполковника и, не сдерживая своего ликования, закричал во все горло:

— Господа, всем на коней, выступаем немедленно! Падем персам как снег на голову, благо они нас не ждут! Нельзя терять ни минуты — вперед, и только вперед!

Петербург

— Бедные мои косточки!

Петр сидел в мягком удобном кресле, полностью откинувшись на спинку — ноги стояли в тазу, куда эскулапы налили горячие отвары из каких-то трав.

Июньская схватка с Зубовыми на болоте серьезно отразилась на его ногах — их стало часто ломить от боли, а ступни порою даже опухали. Проморозило, видать, насквозь.

Сейчас боль понемногу утихала, Петр чувствовал, как его клонит в сон. Однако император не дал себе расслабиться, его сильно тревожило отсутствие вестей от фельдмаршала Суворова.

Индийский поход начался раньше запланированного срока. Персидский шахиншах, по наущению англичан и соблазненный дьявольским блеском их гиней, предпочел не мир, а войну, полностью вырезав в Тегеране все русское посольство.

Вот такая чудовищная гримаса истории. Она всегда вернет свое, раньше или позже, пусть с другими людьми, но обязательно вернет. Видно, пролитая кровь всегда притягивает другие реальности!

В той, оставленной им истории, персы тоже истребили русское посольство, но четвертью века позже. И тогда погиб Александр Грибоедов, его «Горе от ума» Петр проходил в школе. Напишет ли он сейчас эту книгу, неведомо, ибо будущий писатель, как и Пушкин, пока еще дети, и в кого они вырастут, одному лишь Богу известно. Но судьба уже забрала Радищева, что предвосхитил трагедию Грибоедова.

— Но лучше уж такая смерть, в бою, с пользой для Отечества, чем травиться ядом, уподобляясь крысе, — пробормотал Петр, вспомнив, как окончил свою жизнь автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Но теперь его гибель послужила для блага России.

Войска князя Багратиона наголову разгромили персидское воинство, причем били врага по частям, не давая ему сосредоточиться, гоняли по выжженной солнцем земле.

После такого наглядного урока Фетх-Али встал перед дилеммой: или династия Каджаров может закончиться на ее втором представителе, или принять покровительство могущественной империи и выбросить из головы амбиции с мечтой о реванше.

Шахиншах выбрал второе решение, полностью признал свою вину, выдал для наказания чуть ли не половину своей знати — всех тех из сановников, кто потребовал убийства посла. И приказал оказывать всяческое содействие авангарду русско-французского экспедиционного корпуса, который и возглавил Багратион.

Ну а Александр Васильевич Суворов не заставил себя ждать: действовал, как всегда в жизни, стремительно и уже в середине октября с главными силами перешел Инд — такова была последняя весточка, которую получил от него император.

Не имелось только известий от атамана Платова, который с донскими казаками отправился в Бухару, а через нее в Афганистан. Эмир Хайдар пропустил казачий отряд, а это говорило о том, что рано или поздно Бухара тоже станет протекторатом, и мягкое подбрюшье России будет окончательно подкреплено...

— Интересно, как там эта парочка спелась?

Тандем главнокомандующего Суворова и его начальника штаба Бонапарта оказался невероятно удачным, и Петр мысленно похвалил себя за отличный выбор.

Фельдмаршал — гениальный полководец, но ему не всегда хватало упорядоченности и строгого планирования операций. Именно это качество привнес Наполеон, да и поучиться

французу у Суворова было весьма полезно. Вспомнить хотя бы, как прошли последние маневры.

— Ну Александр Васильевич, ну шельма!

Петр хрипло рассмеялся. Когда генералам было объявлено — учения начинаются двенадцатого числа, Бонапарт, зная, что противников разделяют сорок верст и что все маневры проводят с восходом солнца, тщательно подготовил свои войска, дав им ночь для отдыха.

Суворов отбой сделал пораньше, а ровно в полночь поднял войска с биваков, совершил стремительный марш-бросок и обрушился на кирасир и Измайловский полк, что стояли в стороне от остальных частей первой дивизии, и устроил им «побудку».

Пришлось посредникам, скрипя зубами от бессилия от столь чудовищного нарушения традиций, признать победу старого фельдмаршала, ибо с оставшейся половиной, лишившись всей кавалерии, Бонапарт был бы разгромлен. А потому учения прекратились, так и не начавшись.

На все упреки Суворов, задорно потряхивая хохолком на голове, отвечал одним: «Его величество назначил учения на двенадцатое число, а час-то не оговорил!»

Да и сам Наполеон воспринял свою конфузию на диво спокойно, публично признал полководческий гений Суворова, всячески тот расхваливая. Политик, однако! И сам напросился в ученики к старому фельдмаршалу, посчитав за счастье возглавить его штаб.

Да и французы охотно подчинились Суворову — вряд ли генерал Жубер, Третий консул Республики, с такой же почтительностью отнесся к любому русскому генералу.

Получив два урока от фельдмаршала, пять лет тому назад в северной Италии, посидев еще какое-то время в русском плену, норовистый Жубер без каких-либо споров признал всю полноту власти старого главнокомандующего, даже служил ревностнее, чем русские коллеги, иной раз склонные к проявлению традиционного разгильдяйства — куда без этого. Тут ничего не попишешь, есть такая штука — менталитет!

— И что же там у них сейчас происходит?

Гавана

Небольшой торговый бриг «Святой Августин» ходко шел под всеми парусами. Массивные стены цитадели медленно сливались с синей гладью Карибского моря, превращаясь в еле заметную темную полосу, уходящую на юго-запад.

— Вот и все, Коля. Теперь все зависит только от нас.

Николай Петрович теперь иначе смотрел на своего тестя — не вальяжный старик был перед ним, а еще полный сил, массивный, с косым шрамом через все лицо мужчина, с задорно блестящими глазами.

Наверное, таким лихим гвардейцем и был сорок лет назад знаменитый на весь Петербург Алехан. И вот сейчас словно вторая юность к нему вернулась, и поневоле в груди рождалось восхищение вперемежку с гордостью — что за люди были в старые времена, когда отец был еще молод! Недаром говорят, что все они есть его «птенцы»!

Светлейший князь Орлов прибыл в Форт Росс из Ново-Архангельска в конце июля. Потеря южного форпоста России, превращенного в жуткое пепелище, разъярила Алехана.

Однако, узнав о похищении любимой дочери с обожаемым внуком, посмотрев на удрученного горем Николая, старый богатырь неожиданно успокоился, буркнув:

— Ты не кручинься, сынок, мы Машу и Петеньку найдем. Обязательно отыщем, хоть на краю света. Но выродам этим я собственными руками кишки на голову намотаю!

Николай посмотрел на крепкие руки тестя, которые сжались в огромные кулаки, и испытал чувство облегчения, ибо Алехан был одним из тех людей, которые, давая свое слово, всегда

сдерживали. А делал он обычно гораздо больше, чем обещал.

И сейчас, жадно вдыхая соленый ветер моря, еще теплый, несмотря на конец ноября, Николай Петрович почти полностью уверился, что их ждет удача — пройдет всего несколько дней, и он обнимет свою жену, прижмет к груди сына.

Как и предположили они на первом совете, нападение на Форт Росс было инициировано англичанами, уж больно организованно загремели выстрелы от Приморья до Камчатки, Алеутов и Калифорнии. И «горячий след» Алехан нашел практически сразу, задействовав все свои связи, агентуру, и, главным образом, огромные суммы золотом.

И уже в сентябре они знали, что Марию и Петеньку содержат на Ямайке, в городе Кингстон, построенном вместо разрушенного землетрясением, божьим наказанием за злодеяния английских буканьеров и каперов, Порт-Рояля. Там, в охраняемой усадьбе самого губернатора, и находились под арестом, под недремлющей круглосуточной охраной «красных мундиров» их родные.

Николай покосился на два десятка крепких мужиков, что без дела слонялись по палубе, и мысленно позавидовал их нервам. Знаменитые «ближники» Алехана, прошедшие сотни стычек, сохраняли полное спокойствие, тогда как его немного трясло от волнения.

— Ты, Коленька, выпей вина, успокойся! Плыть нам еще долго, да и ветер отнюдь не попутный!

Алехан впервые так обратился к зятю, по-домашнему, что делал крайне редко, буквально несколько раз за эти годы, предпочитая называть того либо «его величеством», либо, что было гораздо реже, по имени-отчеству.

— Что нас мало, это ничего не значит — так каждый из моих двух десятков «вареных раков» стоит. Видишь казака, который у фальшборта трубку курит? В одиночку на Шумагинском острове десяток английских пиратов пострелял. Вон тот алеут, что на канатах спит, Васька Арбаев, из винтовки на пятьсот шагов в мелкую монету попадает, причем навскидку! Семен, что из царских лейб-егерей, хоть табачников не жалует, ибо старой веры придерживается, но я бы и в молодости драться с ним не стал, побьет! И, боюсь, не только меня, но и Шванвича покойного, царствие ему небесное, тоже бы оттузил. А то и нас вместе, зело зверь! Сейчас добрый, как кутенок, а в бою — тигра лютая!

Николай с недоверием посмотрел на щупленького мужичонку, которого на первый взгляд соплей перешибить можно было, и с немым вопросом посмотрел на Алехана. Тот только кивнул в ответ и со зловещей улыбкой добавил:

— Не люди это, а кремни! Мы с ними их проклятый городишко с четырех концов подпалим, на всю жизнь запомнят пепелище!

Чесма

— Ну что ж, раз урок вам не впрок, вы получите еще один урок! Надеюсь, не последний...

Адмирал Ушаков удивился собственным словам, он никогда не замечал у себя поэтических дарований, а тут складно заговорил, в рифму, будто всю жизнь стихи писал. Возможно, близость предстоящего с англичанами боя так на него подействовала, ибо предчувствие схватки будоражит кровь, невзирая на прожитые годы и опыт.

— Передать по эскадре: сходимся с противником на пистолетный выстрел! Капитанам кораблей торпеды применять по необходимости! Два румба вправо — надавим на «голову»!

— Вы хотите их загнать в бухту, Федор Федорович?

Капитан первого ранга Сорокин внимательно смотрел на вытянувшуюся линию британских кораблей, что медленно ползла вдоль берега полуострова, у которого русские тридцать два года

тому назад одержали ошеломившую всю Европу победу над турецким флотом. И пусть сейчас противником англичане, но те же османы штурмуют Смирну, что расположена на материке за перешейком, да и превосходство сейчас на стороне Черноморского флота — восемь линкоров против семи, и десяток фрегатов и корветов против полудюжины.

Но перевес не только по числу вымпелов — при слабом ветре изрыгающие дым паровые машины позволяли русским не только выбрать удобную позицию, но и навязать британцам бой в самых невыгодных для них условиях.

— Да, хорошенько надавим, утопим двух-трех, и они сами зайдут в бухту, заползут! Деваться им сейчас некуда!

— А ночью атакуем брандерами, как в прошлый раз! — предложил начальник штаба, в памяти которого прочно сидела та самая «первая Чесма», что принесла неслыханную победу.

— Зачем пускать брандеры — к чему эта возня?! Наши Смирну хорошо держат, если потребуется, то береговые пушки можно переместить и с высот расстрелять. Только, думаю, этого сизифова труда нам не потребуется. Оглянитесь назад!

Федор Федорович зловеще усмехнулся и зажатым в руке морским биноклем указал на север. Сорокин обернулся — там виднелись три густых дыма, и можно было не гадать, кто догоняет русскую эскадру.

— «Кабаны» молодого Грейга, как всегда, пришли вовремя! Прямоком к «обедне»! Они зайдут вслед за британцами в бухту и устроят им показательную порку!

Квебек

— Теперь предстоит отстоять город!

Дивизионный генерал Жан Виктор Моро, широко расставив ноги, с невеселой улыбкой смотрел на раскинувшийся перед ним Квебек — главный центр одноименной провинции, бывшую английскую колонию в восточной Канаде. То-то и оно, что бывшую!

Франция стремительно вернула историческое наследие. Квебек был основан французскими поселенцами задолго до революции, при королях, освоен переселенцами из Франции и был потерян в ходе одной из неудачных и бесконечных войн с Англией. И вот сейчас все вернулось на круги своя — малонаселенная территория вновь поменяла владельца.

Забрать обратно утраченное не в пример легче, чем его отстаивать. И все решится в самые ближайшие дни — сражение неизбежно, но еще никогда в жизни Моро не был в столь сложной ситуации.

— Проклятые англичане... — с невыразимой гримасой на лице еле слышно пробормотал генерал, морщась от холодного ветра, в котором густо кружились белые хлопья. Зима в здешних краях наступила рано, возможно, что холодное течение, идущее с севера, здесь, у берегов этой провинции, сталкивалось с теплыми водами, текущими с юга. Совершенно непредсказуемая погода, суровая, не такая, как в милой сердцу Франции.

Сейчас будущее зависело от милости судьбы, а Фортуна — дама капризная, на нее полагаться никогда не стоит!

Он, Жан Виктор Моро, не мог себя упрекнуть, ибо сделал все возможное и невозможное. Французам и так невероятно повезло, что эскадра из двадцати кораблей и транспортов благополучно пересекла Атлантику и доставила войска в Новый Свет.

Еле успев разгрузиться, суда не смогли отправиться в обратный путь — прямо на его глазах в бухту вошла английская эскадра и полностью истребила французский отряд. Путь назад к берегам Гаскони был отрезан, и теперь надеяться можно было только на свои силы.

Но недаром Жан Виктор Моро считался лучшим генералом Республики. Всего с двумя

полубригадами пехоты и полком спешенной конницы он вернул Франции Квебек, пройдя до него стремительным маршем и начисто разгромив два батальона британской пехоты.

Затем при самой активной поддержке местного населения полностью выбил англичан из провинции, изгнав их к Великим озерам, что вытянулись длинной цепью с востока на запад и служившие естественной границей, отделявшей Британскую Канаду от бывшей, английской же колонии, а ныне республиканских Северо-Американских Соединенных Штатов.

— Мой генерал, к вам прибыл посланец!

— От кого? — искренне изумился Моро, обернувшись к своему адъютанту, что встал за его спиной.

— К вам прибыл некто Донован из Вашингтона!

— Да? — медленно протянул Моро, удивившись, что его мысли получили реальное подтверждение — стоило подумать о САСШ, от позиции которых зависела будущая судьба экспедиционного корпуса, как тут же этот таинственный посланец. Жан Виктор торопливо зашагал к домам под черепичными крышами, только коротко спросив:

— От кого он прибыл, Мишель?

— Сказал, что от президента, мой генерал!

Иерусалим

— На штык их бери, ребята! Гвардия умирает, но не сдается!

Отчаянный крик командира словно придал дополнительных сил израненной горстке солдат в красных сапогах, и те с хриплой руганью, примкнув острые кинжальные штыки к винтовкам, кинулись на толпу османов в пестрых тюрбанах.

— Эх, видно, судьба моя настала...

Константин Петрович, морщась от боли в раненой ноге, набивал каморы револьвера последними патронами, которые выгреб из кармана.

— Жаль, всего пять осталось. Зато есть шпага, которой последнюю жатву снять можно...

Русские обороняли священный для всех христиан город вот уже пятый месяц. Но сегодня наступил финал — патроны давно кончились, из семитысячного гарнизона, состоявшего из двух полков пехоты, набранных из местных христиан, и батальона апшеронцев, едва осталось полутысяча человек — израненных, смертельно уставших, но не сломленных.

Сражались отчаянно, ибо турки в плен не брали, и даже убитым христианам отрезали головы. Врага удавалось сдерживать только дружными залпами из винтовок и огнем шестиствольных пулеметов, да новые пушки наводили ужас на янычар, вот почему осада так затянулась. Но патроны кончились, и вот уже три дня русские дрались с турками одними штыками, отбивая атаку за атакой. Но сегодня многотысячное османское скопище прорвало укрепления и ворвалось в Старый город.

— Ну что, Иваныч, умирать будем?

Константин Петрович посмотрел на поручика Тихомирова. Голова того была перемотана черным от грязи бинтом, мундир изорван и покрыт копотью, но его спаситель под Адрианополем держался стойко.

— Погодь, ваше величество, умирать! Нужно в Яффу прорваться, там наши солдаты еще держатся!

Главные силы единственной русской дивизии в Палестине были сосредоточены в этой приморской крепости. Нападение английского флота оказалось внезапным — русские корабли безжалостно истреблены и сожжены, но атаки британской морской пехоты при поддержке огромных толп османов, тоже начавших войну, гарнизон отразил легко.

Сам Константин в это время находился в Иерусалиме — когда турки окружили город, единственное, что он сделал, так это принял на себя командование.

— Помоги встать, Дмитрий Иванович!

Константин Петрович крепко ухватился за протянутую руку, встал на ноги и с лязгом потянул шпагу из ножен.

— Ну что, друг мой, поддержим!

— Нет, государь!

Ответ старого солдата был настолько неожиданным, что Константин Петрович не поверил собственным ушам. Но, взглянув в ожесточившееся лицо Тихомирова, за спиной которого встали два угрюмых апшеронца, заподозрил неладное. Однако ничего не успел сделать, как сильные руки ухватили его за пояс.

— Вяжи его величество, робяты!

Петербург

— Будущее России в наших руках, сын, и мы должны его делать таким, чтобы империя просуществовала долгие века, а ее здание почти не требовало ремонта. Так, косметические работы, никак не больше — покраска, штукатурка и прочие мелочи. Но фундамент, стены, перекрытия, все должно быть монолитным, на долгие века!

Петр подошел к окну, посмотрел, как по Дворцовой набережной метет поземка. Зима в Петербург, в этот вечно сырой город, пришла очень рано. Свинцовые воды Невы текли все медленнее, уже скованные у берегов тонким панцирем льда. Поземка продолжала кружить по набережной, бросая хлопья снега на проносившиеся мимо экипажи.

Серо, сумрачно, противно!

Даже золотой шпиль величественного собора Петропавловской крепости потускнел и больше всего сейчас напоминал заржавленный штык, воткнутый в грязное тесто.

— Да, подговорил черт императора Петра Алексеевича построить свою столицу на чухонском болоте!

Именно в такие горькие минуты Петр воспринимал Петербург как огромный некрополь, предназначенный только лишь для одного — оттенять своим пышным великолепием место упокоения первого русского императора, благодаря которому город и появился на свет.

Это ведь творение не только рук «царя-плотника», но и его духа — для глаз торжественное, а вот для души страшноватое, если не сказать крепче, уж больно крови и пота много пролито, и человеческих жизней загублено — «город на костях», как в сердцах о нем сказано.

— Отец, почему ты не хочешь раздвинуть пределы империи? Ведь для этого сейчас есть все возможности!

Александр был еще слаб от перенесенной болезни, сейчас лежал в кровати, прикрытый теплым пушистым пледом.

Два месяца назад он приехал из Берлина, где весь июль провел в мучениях. Хорошо, что поляк оказался никудышным стрелком и не угодил в живот или сердце, ведь с трех шагов труднее не попасть в жертву, чем промахнуться. Так что, можно сказать, откровенно повезло!

Да и стреляли, слава Богу, не из револьвера, а допотопного кремниевого дуэльного пистолета, гладкоствольного к тому же, и, следовательно, слабого, а потому семилинейная пуля только продавila поддетый под мундир легкий панцирь, сломала три ребра и зацепила легкое.

В общем, не будь защиты, смерть была бы неизбежна; используй поляк револьвер, итог был бы тот же — пуля из него тяжелую кирасу влет пробивает, правда, только в упор, так и убивец стрелял в него не с трех саженей — были видны даже капельки пота на его лице.

Но травма оказалась достаточно серьезной и очень долго причиняла ему страдания. Только сейчас, почти пять месяцев спустя, Александр чувствовал себя относительно хорошо, и если не навалившаяся внезапно простуда, то было бы совсем прекрасно.

— Скажи, Саша, строя большое монументальное здание, строитель будет использовать вместе с кирпичами соломенные саманы из навоза и грязи, какие обычно делают в Малороссии? Или даже вообще одну только глину с ивовыми прутьями плетней? Из такого материала можно возвести стены халупы, но как с дворцом?!

— Нет, отец.

Александр чуть-чуть улыбнулся, показывая, что шутку понял. Но только ее часть, ибо известно, что в каждой шутке есть только ее доля, но никак не больше.

— Вот так и мы сейчас держимся на трех китах — за Веру, Царя и Отечество! Можем опираться только на православные единоутробные народы, связанные с нами не только по крови, как, например, болгары и те же сербы, но и по вере, как греки, румыны или грузины. Да те же палестинские христиане, друзья или копты, многие из которых продолжают держаться древней веры, что очень близка нам, а не католикам с лютеранами...

— Но ведь наши башкиры и татары — мусульмане, но служат тебе не менее истово и честно!

— Они служат Царю и Отечеству, сын мой. А это не менее важная опора, чем вера! Вот возьмем, к примеру, поляков. Могут ли они быть нормальными верноподданными? К вере нашей относятся враждебно, в лучшем случае считая православных диссидентами, а в худшем схизматиками. Про отечество наше не говорю — Червонную, Черную, Белую и Малую Русь они кровью постоянно заливали по самую макушку. Даже до нашей Великой Руси добрались, народ по сей день помнит Смуту! Про «царя» и говорить не приходится, я для них давно жупел! Да и любой из вас, Саша, что ты, что твои братья, для них «красным зверем» служите.

— Это точно! — пробурчал Александр, поглаживая ладонью раненый бок. — Надеюсь, брат Фридрих им хорошую баню устроил!

— Пшеки!

Губы Петра презрительно скривились, так он иногда называл поляков за их постоянное «пшепрашам».

— Они сейчас толпами бегут в Краков, под руку Австрии! Кое-кто даже за Буг, к нам, изъявляя полную готовность даже перекреститься, лишь бы не онемечиваться. Лютуют тевтоны дюже! Словно фашисты...

— Фашисты? — с удивлением спросил Александр. — «Фашио» с латыни означает «пучок». Розги, то есть фасции, носили ликторы при консулах вместе с топориком. Да, они наказывали, но вряд ли лютовали — при двух консулах их едва по дюжине находилось. Ты решил проверить мои знания, отец?! Так ведь сам знаешь, как меня учили!

— Ты не бери в голову, Саша! — Петр фальшиво закричал, скрывая недовольство на самого себя. Время от времени у него прорывались слова, занесенные из собственного прошлого, вернее будущего, если судить по датировке.

— Так что, сын мой, такие мятежные подданные нам ни к чему, как и всякие прочие бухарцы, персы и прочие народы. Их культура уже состоялась, принести нашу к ним на одних кончиках штыков великая ошибка. Мы лишь можем взять их под свое покровительство, протекторат, сделав так, чтобы они никогда не стали нашими врагами. Ради этого нужно полностью сохранить их нравы, обычаи, устои, традиции, привычную форму управления. Даже налоги вводить не нужно, империя проживет без их серебра. Нужна только лояльность, желательно полная!

Петр медленно прошелся по мягкому ковру, прикоснувшись рукою к теплему боку печной

стены — во дворце постоянно топили, расходуя огромные поленицы дров.

— Что же касается вопроса о приращении земель... Раздвинуть пределы России можно и нужно, Саша. За время моего правления Россия увеличилась на треть. Возьми восток — Приамурье, Приморье, Туркестан, Аляска и Калифорния — без них мы уже не представляем России. Ты же сам был царем Сибирским и прекрасно знаешь положение в тех краях!

Петр подошел к карте, что висела у Александра в кабинете. Пусть и не такая огромная, как у него, но не менее точная. Красный цвет окрасил восток Европы, протянулся через Сибирь и захлестнул запад Северной Америки. Но сейчас взгляд притягивали красные штриховки, что были нанесены дальше установленных к сегодняшнему дню пределов империи.

— Но восток даст полную силу через годы, никак не раньше — огромную территорию еще нужно освоить. Зато юг под нашей властью, и мы его заняли — Новороссию, Крым и Кавказ. А если взять Византийское царство, а также протектораты — валахов и палестинских христиан, то сразу *видно*, насколько приросли пределы нашей империи.

— Жаль, что земли на востоке безлюдны, отец, их осваивать не одно десятилетие придется, если не век, тут ты прав. Слишком сурова там природа, таящая в себе огромные богатства.

— Насчет столетия ты ошибаешься, Саша. Что касается безлюдности, то именно потому-то я и присоединил их к империи — немногочисленных туземцев легко оставить в первобытном состоянии, не сильно докучая им цивилизацией. Ну и отправлять туда поселенцев, причем всех, а не только православный люд! Перемешать их там и стянуть казачьими заслонами. А потому, несмотря на оторванность, они будут вполне лояльными подданными и не сделают так, как в Новом Свете произошло с бывшими британскими колониями, что объявили себя независимыми.

Петр с улыбкой посмотрел на своего первенца — и хотя перед ним сидел взрослый мужчина, подаривший ему внуков, но глаза продолжали видеть в нем того юношу, с кем он мог поделиться даже самым сокровенным. Что может быть радостней для отца, которому сын еще и самый близкий друг и помощник в делах.

— Видишь ли, Саша, империю объединяют не только железом и кровью, но и чем-то другим...

Квебек

— Я вас внимательно слушаю, мистер Донован!

Генерал Моро после нескольких ничего не значащих фраз с требовательным немым вопросом посмотрел на сидящего перед ним американца в старомодной одежде, давным-давно вышедшей из употребления в Париже, да еще в припудренном парике, которых в Париже не носили со времен казненного короля.

— Вы правы, мистер генерал — время слишком ценно, чтобы его тратить в досужих разговорах, особенно сейчас, когда даже один час может стоить тысячи долларов!

Хищный, пристальный взгляд собеседника Жану Виктору не понравился — словно посланец президента Томаса Джефферсона оценивал его как какой-то предмет.

«Недаром о них как о торгашах отзываются! А главный их бог — доллар, который нигде, кроме этих еще диких краев, не употребляется. Совершенно никчемные деньги... Эти американцы будто туземцы, молящиеся своему божку!»

Моро кое-как сдержал презрительную улыбку, вот только мимолетную гримасу его собеседник понял иначе, расположившись в удобном кресле с самым доброжелательным видом.

— Вы очень умный человек, генерал, — с улыбкой произнес собеседник, — все правильно поняв. Я не мистер Донован, а государственный секретарь Северо-Американских Соединенных Штатов Джеймс Мэдисон! Я прибыл к вам с посланием от президента...

Имени Томаса Джефферсона посланник не назвал, словно считая, что весь мир должен об этом знать. Многие французские офицеры и солдаты корпуса Моро не только понятия не имели, как зовут главу заокеанской республики, но даже не подозревали о существовании САСШ вплоть до того момента, когда они, наконец, переплыли за Атлантику и успешно высадились в Квебеке. Сам же Моро связывал свою дальнейшую жизнь именно с Новым Светом, ибо в Старом ему не нашлось места.

Покушение на Гоша и арест вместе с вождем мятежных шуанов дал Первому консулу возможность усадить Жана Виктора на скамью подсудимых. Вот только он был начисто оправдан Народным Собранием Республики, и обвинения в измене Франции с него сняли.

К великому удивлению Моро, именно генерал королевской службы Жорж Кадудаль, как не странно, выступил в его защиту, дав честные показания и вскоре мужественно приняв смерть на гильотине.

Позднее выяснилось, что именно такими методами, сильно нечистоплотными, на взгляд самого Моро, английские эмиссары хотели сравить между собою консулов Республики.

Более того, он так и остался на посту Второго консула Республики, но был выпровожен, причем очень настойчиво, в Новый Свет, дабы принять под свое командование все заморские территории, а для почина отбить у британцев Квебек.

Гош отправил его в самоубийственный поход, Моро это прекрасно понимал. Пять тысяч солдат, двадцать пушек — втрое меньше сил, чем находилось под командованием генерала Робертсона в Канаде.

Правда, сейчас силы Моро возросли почти в полтора раза за счет моряков потопленных кораблей и местных поселенцев, радостно встретивших своих бывших соотечественников и присоединившихся к ним с оружием в руках.

Но все равно у англичан остался значительный перевес, два к одному, как прикидывал Моро, и это в лучшем для него случае! И при затягивании войны его положение еще больше ухудшится.

— И в чем суть предложений господина президента?

— Мистер Джефферсон считает, что Франция, генерал, никогда не закрепится в Канаде. Ваше положение отчаянно, мистер Моро, помощи из Европы вы не получите, на море господствует английский флот. Британцы же беспрепятственно доставят сюда любые подкрепления! Порох для ваших ружей и пушек окончится, среди солдат, не привыкших к здешнему суровому климату, начнутся болезни, и вы вскоре очутитесь в той же ситуации, что и ваш президент Гош в Египте...

Яффа

— Мы уничтожили русские корабли, а эти ленивые собаки никак не могут взять жалкую крепость!

Уильям Паркер пылал праведной злобой, проклиная свою несчастную судьбу. Его флагманский линкор был потоплен у Кронборга, и адмирала выловили моряки брига, единственного прорвавшегося из Балтики корабля, жалкого осколка от его большой эскадры.

Он хотел умереть от неимоверного позора, но не смог, а потому предстал перед лондонским судом лордов Адмиралтейства. Однако вместо ожидаемой нок-реи, украшенной пеньковой петлей (и за меньшие прегрешения на английском флоте адмиралов вздергивали без всякого сожаления), его помиловали.

Поражение было списано на злобное коварство московитов, подло напавших на британские корабли и применивших против моряков его величества свое дьявольское оружие.

Их лордства извлекли жестокий урок из трагедии и пылали жадной мести, стремясь дать русским адекватный ответ и отплатить им сторицей за унижение.

Тщательно расспросив Паркера и уцелевших в сражении у Копенгагена офицеров, также заново допросив всех моряков, выживших в Константинополе и Дарданеллах, они приняли решение строить покрытые броней паровые корабли по типу русских «медведей». Киль первого из них уже заложили, назвав его «Дредноутом» — «Неустрашимым».

Вот только проблема была не в железных плитах, заводы могли их изготовить в любых количествах, все упиралось в отсутствие паровых машин должной мощности.

И хотя их уже широко использовали на заводах и шахтах, но на королевском флоте не возникало такой нужды. Так что когда Англия обзаведется собственными броненосцами, Паркер не мог представить — может быть, еще год, а то и два потребуется на установку дымящих коптилок на корабли и их доводку.

— Чертовы турки! — сквозь зубы пробормотал адмирал, нервно вышагивая по шканцам. Он надеялся взять Яффу с налета и тем самым поправить свое положение и вернуть подпорченную репутацию громкой победой.

Русский фрегат и два корвета были уничтожены в ходе морского боя, но трусливые османы бежали от первых выстрелов. И несмотря еще на две попытки и помощь британского флота, так и не смогли взять крепость штурмом, предпочитая вести осаду измором, ожидая, пока москвиты не ослабнут от голода.

И теперь он вынужден торчать в этой дыре, в «жаркой заднице мира», как злобно шутили его моряки, имея под своим командованием пару старых линкоров и еще полдюжину дряхлых калош размерами поменьше. Такой куцей эскадры вполне достаточно для исправления должности командора, но никак не для полного адмирала. Начальство над таким сбродом не честь, а еще большее унижение.

— И сколько мне еще торчать у русской цитадели?!

Паркер огорченно взмахнул рукой и спустился в адмиральскую каюту выпить стакан доброго неразбавленного виски. Только этот напиток возвращал ему на минуту хорошее настроение...

Париж

— Профессор, чем вы хотите меня обрадовать? — в вопросе Гоша звучало раздражение — генерал не любил, когда его отвлекали по пустякам.

Он, как всякий военный, снисходительно и высокомерно относился к ученой братии. Хоть и создают иной раз дельные вещи для армии, но в большинстве своем (кроме мудреного пустословия и каких-то чересчур заумных книжек, в которых хоть и написано по-французски, и понятно по раздельности каждое слово, но вместе ничего понять совершенно нельзя) ничего более полезного не производят.

Потому первый консул с некоторым раздражением рассматривал большую химическую лабораторию, где всегда омерзительно воняло, заставленную множеством различной стеклянной посуды, которой Гош даже затруднялся дать название.

— Смотрите, господин консул!

Профессор, не так давно перешагнувший за пятьдесят лет, сиял начищенным золотым франком, и с видом Креза, подающего грязному нищему, положил перед генералом четыре картонные гильзы. Гошу хватило одной секунды, чтобы забурлить гневом.

— Зачем вы мне, профессор, русские патроны показываете?! Вы не издеваетесь часом?

— А вы уверены, генерал, в своей правоте? — пробурчал Клод Луи Бертолли, высокомерно

посмотрев на Первого консула Республики как на самого туповатого студента Сорбонны.

Гош взял патрон в руки и повертел в пальцах, внимательно осмотрев маслянистую на ощупь картонную гильзу, на донце отсутствовали знакомые цифры и буквы из кириллицы.

Вот уже полгода как Россия поставляла патроны в четыре русских линии, или 10,67 мм. Именно под этот калибр в Лиможе стали делать казнозарядные нарезные штуцеры для вооружения легкой пехоты на один выстрел.

Вот только с этими самыми патронами была сплошная беда. Вода выводила их из строя, порох отсыревал. Зачастую по непонятным причинам капсюль срабатывал, взрываясь в патронной сумке и приводя к подрыву других патронов. Так что иной раз на ум приходило древнее изречение: «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Генерал удивленно хмыкнул и вопросительно взглянул на знаменитого химика. Тот с видом римского императора-триумфатора подвинул к нему чашку с водой.

— Я не считаю свои пальцы грязными!

— При чем здесь пальцы?! — возмутился профессор. — Опустите туда патрон!

Генерал с некоторой опаской опустил в чашку патрон.

— А теперь стреляйте!

Бертолли показал на лежавший посередине широкого стола переделанный под русский патрон нарезной штуцер. Откинув затвор, генерал вставил патрон в казенник, надавив ладонью, опустил рукоять — раздался громкий щелчок.

Ствол ружья Гош направил на толстый пакет из досок и нажал на спусковой крючок. Ружье дернулось, приклад ударил в плечо, вырвавшийся из ствола клуб белого дыма, медленно поплыл вверх к потолку. Вентиляция работала хорошо.

— Четыре года назад, мой генерал, вы попросили создать капсюльный состав не хуже русского. Он перед вами — я сам его изготовил и снарядил патроны. А вы его сейчас проверили!

Иерусалим

Россыпь звезд над головой невольно притягивала взор, и будь другое время, Константин Петрович предался бы мечтаниям или размышлениям, что почти одно и то же, если судить по конечному результату. Но сейчас он бездумно смотрел на звезды, которые светились душами погибших солдат, принявших смерть за Россию.

— Ты выполнял его приказ, Иваныч? — Он повернулся к лежащему рядом Тихомирову.

— Да, Константин Петрович. Батюшка Петр Федорович вас приказал беречь и в случае чего спасти.

— Я понимаю! — глухо ответил Константин.

Он до сих пор чувствовал некую горечь. Апшеронцы спеленали его, как младенца, занесли в какой-то подвал, через который спустились в подземный ход. Константин не раз слышал, что под городом есть катакомбы, недаром первые христиане укрывались именно в них, но не представлял, что они могут быть такими обширными.

Правда, уже внизу, в холодной темноте, он собственными ногами проделал этот многочасовой путь и теперь знал, что они находятся уже далеко за городом и где-то рядом друзья, что должны провести их в Яффу.

Тихомиров ручался твердо, что помощь придет, и Константин ему верил. Начальник личной охраны, его флигель-адъютант, несмотря на свой маленький чин, ни разу не подводил.

— Слышишь, государь, верховые едут! Тихо, посмотрим, чего-то копыт стучит много...

Они, прижавшись друг к другу, лежали в маленькой ложбинке, что тянулась по вершине пологого каменистого хребта. Константин пристально всматривался в ночную тьму, в которой

проглядывалась белой лентой проезжая дорога на Яффу. И тут он заметил всадников, их было четверо.

— Че-то их многовато, государь! — шепнул Тихомиров. — Никак османы? Ты тихо только лежи, Константин Петрович, я их сам уделаю... Двух пристрелю, остальных на шпагу возьму, куда тебе, безногому, в ночную драку соваться.

Константин со вздохом отдал револьвер с оставшимися двумя патронами. Старый вояка отлично стрелял в темноте, а потому был полностью прав, помощи сейчас от раненого не будет, будь он даже трижды византийским царем...

— Алла!

Темнота взорвалась пронзительным криком, который тут же оборвался. Затем прогремело два выстрела. Где-то невдалеке захрипел смертельно раненый человек, и тут же темноту разорвал еще один выстрел. Послышался болезненный вскрик.

К удивлению Константина, четвертый турок спокойно сидел на лошади, и его сердце сжалось в недобром предчувствии. До боли сцепив зубы, он пополз по ложбинке, желая добраться до убитых Тихомировым турок и забрать оружие.

Неожиданно ночную темноту осветил еще один выстрел, и Константин Петрович увидел, как свалился на каменистую землю четвертый осман — последний из всадников.

— Иваныч, ты молодец! — негромко произнес он, но из темноты раздался совсем чужой голос, говорящий на русском языке с чувствительным акцентом.

— Ваше величество, мы друзья, мы пришли за тобой. Ждали пять дней, а ты пришел сюда. Темно да? Дорогой заплутал?

— Где Иваныч? — только и смог произнести Константин Петрович, разглядывая бородатого друга в арабском бурнусе.

— Там лежит, ваше величество, в грудь османские собаки попали, умирает твой офицер...

Не обращая внимания на боль в простреленной ноге, Константин буквально скатился с насыпи, окончательно изорвав и без того зияющий прорехами мундир.

Тихомиров лежал на спине, изо рта толчками выплескивалась кровь. Старый солдат умирал, и Константин, взяв его за руку, чувствовал, как холодеют его пальцы.

— Государь... Сын у меня в Яффе, прижил на старости байстрюка... Позаботься, прошу...

Тело выгнулось в предсмертной агонии и спустя несколько секунд обмякло. Константин Петрович еще недолго посидел с ним рядом, глотая перемешанные с пылью и кровью слезы...

Петербург

— Михаил Илларионович, вы великолепно провели время во Франции! Я ознакомился с материалами и ничего, кроме восторга, не испытываю, ведь это стоило вам больших трудов...

— Полноте меня хвалить, ваше императорское величество, мои скромные доклады не достойны столь лестной оценки!

Однако голос Кутузова говорил совсем об ином — такая похвала императора доставила ему явное удовольствие.

— Я скажу вам честно, государь, если бы мои офицеры сказали своим женам или любовницам хотя бы одну сотую тех сведений, то ваше величество сорвало бы с них погоны. А за одну десятую той болтовни, что позволяют себе французы, наших можно расстреливать без суда и следствия или по меньшей мере отправлять в Сибирь на вечное поселение.

— Французы себя так беспечно ведут?!

— Нет, государь, они не ведут себя беспечно...

Кутузов отвесил глубокий поклон, который ввиду тучности генерала сделать было

затруднительно.

— Они ведут себя очень легкомысленно! Даже наши самые отпетые болтуны и разгильдяи, как вы любите их называть, государь, — образец дисциплинированности и великих молчаливиков, свято хранящих военные и государственные тайны, даже будучи мертвецки пьяными!

— Французы считают, Михаил Илларионович, что вы все время проводили в театрах и с замужними женщинами, почему-то игнорируя юных красоток. Неужели они вам не по вкусу? — Петр слегка подначил зардевшегося, как юноша, старого генерала, который и в Петербурге имел репутацию завзятого ловеласа.

— Кхм, кхм, ваше величество... — Кутузов нарочито откашлялся. — Вы прямо в смущение меня вводите... Я, конечно, люблю смотреть своим единственным глазом на красоток, как вы выражаетесь, государь, но дела службы в первую очередь! И они требовали моего личного присутствия именно в перечисленных вами местах. Вы не поверите, но именно в антракте жена фабриканта не только с точностью чуть ли не до франка выдала объем продукции оружейного завода ее мужа, но и подарила мне несколько чудесных образцов, что только стали производить для армии. Конечно, я сделал столь милой даме отдарки, в знак моей самой искренней привязанности...

— Казна вам все выплатит, князь!

— Пустое, государь, я достаточно обеспечен!

— Михаил Илларионович, у меня к вам нижайшая просьба. Вам нужно снова вернуться во Францию и передать генералу Гошу мое секретное послание. Пора кончать с этой войной!

— Вы хотите заключить мир с Англией, ваше императорское величество? — осторожно спросил Кутузов, уставившись в Петра пронзительным взором блестящего глаза.

— Нет, князь, я хочу высадить наши и французские войска на этом проклятом острове!

— Даже так, ваше императорское величество?!

Петру показалось, что Кутузов выдохнул с облегчением.

— Но это дьявольски трудная задача, государь. Несмотря на все поражения, британцы имеют вдвое больше, если не втрое, линейных кораблей, чем мы. На французов и испанцев можете не рассчитывать, ваше величество. Несмотря на большое количество вымпелов, их адмиралы и офицеры в большинстве своем совершенно непригодны, а команды плохо обучены. Я скажу вам предельно честно — их флот в столкновении с англичанами разделит судьбу Непобедимой армады!

— А какова у британцев армия?

— Тут все наоборот, государь. Если французам удастся высадиться на этом проклятом острове, то они победят британцев! Англичане имеют больше сотни полков пехоты, но добрая половина из них не стоит ломаного гроша. Из отребья, кабацкой сволочи, посетителей дешевых борделей хороших солдат не сделаешь! Силком набранные наемники, ваше императорское величество, составляют половину воинства, впрочем, как и королевского флота. Однако я вас должен предупредить, государь! Если британцам станет известно, что мы вместе с французами попытаемся высадиться на их острове, то их армия удвоится, если не утроится, и с чрезвычайной легкостью. И это уже будут совсем другие воины. Упорные, решительные, цепкие, совсем как бульдоги, которых они любят выращивать.

— Не очень приятную перспективу вы обрисовали, Михаил Илларионович! Прямо афронт!

Ясный и четкий ответ генерала обескуражил Петра. Перспектива войны становилась туманной, и он решил уточнить:

— Удвоение и даже утроение армии — очень серьезное дело. У них подготовлены резервисты в достаточном числе? Я имею в виду солдат и матросов. Смогут ли они быстро

оснастить армию скорострельными винтовками, подобными нашей? Как у них со строительством кораблей, особенно с паровыми машинами?

— Насчет последних отвечу сразу, государь. В Адмиралтействе приняли решение: в виде эксперимента построить несколько пароходов, а также заложили одно бронированное судно, вроде наших «кабанов». И лишь после того как паровая машина покажет себя достаточно надежной, в следующем году на верфях будет заложено два десятка линейных кораблей. Это я написал вам в отчете.

— Два десятка?! — цифра изумила Петра. — Не может быть!

— На их постройку потребуется только один год, не больше, государь. А через три года данную цифру можно смело удвоить. Английские корабли умеют строить быстро и очень надежно.

— У нас шесть линкоров на Балтике и восемь на Черном море. Еще двенадцать кораблей находятся на стапелях. Их строительство займет еще один-два года, но никак не меньше... Неприятно. А как насчет армии?

— Подготовленных резервистов у них нет, как нет рекрутских наборов или призыва. Но этот рыжеволосый народец, государь, с охотой встанет под знамена. Хотя потребуется не менее полугода, чтобы из них сделать настоящих солдат. И хуже всего, государь, что англичане, как и французы, постоянно экспериментируют над капсюльными составами, и боюсь, что они их сделают уже в этом году. Через два-три года мы потеряем все свое преимущество — их армии будут вооружены точно такими же винтовками.

Петр надолго задумался, машинально постукивая пальцами по столу. Теперь ему многое стало ясно. Недаром он ценил Кутузова не только как полководца, но и умелого дипломата. Его информации можно было доверять целиком и полностью.

— Вы чрезвычайно меня обрадовали! — произнес Петр уже без сарказма и честно. — Теперь я определился со сроками! Подготовку к высадке мы ускорим, но попытаемся сохранить ее в тайне, хотя бы весь следующий год. Если нам это удастся, то высадку произведем в июне. К этому времени британцы не смогут обучить своих солдат и построить новые корабли.

— Пожалуй, вы правы, государь! — губы Кутузова растянулись в улыбке. — Если они узнают в январе четвертого года, пока произведут набор... У них не будет времени для обучения! Впрочем, как и для вооружения, ведь наладить производство винтовок и патронов очень трудно, нам на это потребовалось двадцать лет. Вы совершенно правы, государь! Высадку нужно делать именно летом четвертого года, к этому времени их корабли будут еще стоять на стапелях, винтовок сделают в совершенно недостаточном количестве. Но вот хватит ли у нас пароходов и кораблей, чтобы переправиться через этот треклятый пролив?

— Посуды будет достаточно, Михаил Илларионович, причем такой, которая произведет на британцев весьма неприятное впечатление. Да и не только нашей. И датчане, и шведы строят в большом числе броненосные корабли, которые нам очень помогут при высадке! Потомки викингов — народ упорный и обиды хорошо помнят! Так что, думаю, на остров вторгнутся не только русские и французы, но и целая европейская коалиция. Скоро будет заседание Государственного совета, князь, потому прошу вас непременно на нем присутствовать. Господам министрам будет важно узнать эти новости именно от вас!

Париж

— Превосходный выстрел! — слова оценки непроизвольно вырвались у генерала Гоша, что никак не мог оторвать глаз от дырки в досках и с удовольствием вдыхал запах сгоревшего пороха.

— Посмотрите, генерал! — Бертолли взвизгнул, взял в горсть несколько патронов и с силой бросил их на каменный пол.

— Вы что делаете?!

Гош непроизвольно вздрогнул — проделывать такое с русскими патронами не рекомендовалось, они иногда непроизвольно взрывались.

— Вот видите, генерал?! — закричал во весь голос Бертолли. — Дело в том, что 14 лет назад я сделал нитрид серебра. Но «гремучее серебро» совершенно не годится для капсюлей, они более опасны для стрелка, а не для врага! У русских патроны снаряжены капсюлем из «гремучей ртути», он тоже нехорош, сами знаете. Но такие капсюли поставлены нам, а свои, такие патроны мне случайно попались, они начинают составом, который бессовестно украли у меня!

Бертолли побагровел, профессора прямо трясло от бешенства — таким его Гош еще ни разу не видел.

— Они украли мою бертолетову соль! Нагло использовали, подло, цинично! Соль, которую я давно сделал!

— Так какого черта вы не предложили мне ее раньше?! — заорал в свою очередь Гош, и под его яростным криком профессор съежился, мгновенно потеряв свой величавый в гневе вид. — Устроили мне тут представление: гремучее серебро, ртуть, нитрапы какие-то!

— Нитриды...

— Оставьте свою химическую заумь, профессор! Говорите нормальным человеческим языком!

Неимоверным усилием Гош взял себя в руки и повторил уже спокойнее, но с металлом в голосе:

— Почему вы не предложили свою соль раньше, еще до Египетского похода? Русские засыпали нас там пулями — на их десять выстрелов наши солдаты отвечали одним!

— Я же не знал, что мой состав можно использовать в капсюлях!

— Так какого дьявола вы говорите мне, что они его у вас украли?! Вы же сами не знали. Просто они додумались его применить, а вы нет! А еще профессор — сами не знаете, что изготовили! Боже мой! Сколько времени потеряно из-за этих ученых! Вы же были со мной в Египте, вы все видели своими собственными глазами!

Под гневным напором обличительных слов Клод Луи Бертолли потерял горделивый вид пестрого петуха-триумфатора, превращаясь в мокрую курицу.

— Господин Первый консул, но я же сделал капсюльный состав, а вы говорили...

— Да, я обещал осыпать золотыми франками, и это непременно сделаю! А вы наладьте производство капсюльного состава, Бертолли!

Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, Гош своим яростным напором опытного военного подмял маститого профессора. Тот потерял свой снобизм и с провинившимся видом нерадивого студента поглядывал на багровые пятна гнева, разлившиеся по лицу генерала.

— Простите меня, профессор! — чуть помягче произнес Гош, понимая, что несколько перегнул палку. — Вы получите все, что потребуется, денег жалеть не будем. Подготовьте подробный список необходимого и не экономьте, мсье Бертолли! Производство собственных патронов для нас жизненно необходимо!

Чесма

Три неуклюжих броненосца медленно вползали, густо дымя трубами, в бухту. Английские корабли, стоявшие там полукругом, дали дружный залп, окутавшись густым пороховым дымом

и встретив таким образом страшных врагов.

Десятки всплесков поднялись у невысоких бортов русских «кабанов». В подозрную трубу Ушакову было хорошо видно, как отлетают от толстых стенок бронированных казематов похожие на черные мячики ядра. Броненосцы пока молчали, но в них чувствовалась страшная мощь и уверенность в собственных силах.

— Не хотел бы я быть на месте британского адмирала... — задумчиво пробормотал адмирал.

Он уже видел подобную картину, причем дважды, и каждый раз удивлялся тому, с какой легкостью небольшие по размерам броненосцы, коптящие небо своими высокими трубами, неуклюжие на первый взгляд каракатицы, расправлялись с многопушечными линейными кораблями.

Главным в отряде шел «Секач», но не тот, что дрался под Константинополем, а его прямой потомок, построенный вместе с «Кабаном» по типу балтийских «медведей».

Самый первый «Секач» уже покоился на дне Мраморного моря — мореходность у бронированной коробки оказалась совсем никудышной, и при легком волнении, совершая разворот, корабль черпанул бортом воды и тут же стал тонуть. Хорошо хоть, что его команда успела спастись...

Третьим в колонне медленно плыл, отстав на пять кабельтовых, старый «Вепрь». В сравнении с первыми двумя он больше напоминал перевернутое корыто, но не потерявший своей силы и даже нарастивший острые клыки, с установкой в каземате новых крупнокалиберных орудий.

— Сейчас будет бойня! — обращаясь к офицерам, громко произнес адмирал, видя, как броненосцы изрыгнули пламя из своих орудий...

— Нам здесь больше делать нечего, нужно идти на Кипр, а оттуда к Яффе! — Адмирал Ушаков еще раз посмотрел на дымящиеся в бухте остовы линейных кораблей, что успели выброситься на берег.

Только три британских корабля спустили флаги, испросив пощады. Остальные уже покоились на дне бухты, и только мачты торчали из черной при лунном свете глади воды.

Адмирал вздохнул, к его удивлению, победа на этот раз досталась дорогой ценой — старый «Вепрь», получив несколько попаданий, потерял часть броневого обшивки, а затем последовали несколько удачных выстрелов, и грозный броненосец неожиданно взорвался со страшным грохотом, выплеснув в небо длинный язык пламени и огромный клубок черного дыма.

Однако радость британцев оказалась мимолетной. На поддержку «кабанов» Ушаков отправил новые паровые корветы, вооруженные торпедными аппаратами.

Стрельба проводилась почти в полигонных условиях — по изувеченным, горящим, но все еще оказывающим сопротивление, пусть слабое или даже номинальное, британцам.

Впервые в жизни старый адмирал глубоко в сердце жалел своего врага. Они сопротивлялись до конца, героически, отважно, но совершенно бесплодно. Вот уже третий раз его эскадры одерживали победу над британцами, и всегда к ликующей радости добавлялась некая полынная горечь, ибо каждый раз сражение шло отнюдь не равных противников, а потому больше походило на избиение.

— Нам здесь больше делать нечего! — снова пробормотал адмирал и испытал чувство облегчения.

Броненосцы останутся в бухте прикрывать транспорты с прибывшими подкреплениями: большие шлюпки перевозили на берег десятки солдат. Теперь за Смирну можно было не беспокоиться — с такой помощью генерал Барклай де Толли наголову разобьет осадивших город турок.

Флоту следует немедленно идти к Яффе, где еще дрался, отражая многочисленные приступы, русский гарнизон. И там наверняка стоит британская эскадра, значит, бой будет равным, и можно будет одержать такую победу, от которой уже не будет так сильно горчить...

Квебек

— Наш генерал не является президентом Франции, а лишь Первым консулом Республики!

— Я знаю, просто произнес слово, которое применимо у нас к главе демократического государства!

Улыбка американца была настолько ослепительна, что Моро заскрежетал зубами, насмешка была возвращена ему сторицей. И что обидно, получил ее от единомышленника, ибо Жан Виктор считал президента Томаса Джефферсона, который вместе с Джорджем Вашингтоном стал одним из отцов-основателей САСШ, самым выдающимся республиканцем.

— Свое положение мне прекрасно известно, *гражданин!* Простите, господин Мэдисон!

— Ну почему же господин?! Мы все граждане, дети под одним синим небом! — Госсекретарь коснулся двумя пальцами воротника.

Моро сразу все понял — перед ним сидел масон, причем высокого градуса. Это совершенно меняло дело, с вольными каменщиками ему уже приходилось встречаться.

— Генерал, — с мягкой улыбкой произнес Мэдисон, — Франция, когда еще была королевством, помогла нам отстоять свою независимость. Маркиз Лафайет командовал нашей армией. Сотни французских волонтеров сражались в ее рядах, и без их помощи мы бы не одержали множество побед и не отстояли свою свободу. Теперь, как я думаю, пришло время вернуть вам долги. Я имею в виду Республику и ее Народное собрание!

— Я не уполномочен сейчас говорить от имени Франции! И тем более за Народное собрание!

— Но вы ее Второй консул! И имеете право решать все вопросы, связанные с интересами вашей республики в Новом Свете. Ведь так, мистер генерал?

Моро с улыбкой посмотрел на госсекретаря Мэдисона, он уже догадался, что может последовать за столь откровенным заявлением.

— Британия никогда не скрывала своих намерений вооруженной силой покорить САСШ и снова сделать нас своей колонией. И не настал ли сейчас тот час, генерал, когда мы сможем раз и навсегда покончить с английским владычеством в Новом Свете? Я думаю, влияния президента вполне хватит для того, чтобы Конгресс принял решение о войне с королевством!

— На это уйдет много времени, мсье Мэдисон, а сражение может состояться скоро — через три-четыре дня! Мои войска нуждаются в порохе, не могли бы вы его дать? Или продать...

— К моему сожалению, мистер Моро, это не в моих силах, но я уверен, что ваши доблестные войска справятся с англичанами!

— Потом англичане перебросят сюда уже двадцать тысяч солдат! И мой корпус без боеприпасов и снаряжения погибнет! Вы же сами мне сказали — английский флот господствует на море, и поддержки из Франции мы уже не получим...

— Зато к этому времени вы сможете получить эту поддержку от нас, генерал. Порохом, ружьями, припасами, снаряжением... А наша армия позволит вам, генерал Моро, вышвырнуть британцев из Канады!

«Ваша армия — совершенно необученная толпа ополченцев! Не знающих строя, не имеющих боевого опыта! Один британский солдат стоит трех ваших, тут не стоит обольщаться!»

Моро посмотрел на госсекретаря, прекрасно зная, что такие мысли не следует выражать на

словах, и потому перевел разговор на более интересующую его тему:

— Если мы выступим с вами союзниками, мсье Мэдисон, то нужно согласовать наши военные планы. Вы не находите?

— О да, конечно, генерал! Наши военные обязательно вступят с вами в контакт, и более того, Конгресс может назначить вас главнокомандующим нашими объединенными вооруженными силами, как знак признания ваших заслуг и выдающихся военных дарований! Но я не специалист в этой области, меня интересует ее сугубо политический аспект.

— И какой же, мсье Мэдисон? — осторожно осведомился Моро, понимая, что наступил момент, как говорят русские, делить шкуру неубитого медведя. Теперь все окончательно прояснится.

— Вы республиканец и демократ, генерал, но и я тоже! Поэтому Канада должна стать свободной и присоединиться к нашим странам, что поведут ее по пути Свободы, Процветания и Демократии!

— Я согласен с вами, мсье государственный секретарь! — Моро насторожился, понимая, что после таких слов шкуру придется делить напополам, тут одним куском не отделаешься.

— О мой генерал, мы должны учитывать мнение народа и не доставлять ему неудобства. А также важно уважать культуру и язык поселенцев! Поэтому будет вполне демократично, если франкоговорящие области отойдут обратно к Франции, а районы, населенные выходцами из королевства, перейдут под наше покровительство...

Бесхитростная улыбка посла и его чисто детский взгляд, вызвали приступ бешенства у генерала.

«Ничего себе, как американцы понимают честность и справедливость?! Нам — один Квебек, а им — вся Канада! Вот это аппетит! Воевать и проливать кровь будут французы, а они захватят все готовое!»

Однако не в его ситуации было обличать своего союзника. Английская удавка могла оказаться смертельной, и без американской помощи нельзя было выстоять. Осталось только договориться в цене.

— И вот еще одна проблема, генерал, — посол не дал Моро заговорить, — на севере Луизианы стоит отряд ваших доблестных солдат, к которым присоединились, как мне известно, русские казаки...

— А чем вам они насолили? — интонация в словах Мэдисона не понравилась генералу.

— Они напоминают индейцев, только одеты в странное платье, в котором их можно принять за дикарей!

«Когда-нибудь вы сцепитесь с этими дикарями, и от вас полетят пух и перья. Но еще лучше повстречаться с русскими солдатами — вы испытаете незабываемые ощущения!»

Моро улыбнулся посланцу президента и сказал весомым ГОЛОСОМ:

— Это наши союзники, мистер Мэдисон!

— Зачем вам Эдмонтон, генерал? Никчемный городишко, которому едва десять лет, население всего пара тысяч, кругом индейцы... Дикое края!

— Но там почти не говорят по-английски...

— Путь с Луизианы долог... Продайте нам этот Эдмонтон, а мы за него поставим снаряжение.

— Я думаю, Канада — вполне достаточная цена за поддержку моего корпуса! А насчет Эдмонта вам, мсье Мэдисон, лучше говорить с русским посланником в Вашингтоне. Отряд казаков выступил по соглашению с Россией и по приказу наместника Орлова.

Моро улыбнулся, увидев, какую «шпильку» он воткнул в американца, — лицо последнего приняло неопишемое выражение...

Никогда еще капитан второго ранга Крузенштерн не думал, что его жизнь может совершать такие выкрутасы. Едва оправившись от ранения — свежий рубец еще кровоточил, — он вместе с командой на прибывшем из Ново-Архангельска корвете совершил долгое и утомительное плавание до Владивостока.

В огромной бухте Золотой Рог стоял добрый десяток русских военных кораблей, от фрегатов и корветов до бригов, не считая множества «купцов».

Ивану Федоровичу даже показалось, что на Тихом океане перестал полоскаться по ветру Андреевский флаг. И вот здесь Крузенштерн понял, что война с Англией идет уже по всему свету...

Перед его глазами до сих пор стоял всесильный наместник Дальнего Востока, светлейший князь Потемкин-Амурский, гневно сверкающий единственным глазом и торжественно объявляющий:

«Теперь, за вероломное нападение на Охотск, Николаевск, Петропавловск-Камчатский, Аляску требуется отомстить, вернуть долг сторицей надменной Британской империи!»

Во Владивостоке Крузенштерн получил новенький бриг, вооруженный 16 24-фунтовыми укороченными пушками, почти такой же корабль, как его погибшая «Надежда».

Впрочем, имя «новобранцу» присвоили в почитание заслуг старое, экипаж доукомплектовали, и не прошло недели, как эскадра наместника отправилась отбивать Цусиму, на который высадились англичане и где в цитадели еще стойко держались русские солдаты, отразившие несколько приступов. «Надежда» отделилась от русского отряда на траверзе острова и отправилась в долгое одиночное плавание...

— Цейлон, господин капитан!

Крузенштерн прижал к глазам морской бинокль, только-только появившийся на флоте вместо подзорных труб, и увидел у самой линии горизонта темную полосу, протянувшуюся во всю ширь.

Куда там Кадыяку! Этот остров больше напоминал своими гигантскими размерами Сахалин!

— Мы в английских водах, капитан!

Шкипер Иоганн Ван Босхэн был невозмутим. Без его помощи Крузенштерн вряд ли бы добрался до Батавии, центра голландских колоний на огромном островном архипелаге. Но лучший шкипер князя Потемкина привел корабли точно в порт, по пути пережив два больших шторма.

Время торопило, и хотя «Надежда» была в пути больше двух месяцев, Крузенштерн, приняв на борт десяток молчаливых голландцев, отправился к берегам далекой и сказочной Индии.

— Это богатая страна, капитан, — голландец улыбнулся, — мы торговали с ней долго. Но двадцать лет назад британцы нас вышвырнули! И все эти годы мы тайком ввозили товары в единственный порт княжества Майсур. Часто привозили и оружие...

— Мы идем туда? — немедленно уточнил Крузенштерн, хотя имел на руках письменный приказ Потемкина.

— Да, капитан, мы идем в порт Мангалуру, это последняя гавань, оставшаяся у княжества. Оно уже сорок лет воюет с англичанами, их владыка Типу-Султан великий воин!

— Ага, теперь все понятно... — только и крикнул в ответ Иван Федорович, прекрасно зная о содержимом трюма. Там были новенькие барабанные винтовки, обернутые в промасленную ткань.

Наверное, такого количества скорострельных ружей не имелось на всей Аляске вместе с Ново-Архангельском. Сотни тяжелых ящиков с патронами, несколько казнозарядных железных пушек и множество другого воинского снаряжения, о предназначении которого моряк мог только догадываться.

Снова перед глазами всплыло лицо всесильного наместника и его слова, которые тяжелым камнем запали в душу: «Вы обязаны доставить груз к месту назначения! Разгрузите корабль и можете погибать, но никак не раньше! Запомните, капитан, от этого зависит жизнь тысяч русских солдат!»

Петербург

— Я полностью согласен с Михаилом Илларионовичем!

Наместник Дальневосточный, светлейший князь Потемкин-Амурский, первым нарушил тишину, воцарившуюся после доклада Кутузова.

— Нам нужно нанести удар по Англии раньше, чем она построит новые корабли и перевооружит свою армию на скорострельные ружья. Терять время нельзя! И нанести удар не по ее колониям, а по голове — высадить десант на Остров, взять Лондон, и вот там заставить британцев подписать мир на наших условиях!

— Соглашение должно быть таковым, — княгиня Дашкова говорила тихим голосом, ей нездоровилось, — чтобы подорвать ее могущество на морях и обеспечить в будущем российские заморские владения. А посему я за высадку наших войск!

— У кого-нибудь есть иные предложения, господа?

Императрица говорила своим мелодичным, несмотря на наступившую старость, голосом. Петр внимательным взором обвел сидящих за длинным столом высших сановников империи.

Здесь были те, кого называли его «птенцами». Постаревшие, тяжелые на подъем, борющиеся со многими хворостями, но такие же энергичные, как сорок лет назад, когда большинство из них приняли участие в том злосчастном гвардейском мятеже. Вот она, гримаса судьбы, — были врагами, а стали вернейшими соратниками.

Из «старой гвардии» не присутствовал только Алехан, да и невозможно было вызвать из Калифорнии светлейшего князя Орлова.

Впрочем, за столом сидело и немало молодых, только-только заступивших через тридцатилетний рубеж — кабинет-министр Алексей Аракчеев, государственный секретарь Михаил Сперанский и другие стали молодой порослью, пришедшей на смену: целеустремленные, истово преданные России, умные и, что интересно, совершенно не корыстолюбивые.

Сейчас на заседании Государственного совета находились только те из сановников, что искренне считали благо России превыше всего. Им можно было доверять полностью — проверенные временем и делами товарищи. Да, да, «товарищи» — именно такое обращение друг к другу всячески приветствовалось, стирая тем самым разницу в происхождении, титулах и чинах. Словно в республиканской Франции...

— Тогда перейдем к другому вопросу на время, чтоб потом вернуться к обсуждению перспектив войны с Британией. Проблема назрела давно и требует скорейшего разрешения.

Петр, по традиции давно ведущий заседание Госсовета его председателем, заговорил негромко, но четко, внимательно окинув взглядом присутствующих.

— Испанский король, вернее его премьер-министр Годой, кто на самом деле и управляет монархией, предложил приобрести ряд заморских территорий. Это Калифорния с Техасом — северные части Мексиканских владений, несколько островов на Филиппинах, а также небольшой кусок Марокко на атлантическом побережье. Требуемые деньги для приобретения выделит Русская Америка. Но я считаю, лучше бы нам употребить это золото для нужд собственной страны.

В большом зале моментально сгустилась духота, император ее физически ощутил — тяжелая и гнетущая. На него устремились десятки глаз, растерянных, непонимающих.

В такие моменты особенно остро чувствовалось ощущение общей сопричастности в делах,

и Петр мысленно усмехнулся, понимая, что подготовленная провокация удалась как нельзя лучше.

— Государь, — общее молчание нарушил Потемкин, осторожно подбирающий слова, — если я вас правильно понял, то вы не хотите брать долю в испанском наследии?

— Вы меня абсолютно неправильно поняли, Григорий Александрович! Я хочу прирастить нашу страну новыми владениями, но я не желаю расплачиваться за это русским золотом.

— Воевать, что ли? — среди общего молчания раздался голос старого генерала Измайлова — беспредельно верный, но немного туповатый от дряхлости, он всегда рубил правду-матку в глаза и сейчас выразил всеобщее мнение — как можно что-то приобрести, не платя за это.

Генералы, как и налоговые фискалы, знали лишь один способ — отобрать силой!

— Вы в своем уме, генерал? Как мы можем воевать с собственными союзниками, в коих сами нуждаемся? Вы забыли, кто у цесаревича жена и кто мои внуки?!

Недоумение присутствующих возросло еще больше, только министр иностранных дел, хитрющий хохол Безбородько, полноватый, с повадками сытого кота, загадочно улыбался.

— Александр Андреевич, объясните товарищу генералу, в чем тут дело и каковы будут результаты!

Все взоры скрестились на главе ведомства по внешней политике. Но тот, как лучший артист Императорского театра, выдержал мучительную паузу, протомив всех в ожидании, и заговорил глухим баском, в котором — о чудо из дивных чудес — на этот раз совершенно не присутствовали малороссийские словечки.

— За землю можно и денежками рассчитаться, но оно нам надо? Вот я видел, как в Киеве початками торговали, и с гнильцой-то они были, но все взяли. Вот так и мы. Испанцы сейчас воюют, на заморских землях у них маятно, революционеры там объявились, независимости требуют. Вот Годой-то от лишней земли и отказывается, населения-то там нет совсем, как пустые владения в руках удержишь?

Обычная, пространственная речь Безбородько, как всегда, привлекла к себе внимание. Все напряженно его слушали, зная, что за словесными кружевами последует разящий удар откровения: за внешней простотой малоросса, на чем уже неоднократно обжигались иностранные дипломаты, скрываются отточенный ум и невероятное византийское коварство.

Ямайка

— Ты, главное, не дергайся, мы их сейчас теплыми возьмем! Да не суетись ты, сами все сделают, как надо!

Горячее дыхание Алехана опалило ухо, и Николай замер, видя как черные тени «ближников», беззвучно ступая, прокрались на территорию усадьбы английского губернатора...

— А теперь пошли, сынок, там началось веселье!

Николай рванулся, не в силах сдержать нетерпение, но железная рука Алехана остановила его порыв.

— Куда прешь поперек батьки в пекло? Они без нас управятся, мы только шума понаделаем! А тут надо тихо, ножичками, мать их, ножичками, чтоб ни одна тварь не ушла!

Николай кивнул и уже медленнее пошел к приоткрытой калитке, стараясь беззвучно ступать на каменистую дорожку, освещенную печальной луной.

Сразу в проеме он наступил на лежащее тело, немного в стороне, прислонившись к стене, сидел другой английский солдат — оба были заколоты. Далее Николай наткнулся на тела двух собак: четвероногие сторожа разделили участь своих хозяев.

«Ничего себе, умельцы у тестюшки! Не то что люди, ни одна псина не тявкнула, всех тихо

порешили!»

Николай Петрович долго служил в американских стрелках и видел, как солдаты умеют скрадывать противника, находиться в засадах, тихо идти по лесу, распутывая следы. Но то, что сейчас увидел, было непостижимо. Стояла густая могильная тишина. Единственный звук, который он слышал, — бешеный перестук собственного сердца.

В двухэтажном здании усадьбы, похожем на дворец, царил мрак и осязаемый запах смерти. Николай боялся даже приглядываться по сторонам, но понимал, что «ближники» Алехана будут в точности выполнять безжалостный приказ наместника — все англичане в доме, невзирая на возраст и пол, обречены на заклятие.

— Не ходи туда, ваше величество, к чему на смерть смотреть?!

Николая Петровича остановил тихий голос, когда он собрался открыть дверь комнаты.

— Где мои? — задал он вопрос в темноту.

— Казаки за ключами пошли, в подвале держат ее величество и наследника. Дверь туда заперта, но мы сейчас ее вскроем без шума, пойдемте, государь. Там они!

Сильная рука подхватила Николая под локоть и повела по коридору. Затем неожиданно стало шумно, послышались голоса, а откуда-то снизу пошли блики желтого света.

Николай, уже не сдерживаясь, кинулся по лестнице, рискуя споткнуться и разбить голову. В два прыжка преодолев пролет, он вихрем ворвался в освещенную факелами комнату и тут же услышал два родных голоса, самозабвенно кричащих:

— Папа...

— Деда!

Посреди комнаты стоял Алехан, прижимавший двумя руками к своей могучей груди дочь и внука. В дрожащем свете факела Николай увидел, как по изуродованному лицу богатыря текут слезы...

Калькутта

— Полковник Пирс, помощник коменданта!

— Генерал-майор Бонапартов, у меня ультиматум к командующему генералу Брэду!

Наполеон протянул запечатанный конверт английскому офицеру, но тот, к его искреннему удивлению, сразу вскрыл, вытащив одинокий белый листок бумаги.

— Ваш фельдмаршал, как всегда, образец лаконичности, генерал! — Полковник растерянно смотрел на шесть слов, написанных мелким небрежным почерком. — Я единственный в Калькутте, кто изучал русский язык, но, к сожалению, не могу понять, что здесь написано. У вас нет английского перевода текста?

— К сожалению, полковник! — Бонапарт пожал плечами. — Но могу прочитать, что написал фельдмаршал — «Час — воля, выстрел — неволя, штурм — смерть!»

Англичанин задумчиво поморщил лоб, еще раз впился глазами в бумагу, пожевал губами, словно пробуя на вкус слова, и поднял ясные глаза на русского генерала.

— Третье условие мне понятно — если вы пойдете на штурм, то всех нас перебьете. Так, генерал?

— Не совсем, полковник, мы не будем принимать капитуляцию гарнизона. А милосердие зависит от солдат, но сами понимаете...

— Да, да, конечно! — Англичанин равнодушно пожал плечами.

Все, кто хоть один раз штурмовал вражеские крепости, прекрасно понимали, что разъяренные солдаты, взбешенные потерями, никогда и никого не щадят. Недаром сложилась традиция — на три дня отдавать захваченные города на разграбление.

— А что есть такое «воля»? Я не понимаю смысл этого слова.

— Воля? — Наполеон на секунду задумался, в английском языке действительно не было такого слова, и потому он мучительно подыскивал подходящий синоним. — Воля есть свобода. Если вы поднимете белый флаг, то можете отправляться куда хотите, но только со знаменами и ружьями. Пушки и имущество есть наша добыча! Если вы этого решения не примете, то мы будем штурмовать крепость.

— Но тогда позвольте, генерал, но что такое «неволя»?

— Как только мы начнем стрелять из наших пушек, вы быстро оцените их мощь и успеете до штурма капитулировать! — терпеливо пояснил Бонапарт и с нескрываемым злорадством добавил: — Вы можете успеть капитулировать до приступа! Но тогда солдат и офицеров ждет плен, и никаких вам знамен, ружей и прочих привилегий, что полагаются при почетной сдаче.

— Наша крепость выдержит любую осаду!

— Полноте, полковник, я перетопил корабли вашего адмирала Нельсона в Дарданеллах. Они, думаю, оказали куда большее сопротивление, чем это убожество, которое вы называете крепостью! Вы же ее строили против туземцев, которые не имеют пушек, она не выдержит правильной осады. Хайдарабад простоял всего день, мы развалили все стены и начисто истребили гарнизон. То же самое сделаем завтра и с Калькуттой!

Наполеон издевательски поклонился полковнику Пирсу, у того, несмотря на привитую английскую невозмутимость, заходили желваки на скулах.

Участь Хайдарабада, где была беспощадно вырезана лучшая половина британской колониальной армии, произвела на английских офицеров неизгладимое впечатление.

— Да, кстати, — Наполеон кивнул на прощание, — первыми на штурм пойдут майсуры, они давно жаждут свести с вами счеты! За ними — наши казаки. Теперь, надеюсь, вы представляете, что ожидает вас и ваши семьи?! Так что в ваших интересах не доводить дело до крайности. Честь имею!

Стокгольм

— Мама, неужели это та самая шпага?

Юный король с восхищением провел пальцами по серебристой стали клинка, не в силах оторваться от оружия.

— Та самая, Густав! Ее дал моему отцу король Карл, ты знаешь — это не легенда...

Екатерина Петровна посмотрела на сына с улыбкой, тот вырослел не по дням, а по часам, а потому на душе молодой женщины было и радостно, и грустно одновременно. Пройдет немного времени, она перестанет быть регентом при собственном сыне, превратившись в королеву-мать. Юному Густаву, ставшему мужчиной, будет принадлежать будущее этой страны, которую, как ни странно, она полюбила всем сердцем.

— Сколько же ею сразили врагов?!

Королева печально улыбнулась, глядя в восторженные глаза сына, который продолжал рассматривать шпагу, не желая выпускать ее из рук ни на секунду. Впрочем, искренний восторг короля разделяли и три борзых. Подросшие щенки прыгали, норовя ухватить Густава за желтые обшлага. Псины стали подарком из Петербурга взамен тех, погибших, но спасших королевскую семью от отравителя.

Граф Мориц Армфельд быстро произвел следствие. Вот только второй помощник повара ускользнул от наказания королевского суда, но не избежал кары — его труп выловили у набережной. В спине торчал кинжал — кто-то из организаторов пытался в прямом и переносном смысле спрятать концы в воду.

Все следы вели в английское посольство, только с доказательствами дело было плохо, и потому английскому дипломату вручили ноту с объявлением войны, достойным ответом на вероломное нападение британского флота, и выслали из страны вон...

— Мама, ты меня не слышишь?

— Да, Густав... — очнулась от размышлений королева, снова взглянув в широко распахнутые глаза сына.

— Я спрашивал, ваше величество, сколько врагов сразил этой шпагой король Карл?

— Я не знаю, Густав, — печально улыбнулась королева, испытывая желание поцеловать сына, — но мой отец, твой дед, которому король дал эту шпагу, сражался с ней в Петергофе и Гостилицах, разил ей янычар на Кагуле, где получил сильную рану. Эта сталь видела зарево Константинополя и недавно снова обогрилась кровью...

— Когда это случилось?! — Глаза юного короля сияли восторгом.

— Твоего деда, как и нас с тобой, пытались убить люди, подкупленные английским золотом. Их было только семеро иуд, им посулили полмиллиона гиней. Твоего деда заманили на болота и напали...

— Не может быть! — Глаза мальчика восторженно сияли. — Их же было семеро, а он один и старик!

— Со стариком ты загнул! — перешла на русский язык Екатерина Петровна. — Твой дед — старый воин, и он их зарезал в том бою, получив множество ран. Но король Карл снова ему помог, исцелив...

— Мама, мама, расскажи, что там было!

Сын очень любил слушать о подвигах древних героев, а тут не легенда, а самая настоящая действительность, мистическая, загадочная, но в которую верили все.

— Отец почти ничего мне не сказал, я знаю только то, что написала твоя бабушка. Но вот этот платок — твой!

Королева открыла шкатулку и достала из нее белый платок с красными разводами пятен и золотыми львами по углам.

— Им были перевязаны раны твоего деда на том болоте, и сделал это король Карл!

— Он был тоже там, на болоте? Ну почему без меня? Я так хочу с ним встретиться!

Юный король чуть не плакал от огорчения, но, взяв платок в тонкие мальчишеские руки, и хорошо разглядев на нем кровавые пятна, благоговейно прикоснулся губами к ткани.

— Это святыня, мама! Я горжусь, что мой дед великий воин!

Мангалуру

— Мы пришли, капитан, это Мангалуру!

Иван Федорович ожидал увидеть обычную туземную гавань, которую он представлял просто — уютная бухта, пальмы, хижины, покрытые тростником, несколько каменных храмов: Именно такие он не раз видел на литографиях.

К своему сожалению, кругосветное путешествие он так и не совершил, а на Тихий океан последовал через пролив у Огненной Земли и вдоль западного побережья всей Америки.

Однако то, что предстало перед глазами, потрясло бывалого моряка. За исключением Петропавловской крепости, сравнивать было не с чем. Русские гавани на Тихом океане имели наспех построенные и довольно примитивные укрепления, лишь некоторые из них могли похвастаться мощными береговыми укреплениями.

А этот первый увиденный им индийский порт представлял собой серьезнейшую крепость. К каменным стенам старинной цитадели, построенной древними мастерами, примыкали вполне

современные бастионы, на валах которых угрожающе топорщились орудийные стволы артиллерийских батарей. Таким укреплениям можно было только позавидовать, если бы они высились у Ново-Архангельска или в Петровской гавани.

— Британцы пять раз пытались захватить Мангалуру, капитан, — голландец, как всегда, был невозмутим, — но майсуры удержали за собой крепость. Вначале при нашей поддержке, потом помогали французы. Но позже их вышибли из Бенгалии, и вот уже двадцать лет британцы пытаются овладеть гаванью. Только ничего у них не выходит!

— Почему?

Крузенштерн не скрывал своего интереса.

— У майсуров современная армия, ничем не хуже европейской. Все началось полвека назад, при махарадже Хайдер Али. Его со всех сторон стесняли враги, и он обратился за помощью к французам. А потому сорок лет назад англичане обломали зубы, начав первую войну. Но они не успокоились — сами знаете, насколько это упрямый народ. Однако десять лет с майсурами не воевали, ибо сначала решили вытеснить французов, дабы туземцы лишились помощи. Но было уже поздно — майсуры перестали быть дикарями, к тому же у них появилось очень много хорошего оружия. Даже ваши русские скорострельные винтовки и пушки. Да и мы тоже провозили оружие, дабы сбить спесь с Ост-Индской компании.

«А заодно отодвинуть извечных конкурентов и врагов в сторону! Да и продажа оружия приносит значительно больше прибыли, чем торговля тем же металлом или тканями!»

Однако Иван Федорович ничего не сказал голландцу, продолжая пристально смотреть на массивные стены цитадели. Там на высокую мачту полз зеленый с желтыми и красными полосами флаг. Крузенштерн отчетливо приказал артиллерийскому офицеру:

— Дать пароль!

И тут же с секундным интервалом на баке рывкнули две пушки, выпуская густые клубы белого дыма. И не успело сердце отстучать десять биений, как прозвучал еще один залп, но уже из ютового орудия. В крепости тут же оживились, по стенам забегали люди.

Немного ошарашенный Крузенштерн с нескрываемым удивлением рассматривал их защитную одежду, отдаленно похожую на форму российской армии. Только на головах вместо фуражек были тюрбаны, но тоже из светло-зеленой материи. С башни цитадели дважды выстрелили пушки, спустя полминуты прозвучал еще один сдвоенный залп.

— Нас ждут, господа! — Крузенштерн повернулся к офицерам. — Вот и окончание трудному плаванью, мы пришли в порт назначения...

Петербург

— Денежки Годую на что нужны, товарищи? Кораблики прикупить, ибо англичане их флот здорово потрепали. Та оружие всякое, та исчо справу воинскую, как скажут — шо маемо, то маемо. Мятежи усмирять хочет, войска отправить за море. Так почто ему золото отдавать, лучше уж продать то, что нам самим не надобно!

— А что нам не нужно?

— Ружей у нас много, что с дула заряжаются, вот все и отдадим! Порох там, пули расширяющиеся. От хлама избавляться нужно? Нужно! Армия наша винтовки новые получила...

— Я думаю, Александр Андреевич здесь прав! — подал голос Аракчеев. — У меня по росписи числится много складов и арсеналов с припасами воинскими, кои заменить нужно. Считаю, что можно вооружить союзника старым, ненужным для нас оружием.

Все присутствующие за столом молчаливыми кивками выразили свое согласие, лишь

только хмурый Потемкин, сильно недолголюбивающий министра иностранных дел, уточнил:

— А хватит ли ружей на оплату?

— Не-е! — безмятежно произнес Безбородько. — Их и оснастки воинской на три миллиона всего!

— А где ж ты еще на двенадцать миллионов товара возьмешь?!

— Та, Григорий Александрович, — Безбородько так же безмятежно улыбнулся, как раньше, — флот треба продать! Восемь корабликов линейных, фрегатов полдюжины, да с десятков мелких корветов и бригов...

Все присутствующие разинули рты, не в силах поверить услышанному. Генералы Кутузов с Измайловым готовы были кинуться на министра, а единственный глаз Потемкина чуть не выкатился из глазницы, настолько он выпучился. «Амурский хозяин» вскочил на ноги, и, подняв свои огромные кулаки, проревел:

— Ах ты, хохол широкий! Ты что удумал, старая перечница?! Наши солдаты в Англию на плотах по твоей милости поплывут?!

Потемкин сильно недолголюбил Безбородько, а тот платил ему той же монетой — оба имели малороссийские корни, а потому их перепалки на «мове» были крайне заняты. В иное время Петр с удовольствием бы послушал взаимные обличения, но не сейчас, когда решался столь важный для будущего державы вопрос.

— А ну-ка успокойтесь! Сядь, Григорий Александрович, на место, нечего здесь свои кулаки показывать! И ты, Александр Андреевич, утихомирься! Ишь ты, шипишь, как кошка на собаку. Вы члены Госсовета, а не торговцы гнилой капустой на базаре!

Властный голос императора охладил спорщиков, и, уже не рискуя продолжать пререкания, они с обиженным видом молча уселись в кресла, недовольно косясь друг на друга. Петр же продолжил говорить, медленно произнося каждое слово.

— Мы имеем четырнадцать кораблей, оснащенных паровыми машинами. Через год их число удвоится. А посему, подумайте, где мы возьмем подготовленные для них команды? А если я объявлю призыв резервистов флота, то Англия немедленно насторожится, а кораблей у нее намного больше, как и верфей. А потому возникает сложная проблема — как сделать так, чтобы британцы уверились в том, что мы не готовим высадку на их острова, и до последнего часа сохраняли эту убежденность?

Петр встал, прошелся мимо стола — он единственный, кто мог это спокойно сделать, и все молчаливо признавали за ним на то право. Император посмотрел на Безбородько, и тот правильно понял взгляд. Медленно, четко и раздельно, будто на приеме, министр заговорил:

— Вопрос по продаже согласован с адмиралом Ушаковым! Федор Федорович сам предложил продать корабли, которые флот выводит из своего состава. На них нет паровых машин, и вооружены они пушками, что предполагается заменить. Мы продадим Испании то, что нам абсолютно не нужно, и получим за это значительные владения, которые станут опорой нашим кораблям в океане!

Все с настороженным изумлением слушали Безбородько, тот неожиданно заговорил так, словно озвучивал текст, лично написанный императором, — это было непривычно.

— Позвольте, я добавлю! — теперь вмешался и Петр. — Мы не только избавимся от рухляди, но и очень выгодно ее обменяем. А теперь разрешите задать вам всего один вопрос. Как решат наши враги, когда узнают, что, вместо того чтобы усиливать флот, мы распродаем корабли? Могут ли они заподозрить нас, что в такой ситуации мы готовим высадку на Туманный Альбион? Неужели в предложении Александра Андреевича совершить этот обмен с Испанией есть что-либо не выгодное для России?

— Хитер! — Потемкин помотал головой. — Даже я, государь, на это купился и всерьез

воспринял! Хитер жук, всех обманет, раз мы сами все за чистую монету приняли! Дипломат, одно слово...

Словно по мановению волшебной палочки напряжение в зале сразу исчезло. Все стали перешептываться между собой, поглядывая на императора и министра иностранных дел, ожидая от них продолжения.

— У нас есть полтора года, — первым начал Петр, — дабы подготовиться к высадке как можно лучше. Михаил Илларионович вам уже объяснил, почему мы должны поторопиться. Кое-какие меры мы приняли заблаговременно: на датских, шведских верфях уже заложены два десятка паровых кораблей. Не линкоров, конечно, но броненосцы и канонерские лодки. Все они с паровыми машинами и обшиты железом. Кроме того, я уже повелел ускорить достройку всех наших линейных кораблей и приступить к закладке большого числа канонерок и транспортов для перевозки солдат.

Петр остановился, перевел дыхание — время от времени его начинала мучить отдышка, и, усевшись за стол, властно закончил свой непродолжительный монолог:

— Думаю, и наши союзники французы соберут достаточный флот для вторжения. Так что не вижу ничего трудного в этой попытке высадиться на берега Англии. Главное, сберечь все в строгой тайне! Тогда мы раз и навсегда обеспечим будущее державы Российской!

Ямайка

Никогда еще в жизни капитан фрегата Родриго де Хименес не водил столь большой эскадры. Из Веракруса вышли два старых линейных корабля, слабых, вооруженных лишь 54 пушками каждый, столь же дряхлый фрегат и три брига.

С ними отправились в плавание два новеньких русских корвета и потрепанный французский фрегат: жалкие осколки союзного флота, укрывшиеся в портах Мексики.

Официально Испания не воевала с Англией, но это не помешало британскому флоту атаковать Кадис, уничтожить большую часть линейных кораблей короны.

Одновременно англичане в том же злосчастном июне начали безжалостную охоту на все корабли, идущие под испанским, французским, русским, датским и шведским флагами.

Как обстоят дела в других точках мира, Хименес не знал, но вот в Карибском море корабли с красным крестом святого Георгия на белом фоне флага полностью упрочили свое господство.

И вот сейчас Испания платила ответной монетой, собрав оставшиеся крохи своего флота и с помощью союзников решив атаковать главный центр британских владений в Вест-Индии — Кингстон.

И этот безумный рейд на Ямайку возглавил он, старый неприметный моряк, три десятка лет бороздивший океаны. Метрополия не баловала своих офицеров, служивших ей в многочисленных колониях.

Получить чин майора в армии или капитана де корвета на флоте с трудом удавалось к сорока годам, и то в лучшем и редком случае. Про адмиральские и генеральские чины и говорить не приходилось — Мадрид жаловал только своих, и никчемные аристократы, молодые и бестолковые, все заслуги которых были лишь в происхождении, значили для столичных властей куда больше, нежели старые и опытные вояки, много лет тянувшие суровую лямку службы.

— Может, при императоре Петре будет лучше?

Хименес задумчиво посмотрел на сидящих на палубе суровых солдат из десанта — русские, прошедшие пешком всю Мексику с запада на восток, вызывали уважение. И с англичанами дерутся безжалостно, их месть за разрушение Форта Росс будет страшной.

С такими можно служить вместе, плечо к плечу, а их государь никогда не даст прозябать своим новым подданным. А он сам этим дерзким набегом приобретет в «Царстве Сибирском» неплохую репутацию, что поможет получить достойный возраста чин.

«Хорошо бы альмиранте!»

Родриго решил для себя твердо — если северные провинции Мексики перейдут России, то он, как и многие кабальеры, охотно пойдет на русскую службу — лучше жить в сильной и могущественной империи, чем в дряхлеющей монархии, в которой вечно неладно и лучшей жизни уже никогда не будет — только еще хуже!

— Синьор капитан! Ямайка!

Хименес зловеще улыбнулся — его отряд прибыл вовремя. Вряд ли англичане ожидают неожиданного нападения. Тем хуже для них — недаром у русских есть поговорка насчет долга и его платежа...

Калькутта

Поход в Индию русско-французского экспедиционного корпуса проходил на удивление удачно. Персидский шахиншах не только пропустил союзные войска по своей территории, но и оказывал всяческую помощь, предоставляя продовольствие и верблюдов для караванов.

Войска шли по заранее проложенным маршрутам, которые были заблаговременно подготовлены офицерами русского генерального штаба, что долгое время под различными личинами жили в Персии и создали разветвленную сеть агентуры из купцов, мелких торговцев, дервишей и прочих обывателей, живущих размеренно или беспорядочно, но любящих звон металла, который почему-то именуется «презренным».

Нет, шпионаж с предварительным сбором информации о противнике во все времена являлся делом крайне нужным и полезным, но вот его размах показался Бонапарту поистине всеобъемлющим.

Только сейчас, став начальником штаба у Суворова, Наполеон понял, как нужно готовиться к войне!

Кроме рутинных приготовлений, известных каждому военному, есть две вещи, которые необходимо постоянно использовать, ибо эффект дают просто поразительный.

Разведка стояла на первом месте, но на втором, не менее важном, организация союзных войск и подготовка, как выразился император, давая Бонапарту свои напутствия, «пятой колонны». И только здесь, в Индии, Наполеон понял, что скрывалось за столь мудреным, зашифрованным термином.

Русско-французский экспедиционный корпус ждали в княжестве Майсур, которому тайком долгие годы через французских и голландских торговцев оказывалась помощь из России, а потому шпионская сеть здесь была всепроникающей. Одно дело — работать иностранцу, который сразу подпадет под подозрение, и другое дело — местным жителям, которые знают все ходы и выходы, умеют втереться в доверие и раздобыть нужную информацию.

Кроме княжества на стороне союзников выступила могущественная Маратхская конфедерация, так что объединенные силы оказались внушительными, и в битве при Хайдарабаде пять тысяч англичан и их союзники были полностью разгромлены, город взят штурмом и подвергнут тотальному разгрому. Особенно старались майсуры, имевшие к местному населению длинный список обид и давних счетов.

Сейчас экспедиционный корпус получил подкрепление из пяти тысяч казаков под командованием Платова, который проделал чрезвычайно трудный путь через пески Бухары и афганские горы, с немалыми потерями и трудами, где с боем, а где с уговорами, добрался до

Индии...

— Они сдались, Павлуша!

Суворов ворвался в шатер, как вихрь. Новость оказалась радостной, вот только лицо фельдмаршала выглядело опечаленно. Наполеона это озадачило, но посыпавшиеся слова разъяснили ситуацию.

— Я не могу получать ордена за этих бездельников, которые не желают сражаться. Стыдно! Суворов — не попрошайка!

Фельдмаршал перепрыгнул через стул, затем через диванчик и бодрой, совсем не стариковской походкой выскочил из шатра.

Наполеон улыбнулся. Он теперь узнал уязвимое место, «ахиллесову пяту» Александра Васильевича, состоящее из двух противоречивых чувств — тщеславия и гордости.

Победы в Индии все же никак не тянули на заветную Георгиевскую ленту, которую еще никто не получил. И если император получил орден ниже классом за взятие Константинополя, а сам Александр Васильевич стал кавалером такого же креста за полный разгром стотысячной турецкой армии, то тут пропорция противников совсем иная.

Против тридцати тысяч русских и французов, да еще при поддержке вдвое большего числа индусов, победить семь тысяч англичан в Калькутте, у которых осталось едва десять тысяч сипаев, ибо остальное бенгальское воинство разбежалось, — не запредельная по своей трудности задача, а даже совсем наоборот.

Тут Суворов полностью прав — стыдно будет, в Петербурге даже куры засмеют. Получить первым в российской армии черно-оранжевую ленту, и за что?! Здесь и Анненская была бы очень достойной наградой, ну, может, с добавлением алмазов к ордену и кресту.

Прав император, когда постоянно приговаривает: «Уровень не тот! Нечистая работа!»

Мангалуру

— Ничего себе!

Крузенштерн с изумлением рассматривал мощные крепостные укрепления: здесь его поражало все. Он ожидал увидеть старинные бомбарды времен плавания Васко да Гамы, допотопные фальконеты или в лучшем случае полевые пушки, захваченные в сражениях у англичан.

— И откуда они их взяли?

Сейчас моряк прямо таращился на знакомые 36-фунтовые дальнобойные морские пушки с родным клеймом «Олонец 1784 год».

Да и туземцы больше походили на вышколенных стрелков американских рот — поджарые, в легком обмундировании, они были поголовно вооружены русскими дульнозарядными штуцерами с кремневыми замками. Однако стоящая у двухэтажного здания охрана взяла на «караул» перед морским офицером уже барабанные винтовки Кулибина с примкнутыми кинжальными штыками, на лезвиях которых ходили блики.

— Ничего себе здесь порядочки! — задумчиво пробормотал Иван Федорович себе под нос. — Какие там туземцы?!

То, что Крузенштерн сейчас увидел, больше походило на хорошо обученных где-нибудь в Кенигсберге русских солдат. И если бы не смуглые лица, пальмы и жара, тюрбаны с сандалиями да долгое плавание по южным морям, то так бы он и подумал.

В кабинете коменданта было прохладно, мебель стояла почти европейская, исключением были маленькие фигурки слоников, какие-то статуэтки танцовщиц да пара золотых масок местных божков, один из которых прижимал к животу сразу шесть рук.

Благообразный туземец преклонных лет, смуглый лицом, с седой головой, но с видимой военной выправкой, легко поднялся из кресла и вышел из-за стола навстречу.

— Российского императорского флота капитан второго ранга Крузенштерн!

Иван Федорович четко отдал положенное по уставу воинское приветствие, прикоснувшись сжатыми пальцами к козырьку фуражки, и смерил взглядом индуса, что с каким-то задумчивым видом и выступившими на глазах слезами смотрел на него.

«Что это со стариком происходит! Тронулся, что ли? Так не похоже... И на каком языке с ним разговаривать прикажете? Туземных наречий не знаю, а русским он не владеет. Может, на английской речи беседовать будем? Все же они с ними долго воюют и должны язык врага знать, а толмача в кабинете нет. Но, может, позже подойдет?!»

Крузенштерн продолжал молча стоять, не в силах выбрать какое-либо решение — раз уж он представился, то так же должен сделать и майсурский офицер, наверняка имеющий намного больший чин, чем он, — судя по возрасту, полковник или генерал.

У индуса по щекам уже текли слезы. Он подошел к моряку вплотную и неожиданно обнял, крепко сдавив руками, тихим шепотом, немного неправильно произнося русские слова:

— Сколько же мы вас здесь ждали! Бог ты мой! Наконец то вы пришли! Наши...

Яффа

— Божественно!

Никогда еще Уильям Паркер не предполагал, что лицезрение заходящего солнца может принести удовлетворение. Теперь, после выпитого стакана виски, его душа успокоилась, и адмирал, впав в непонятный для себя транс, смотрел на багровый диск солнца, заходящего в темно-синюю гладь моря. Длинные розовые полосы света, словно неведомые дороги, уперлись в крепкий борт его флагманского «Центуриона».

Экипаж откровенно изнывал от безделья, слоняясь по палубам, принимая участие в матросских забавах — но не столь активное, как раньше.

Офицеры откровенно скучали, пресыщенно рассматривая крепость, где еще оборонялся упрямый русский гарнизон, да выжженные солнцем холмы. Адмирал тоже глянул на эту набившую оскомину картину и скривился лицом, не скрывая своего отвращения.

— Земля обетованная, земля обетованная! И что в ней нашли, спрашивается?! Жара, немые дикари и мухи!

Паркер громко выругался, проклиная свою несчастливую звезду: угораздило же на старости лет попасть в эти края, забытые богом и людьми.

Страшно подумать, что пятьсот лет тому назад здесь кипели нешуточные страсти, гремели битвы, рекою текла кровь. Рыцари доблестного английского короля Ричарда Львиное Сердце ходили в атаки на сарацин, пытаясь отвоевать Гроб Господень.

Сейчас же сплошное непотребство, сонная азиатская жизнь, все обрыдло, осточертело! А он так надеялся встретить здесь большую русскую эскадру, отважно напасть на нее и услышать долгожданные слова:

«Сэр Уильям, за вашу доблесть вы достойны самой почетной награды!» И тут в воображении нарисовалась орденская звезда на широкой ленте, и душа адмирала содрогнулась в ликовании...

— Сэр, посмотрите!

Громкий вскрик флаг-офицера вывел Уильяма из состояния розового сна. Паркер встряхнул головой, прогоняя видение, посмотрел на норд-вест, куда протягивал руку британский офицер.

— Годдем!!!

Адмирал почувствовал, как волосы на голове встали дыбом, да и все моряки, ползавшие до этого по палубе, как сонные мухи, моментально оживились и столпились у борта, напряженно смотря вдаль.

Возбуждение нарастало, и команда спустя несколько секунд стала напоминать растревоженный медведем улей. Паркер все стоял в полном оцепенении, не в силах поверить собственным глазам.

С норд-веста шли дымы, много дымов!

Только одни корабли могли быть оборудованы этим порождением сатаны — паровыми машинами. Ужас нарастал, постепенно захлестывая все естество, — еще раз сражаться с таким противником английский адмирал не желал категорически. Не с его древней рухлядью пытаться противостоять целой эскадре — искать спасения нужно в бегстве. Вот только ветер совсем слабый, но хотя бы стоит попытаться.

— Проклятые русские! — пробормотал адмирал и неожиданно взревел тонким, внезапно осевшим голосом. — Свистать всех наверх! Поднять паруса! С якоря сниматься!

Петербург

— Михаил Богданович, как вы смотрите на то обстоятельство, что вам необходимо сдать дивизию?

Петр с интересом смотрел на сидящего перед ним сорокалетнего генерал-майора. Сухое некрасивое лицо, лоб с большими залысинами, пристальный взгляд умных глаз.

— Государь, если бы я не был уверен в том, что моя служба угодна вашему императорскому величеству, то сейчас бы подумал, что речь идет о моей отставке.

Император усмехнулся: генерал Барклай де Толли оказался догадливее, чем он предполагал, — что и говорить, матерый военный, прошедший службу с низов, храбрый, но при этом расчетливый и осторожный. Такой никогда не поведет своих солдат на убой и обязательно, не мытьем так катаньем, добьется победы.

Взять хотя бы Отечественную войну 1812 года, что случилась в реальной истории. Тогда Михаил Богданович занимал пост военного министра, и ему хватило воли и мужества претворить свой план в жизнь — заманить Наполеона как можно глубже в Россию, обессилить французов отступлением и длительным переходом по «выжженной земле» и лишь потом перейти в контрнаступление.

Понятно, что большинство русских генералов не приветствовали такую скифскую тактику, и император Александр вынужден был отставить Барклая де Толли с песта главнокомандующего. Упрямый шотландец, уходя, бросил занимательную фразу: «Я воз на гору втащил, теперь он сам скатится!»

Победа не осталась сиротой, Кутузов блестяще довел до логической развязки план Барклая. Именно такой генерал сейчас нужен был Петру до зарезу в задуманном предприятии.

— Вы прекрасно справились с дивизией, Михаил Богданович, а потому я назначаю вас командиром, — Петр сделал артистическую паузу и закончил очень серьезным голосом, дабы его слова не приняли за издевку, — батальона. Какие будут у вас соображения?

Барклай де Толли на минуту задумался, на покато лбу собрались морщины, потом улыбнулся тонкими губами и заговорил, пристально глядя в глаза Петра:

— Ваше императорское величество, я думаю, батальон этот именуется шотландским?! Вы обратили мое внимание на мои корни рода Барклаев из этой страны. Да, мой предок Питер Барклай поддержал Карла Стюарта, а после казни короля, когда Кромвель, лорд-протектор Англии, бросил свои войска на Шотландию, бежал в Ригу. Дед Вильгельм стал бургомистром

этого города, да и фамилия наша получила лифляндскую приставку. Я уже не шотландец, ваше величество, и связи с далекой прародиной практически оборваны. Могу ли я выполнить возложенные на меня поручения, в моих ли это будет силах?

— Хм... Вы даете, генерал, не ожидал! — Петр совершенно искренне рассмеялся. — Батальон шотландской гвардии действительно будет сформирован, но только через месяц. Его командиром я хочу назначить вас!

— Ваше величество, плененные на Соловках шотландцы отказались от английской присяги, и их почему-то снова вооружили и для чего-то держат в Петрозаводске. Из армии выдергивают всех офицеров, имеющих шотландские корни, и направляют в этот город. Мы сейчас воюем с Англией, а шотландцы, хоть и покорены, ненавидят своих поработителей, так что не нужно быть большим провидцем, государь!

Петр тяжело встал из-за стола, медленно прошелся по кабинету, вытащил пальцами папиросу из коробки, постучал мундштук о ноготь, привычно смял и закурил.

Ему сейчас было и приятно, и горько; приятно от того, что он не ошибся с выбором и подобрал умного полководца, и горько от понимания, что если его просчитал этот шотландец, то так же могут понять его задумку и те, кто любит завтракать овсянкой и пудингом.

— Россия, Михаил Богданович, как вы знаете, давно привечает у себя шотландцев, даже очень давно. Сейчас тем более, ибо враг Англии — наш друг, ну если не друг, то союзник. По меньшей мере... Вы знаете, что двадцать лет назад англичане нанесли нам поражение, вы же сами участвовали в той войне и видели все собственными глазами. Не обменявшись с британцами выстрелами, мы отступили от Константинополя. С тех дней нет врага более упорного, чем я!

Где только возможно, мы вредим англичанам всеми способами, в любых странах и континентах. Но то не смертельно, ибо вредим им на окраинах, а сейчас нужно нанести удар по самой Англии! Как вы думаете, генерал, это можно сделать?

— Государь, высадить десант в Шотландии можно, но даже если шотландцы и поднимут восстание против англичан, а мы сможем их вооружить, успеха не будет, силы слишком неравные! Да и поднимутся ли горцы на мятеж, вот в чем вопрос?

— Поднимутся, поднимутся, Михаил Богданович, они обязательно поднимутся! Мы уже три десятилетия тайком разжигаем там соответствующие настроения, так что восстание полыхнет, будьте уверены, как только ваши солдаты сойдут на берег. Заодно против англичан поднимется и «Изумрудный остров». Открою вам маленький секрет — в Париже сейчас охотно привечают, вооружают и снаряжают фениев.

— Да, государь, если одновременно с Шотландией восстанет и Ирландия, то шансы увеличатся, но вряд ли намного. Без поддержки извне восстание будет рано или поздно подавлено!

— А вот сейчас, Михаил Богданович, мы подошли к самому интересному. То, что я вам скажу, в империи знают всего несколько человек, так что разговор должен остаться между нами.

Петру понравилось, что Барклай только легко кивнул в ответ на его предостережение — да и зачем брать слово чести с человека, который и так дал присягу служить честно и верно.

— В конце июня, то есть через полтора года, наша и французская армии высадятся в Англии. С этой войной нужно покончить одним мощным ударом! Возможно, мы понесем большие потери, а потому очень важно, чтобы англичане заблаговременно перебросили свои лучшие войска в Ирландию и Шотландию для борьбы с мятежниками. Именно от успеха вашего предприятия, Михаил Богданович, зависит успех высадки.

— Государь, распоряжайтесь мною, как заблагорассудите, выполню любой ваш приказ!

— Сейчас собрано около тысячи шотландцев. Половина солдат, половина моряков, плененных после сражения при Копенгагене. А также два десятка офицеров, скажем так, русского происхождения. Ваша задача, Михаил Богданович, в следующем: разработать детальный план мероприятий по высадке, дать все необходимые росписи требуемого, и главное, Михаил Богданович, как можно быстрее восстановите язык своей далекой прародины, дабы свободно изъясняться со своими соотечественниками.

— Я понял, государь! Когда состоится высадка?

— У вас есть чуть больше года на подготовку, но дата высадки не позже февраля-марта. Надеюсь, времени достаточно?

— Да, государь, вполне!

Барклай встал, видя, что император заканчивает разговор. Петр подошел к нему вплотную:

— Михаил Богданович, вы русский офицер, и неважно, кто ваши предки, для меня сейчас главное, чтобы вы не вступили в сделку со своей совестью дворянина и офицера. Если вам не по сердцу эта экспедиция или вы не хотите скрестить шпагу с бывшими соотечественниками, коими можете назвать и англичан, так и скажите, я все пойму.

— Ваше величество, шотландцы верно и честно служили французским королям в рядах их гвардии, и не думаю, что, присягнув русскому императору, они изменят этому правилу! Я ведь тоже шотландец!

Квебек

— Мой генерал, вы, как всегда, одержали победу!

— Как бы эта победа, Мишель, не оказалась для нас пирровой!

Моро угрюмо оглядел поле сражения, впервые в жизни задумавшись над вопросом, почему люди убивают друг друга. И дело тут не во взаимном ожесточении и не только ради долга и присяги, но зачастую вообще в непонятных стремлениях.

«Французы убивают англичан ради того, чтобы на территории Канады утвердились американцы! Которые сами когда-то переселились из Англии! Что это? Возвращение старых долгов? Обоюдная ненависть? Или наоборот, два народа, как два кобеля, выясняют, кто будет доминировать на помойке?»

Моро печальным взором обвел поле сражения. Это на картинах баталистов видны атакующие солдаты, падающие раненые, лихая атака кавалерии, и все затянуто пороховым дымом.

А на войну надо смотреть вечером, когда сражение угасло, и батальная картина предстает во всем ужасе. Стоны раненых, предсмертные крики умирающих, жалобное ржание искалеченных лошадей, едкий запах пороха и вонь человеческих потрохов...

Разве можно словами описать весь этот ужас?! И кровь, всюду кровь — сладкий привкус на губах, будоражащий запах в воздухе, обильные красные пятна на одежде. Война, будь она проклята!

— Мишель, приказ. Передайте в штаб лекарю, чтобы собрали всех раненых, иначе они замерзнут!

Моро почернел лицом, опытным взглядом окидывая небольшое поле, на котором с увлечением резали, стреляли и кололи друг друга англичане с французами. Теперь павших накрывали хлопья снега и хрипло каркали вороны, а где-то в отдалении выли волки.

И что сделать с телами убитых? Пороха мало, чтобы взрывать промерзший грунт, копать же огромную, на несколько сотен убитых, яму — чрезвычайно утомительное занятие для его уставших солдат.

Но и нельзя бросать тела на растерзание крылатым падальщикам и свирепым хищникам, иначе какой он генерал, если не заботится о последнем пристанище для своих солдат.

А их вера в него дорогого стоит!

Генерал поморщился. Левая рука болела. Шпага англичанина не только порезала рукав, но и раскроила мышцу. Жан Виктор не обращал на ранение внимания, кровь запеклась, полчаса можно потерпеть — у хирургов сейчас и так много работы.

Моро скривил губы, пересиливая боль, и тоскливо прошептал:

— Проклятая война!

Калькутта

— Я рад вас видеть, генерал!

Наполеон с интересом посмотрел на вошедшего в шатер командующего майсурской армией Раджа Капура. Смуглый, но с какими-то не индийскими чертами лица, ближе к европейским — седые короткие волосы, прямой честный взгляд. И что самое интересное — по-русски говорил намного лучше самого Бонапарта, хотя некоторый акцент присутствовал.

— Вот и все, Павел Александрович! — Индус улыбнулся. — Слово, данное государю императору сорок лет назад, сдержано!

— Какое слово? — удивленно воскликнул Наполеон, и тут его осенило. — Так вы русский?!

— Вас это удивляет, Павел Александрович?

Улыбка снова раздвинула губы индуса, но какая-то печальная, тоскливая.

— Да нет, не удивляет. Знаете, последнее время я отвык удивляться, каждый раз какие-то неожиданности... Но одно я понял твердо — эта война готовилась двадцать лет. После того как английский флот выступил в поддержку турок.

— Увеличьте этот срок вдвое, генерал, и вы не ошибетесь. Сорок лет назад меня и других гвардейских офицеров расстреляли за участие в мятеже, да-да, в том злосчастном мятеже 28 июня 1762 года.

— Вас расстреляли?! Но позвольте, вы же живы?!

— Солдаты дали залп над головой, а потом нас помиловали. Но император навсегда выслал нас из России, мы целовали крест, что послужим ему здесь и сделаем все, чтобы ослабить Англию. И это слово сдержали! Над Калькуттой — русский флаг!

— А как ваше имя?

— Радж Капур.

— Но это же псевдоним, я спрашиваю ваше настоящее имя.

— Тот молодой гвардейский поручик полег под березой, где его расстреляли. Я родился вновь, крестником стал государь, именно он дал мне это имя — Радж Капур! Как и другим моим братьям по несчастью... Хотя одному из наших досталось женское имя, но даже от него он не отказался, так и звали Индиром. А нас сейчас осталось только трое — Рабиндранат Тагор, Митхун Чакраборти и я. Двое скончались от укусов — в здешних местах много ядовитых змей и насекомых, одного растерзали крокодилы, остальные погибли в боях. Война с британцами оказалась тяжелой, изнурительной, но, как видите, успешной.

Наполеон вытаращенными глазами смотрел на индуса, да, да, именно на индуса, но с душою русского офицера. У него не укладывалось в голове: как может быть такой истовой преданность долгу?

Люди, поставленные вне закона, над которыми произвели показательную экзекуцию, сами отправились за тридевять земель выполнять данное слово, хотя перед ними был открыт весь

мир...

— Теперь, Павел Александрович, мы вечные союзники России. Завтра Типу-Султан передаст в дар императору наш самый лучший укрепленный порт — Мангалуру. Это главные ворота в Майсур, что является сердцем Индии. Дар вечный, и все майсурцы поклялись любить русских, как родных братьев!

Наполеон в задумчивости покрутил головой, ошарашенный разговором, с трудом переваривая полученную информацию. В голове крутилась только одна мысль: «А я еще полагал, что знаю этот народ! Как я ошибся! Загадочная русская душа!»

Яффа

— Смотреть тошно!

Константин Петрович с невыразимым отвращением смотрел, как солдаты сгоняют в толпу выловленных из пенного прибоя английских моряков.

Британцы прижимались друг к другу, тряслись, словно овцы при виде волков, и даже не пытались скрыть своего страха. Многие откровенно заискивали перед русскими, будь у них хвосты, виляли бы ими энергичней самой преданной собаки.

Ни один из кораблей блокирующей эскадры не ушел от русских линкоров так вовремя прибывшей эскадры Ушакова.

Штиль — вот главная беда для моряков — не позволила англичанам уйти из Яффы. Дальше был бой, короткий и жестокий, Константин Петрович собственными глазами убедился в том, какой чудовищной силой обладает на море новое оружие.

Страшно было видеть, как у борта корабля встает чудовищный водяной столб и крепкое судно разламывается буквально на глазах. Да и корабельные орудия оказались чрезвычайно опасны, куда там слабым полевым пушкам. Морская артиллерия разносила в щепки любой, даже самый большой, корабль, многочисленные пожары, вызванные взрывами бомб, довершали свое черное дело.

И лишь клубы дыма шли к небу!

Всего каких-то полчаса — и шесть кораблей были уничтожены, потоплены, взорваны, сожжены...

— Ваше величество, вы просили привести к вам флейтиста второго батальона Тихомирова? Вот он, государь!

Константин Петрович обернулся, адъютант подвел к нему маленького мальчика лет десяти, белобрысого, одетого в потрепанную военную форму, с кожаным футляром через плечо.

— Тебя как звать, солдат?

— Иван Тихомиров, сын Дмитриев, ваше величество!

Мальчик смотрел на Константина сияющими от восторга глазами — не каждый день удастся увидеть сына императора, к тому же самого настоящего царя, помазанника Божьего!

Константин Петрович вздохнул и негромко произнес:

— Погиб твой отец, Ваня. Убили османы...

— Как убили?! Тятю убили?

Мальчик сам тянул солдатскую лямку, а потому сразу понял, что произошло, но не зарыдал, даже слезинки не появилось, а лишь почернел лицом да сжал маленькие кулаки.

— Возьми! — негромко произнес Константин Петрович и протянул юному флейтисту красные сапоги. — Я перевожу тебя в лейб-гвардии Апшеронский полк, где служил твой отец. И еще одно, Иван Дмитриевич, теперь я сделаю все, чтобы заменить тебе отца...

— Спасибо, государь! — сглотнув, тихо прошептал мальчик, но Константин, положив руку

на плечо, нажатием пальцев сам выразил свою признательность, и юный солдат это понял. И только сейчас он не сдержался, заплакал навзрыд, прижавшись к мундиру.

Дав мальчишке выплакаться, Константин отер его лицо платком и протянул на ладони сверкнувшие золотом и серебром кресты на георгиевских черно-оранжевых ленточках.

— Это награды твоего храбрейшего отца и моего друга, Иван Дмитриевич! Храни их как память!

— У тяти было только три знака отличия Святого Георгия, ваше величество! — совершенно серьезно произнес мальчик. — А здесь белый георгиевский крест, офицерский, у него такого не было.

— Он спас мне жизнь, и Дума решила, что отец твой, поручик Тихомиров, достоин этой высокой награды! Я отдаю тебе свой орден, его я получил за Адрианополь! Теперь он — награда Дмитрия Ивановича, ты храни его! — Константин Петрович положил в узкую ладошку белый эмалированный крестик и всей ладонью сжал маленькие пальцы...

Ямайка

— Ну что ж, тряхнем стариной!

Алехан осмотрелся в поисках подходящего оружия, шпага показалась ему чересчур легкой.

На улицах города кипел ожесточенный бой. Столица английской Вест-Индии была переполнена всяким сбродом, многие из которых раньше были «джентльменами удачи», и вот теперь вся эта вольница вместе с одетыми в красные мундиры солдатами отчаянно сражалась за свои собственные шкуры. Они прекрасно понимали, что пришло возмездие за прошлые злодеяния и разбойничьи набеги на соседей.

Алексей Григорьевич собственными глазами видел, как союзная эскадра атаковала английский флот. Вот только британцы не ожидали, что русские корветы, названные по именам святых, вооружены столь страшным и невиданным в здешних водах оружием.

Наверное, английский кэптэн с презрением улыбался, глядя, как маленький русский корвет подходит на пистолетный выстрел к его многопушечному линкору. Но как пика святого пронзила змея, так и торпеда своим взрывом проломила борт вражеского линкора.

Столь же успешна была и атака «Иоанна Златоуста». А в это время с других союзных кораблей на берег хлынул застоявшийся десант, и на улицах Кингстона началось бесшабашное русское веселье...

— А ну-ка, болезные! Поберегись! — во все горло закричал Алехан, поднимая над головой здоровенный гарпун, неизвестно как оказавшийся на улице, и бросился на большую группу бывших флибустьеров — расхристанных, с гнилыми зубами, воняющих перегаром дешевого рома.

Дальше все замелькало перед глазами, вся накопившаяся за эти долгие пять месяцев злоба и ненависть вылилась из Орлова страшными и беспощадными ударами.

Он сражался не на жизнь, а на смерть, не обращая внимания на полученные удары, впав в отчаянное безумие. Он превратился в берсерка, одного из тех самых викингов, что когда-то наводили ужас на всю Европу, — неуязвимых, свирепых, являвшихся ожившим кошмаром для любого врага...

— Все, Коля, умираю...

Боли не было, тело оцепенело, но Алексей Григорьевич чувствовал, как вместе с кровью его покидает жизнь. Он не боялся смерти — вся жизнь прошла в сражениях и походах, в которых погибли его братья и многие другие соратники, и теперь он с ними увидится в Царствии Небесном. Так чего же горевать русскому воину, положившему жизнь за Отечество и други

своя?

Из последних сил, захлебываясь кровью, он спросил:

— Город взяли, сынок?

— Взяли, Алексей Григорьевич, наш он теперь!

— Это хорошо! — Алехан улыбнулся, попытался приподнять руку, но не смог, сил уже не осталось. И тогда он прохрипел, выдавливая из себя слова: — Славная была битва...

ПОСТСКРИПТУМ ПЕРВЫЙ

**Все лица, учреждения и события вымышлены
Любое сходство есть случайное совпадение**

Иркутск

6 января 1992 года

Петр, щурясь, открыл глаза. Солнечные зайчики сквозь плохо задернутые шторы пробивались в комнату.

— Мороз и солнце, день чудесный! — цитировавший классика Хворище сидел на койке, поджав кривые прыщавые ноги, и задумчиво скреб грязными пальцами заросший щетиной подбородок.

— Отвали, Серега...

Петр захотел отвернуться и заснуть, как справа от него, с продавленной кровати Лысого, раздались сначала негромкие смешки, а затем началась явная возня с определенным подтекстом под аккомпанемент скрипучей сетки. Он приподнялся на локте и теперь уже полностью лицезрел картину циничного разврата, устроенного в который раз любвеобильным Вовчиком.

Из-под одеяла торчали четыре ноги: две маленькие, явно женские, а еще две, в разноцветных дырявых носках с грязными пятками, принадлежали его второму, вечно озабоченному соседу по комнате. Сопение под покрывалом нарастало, послышалось чмоканье.

— Лысый, мать твою, может, хватит, а? — Петр уже сидел, натягивая майку. — Просили же ведь не водить баб в комнату.

— А че? — из-под одеяла высунулась недовольная морда Лысого. — Энгельсина опять закрыла читальню. Нам че, снова в душевую идти?

— Че, че, через плечо!

Петр громко выругался, надевая синее трико с отвисшими коленками. Накинув куртку, он проверил в кармане пачку «Явы» с последней, заныканной с вечера сигаретой.

— Я покурить...

Петр ухмыльнулся, краем глаза заметив, что Хворище тоже засобирался с ним, резонно рассчитывая на халявный бычок.

Проходя по пустынному коридору общаги, он задержался у доски объявлений. Причина была проста: в начале декабря рядом со списком дежурств по этажу на месяц появился интересный, с его точки зрения, опус. Некто вывесил объявление следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Прошу вас, войдя в сложное положение человека, потерявшего проездной на трамвай-троллейбус на декабрь, вернуть его, так как месяц только начался, а денег на новый билет у меня нет. Заранее вам благодарен и признателен. Также обещаю со своей стороны небольшое материальное вознаграждение. Обратиться за справками к Энгельсине Эдмундовне». Внизу стояла дата — 5 декабря.

Судя по витиеватому стилю, писал кто-то из филологов. Но Петр, прекрасно зная студенческие нравы, сделал определенный вывод, что этим дело не закончится.

И сейчас он понял, давясь от смеха, что не ошибся — на доске, прикрепленный кое-как, висел обрывок бумаги, с одной стороны заляпанный чем-то жирным. Однако содержание, несмотря на дрожащую руку писавшего, было выше всяких похвал:

«Я по поводу проездного. От души выражаю признательность и благодарность

тому г...ну штопанному, который вернул мой проездной. Лучше бы ты его не вернул, а засунул себе в задницу, м...ло! 2 января».

Как говорится, занавес!

Проходя мимо вахтерши, он поздоровался. Она, оторвавшись от литровой стеклянной банки с домашней картошечкой, сдобренной солеными огурцами, доброжелательно кивнула ему в ответ.

Вообще, доброжелательность и Энгельсина были понятиями мало совместимыми. Как, например, можно представить себе доброжелательного бультерьера? Так и Энгельсина: сидит, рот оскалила в улыбке, а со стороны кажется, что это она челюсти разминает, перед тем как вцепиться.

Тем не менее отношения у них были хорошие, и Петр старался не доводить до греха, шкерясь с сигаретами по туалетам, — не малолетка, чай. Он честно выходил курить на улицу, хотя сейчас, зимой, это было малоприятным занятием. Вахтерша, в свою очередь, это ценила и давала ему кое-какие поблажки.

Вообще, она его особо выделяла, благо он и постарше был, да и опыт кое-какой в жизни имел. Бывали случаи, когда она сама обращалась к нему за помощью: дерущихся до приезда милиции разнять, особо рьяных ухажеров, стремящихся любой ценой попасть к своим мамзелям, выпроводить, а иногда и просто поболтать о том да о сем.

Энгельсина — это не кличка, так в двадцатые годы родители называли детей, давая новые коммунистические имена. Не менее звучное было и отчество — Эдмундовна, которое порой переделывалось в совсем уж неприличное слово, если вахтерша особенно лютовала. Но бабка — кремень, гвозди бы делать из этих людей!

При Берии служила вертухаем на зоне, за что поимела орден Красной Звезды. На вахте же старушка была чистым цербером. Своей клюкой Энгельсина орудовала шибче шаолиньского монаха, чему Петр был многократным свидетелем.

Выходя на крыльцо, он грудью в лоб столкнулся с пареньком, которого уже видел мельком пару раз. Этаким хмырь, в очочках, такой весь из себя интеллигентный, симпатишненький, с тремя замерзшими гвоздичками в дрожащих ручках, взгляд возвышенный и мечтательный.

Он явно на что-то рассчитывал, собираясь пригласить одну из местных девиц на романтическое свидание в местную филармонию или органнй зал, благо недалеко топать, а на улице мороз.

— Ща Энгельсина его выпрет, зуб даю! — Хворище, стоявший рядом, подпрыгивал от мороза, но с самурайским терпением ожидал, когда Петр докурит до половины и отдаст ему, как он выражался «допинать габасик».

И точно. Петр, закрывая за собой дверь в холл, услышал зычный голос старой вахтерши, для которой прошедшие годы не изменили сути службы:

— Шо вы хотели, вьюноша?

Начало было интригующим, и Петр, хорошо зная повадки Энгельсины, задержался у стенда, делая вид, что читает какую-то лабудень о жизненных прелестях его родного факультета.

— Извините, вы не можете позвать Свету из 312-й комнаты?

— Это хто такая? — Энгельсина, глядя из-под очков, продолжала поедать картошку.

— Ну... Ну... она блондинка такая, на психологическом учится...

— Нету ее! — грозно обрезала вахтерша между чавканьями.

Очкарик задумался, нахмурил лобик и выдал:

— А Олю, ее соседку? Она брюнетка, глаза голубые, высокая. Тоже на психологическом

учится.

— Нету ее, сказала же! — Ложка гремела уже по дну банки.

Петр решил было, что теперь типец отвалит несолоно хлебавши. Действительно, Энгельсина, демонстративно облизав ложку и убрав банку в стол, отвернулась. Погрузившись в недра своего баула, она стала что-то сосредоточенно там искать, давая понять, что аудиенция закончена.

На столе по очереди появились зонт (зачем ей зимой?!), одна за другой несколько косметичек, кошельков и сумочек размером поменьше, пакет с вязаньем и торчащими огромными спицами (мечта киллера-ниндзя!).

Петр перевел дыхание, однако, как из рога изобилия, извержение из недр сумки продолжалось. Позвякивающая связка то ли ключей, то ли отмычек весом кило на два, объемистый томик в потрепанном красном переплете (определенно мемуары Железного Феликса!), газовый ключ, следом плоскогубцы (никак бабуля подрабатывает ночами у рэкетиоров, только утюга не хватает!) и еще куча всякой всячины предстала перед глазами изумленного Петра. Оказывается, Энгельсина искала открывашку, которая, как всегда, оказалась на самом дне сумки.

Для Петра, как любого нормального мужчины, обладавшего здоровой логикой и реалистичным трехмерным восприятием пространства, нерешаемой задачей было то, как женщины умудрялись впихнуть в свои кошелки столько ненужного барахла, при этом называя их игриво дамской сумочкой!

Но самым главным было то, что, таская все это с собой, они в нужный момент в этой самой сумочке ничего никогда не могли найти!

Не обращая ни на кого внимания, Энгельсина свалила все назад в баул и продолжила трапезу.

Следующими по очереди значились уже дефицитные сейчас астраханские кильки в красно-синей баночке, их торопил закипающий чайник. Открытая баночка рыбных консервов призывно манила ароматами.

Хитрые кильки подмигивали с куска хлеба, куда их щедро укладывала вахтерша, перед тем как отправить в рот. За спиной голодный Хворин жадно сглотнул, а заурчавшее пузо ему вторило: «Пора уже есть, господа!»

— Надо этому донжуану надавать по жбану, — он, как всегда, скаламбурил, — а то он всех наших девок окучит зараз — пи... — под взглядом Петра он осекся, не завершив нецензурную рифму.

— Гляди, не ушел, греется еще здесь, зараза!

— Тебе что, батареи жалко? Видишь, у человека проблема: лампочка горела, а Света не давала! — Петр сочувственно посмотрел на парня.

Однако очкарик решил не сдаваться. Что-то пробормотав про себя, он ринулся к вахтерше с одержимостью камикадзе, увидевшего вымпелы американских авианосцев. Набрав воздуха во впалую грудь и зажмурившись, он выпалил:

— Не будете ли вы так любезны пригласить Галину с комнаты 408! Она тоже на психологическом учится.

Не ожидавшая такого напора Энгельсина ойкнула и выронила последний бутерброд. Кильки плюхнулись обратно в банку, щедро обдав ее томатными брызгами. Шифоновая блузка, как и настроение вахтерши, были безвозвратно испорчены.

— Вьюноша, вы не поняли? Я сказала русским по-белому: никого нет с психологического! Все девки по домам на каникулы разъехались!

— И что, совсем никого нет? — шмыгнул парень носом, растерянно теребя гвоздики.

Вахтерша исподлобья смотрела, но молчала.

— И... и что же мне делать? — не унимался он, не понимая, что размахивает красной тряпкой перед быком.

Петр цыкнул дергавшему его за рукав Хворищу — мол, смотри, что сейчас будет.

— А хрен его знает! — Энгельсина встала, могучим телом возвышаясь над столом, словно грозовая туча, и отрезала, как метнула молнию. — Е... — она громко кашлянула, — трахайте филологов!

Очкарик, не ожидая такого, застыл соляным столбом, выронил цветы, а через мгновение, побледнев, а затем покраснев как рак, пулей вылетел на улицу, по пути чуть не влепившись в согнувшегося от смеха Хворище. Петр же, прислонившись к стене, молча открывал рот, как выловленная рыба, хватая воздух — смеяться не было сил.

— Антиллегент хренов! — подвела итог Энгельсина.

— Энгельсина Эдмундовна, вы чай с медом будете? — Петр, всхлипывая остатками смеха, обратился к ней. — Меня на днях угостили.

— Угу. — Она, наклонившись, извлекла из недр тумбочки пол-литровую банку. — Не пожалей бабушке, служивый!

— Яволь, герр майор!

Петр ничуть не обиделся, прихватив с собой ее банку. Он прекрасно знал, что в бабулиной заначке мед будет целее, чем в студенческом холодильнике, к тому же она угощала его частенько: то своей выпечкой, то подбрасывала картошечки с домашними разносолами.

Открывая дверь в комнату и столкнувшись прямо лоб в лоб с ночной страстью Лысого, он скривился от жуткой смеси запахов табака, лука, перегара и пота, разившей от девицы.

«Нет, я бы столько не выпил! Где же он разыскивает таких уродин? Мало того, что не фонтан, как бэтмен в ночи, так еще, видимо, она и храпела этой ночью!»

На все насмешки своих товарищей небрежливый Лысый всегда отвечал просто: «Если страшная — это, конечно, минус, если дура — это минус, если дает, то минус на минус будет плюс. Да и уламливать не приходится!»

За свои сексуальные подвиги этот рыжеволосый студент с густой кучерявой шевелюрой и получил кличку Лысый, что приводило в недоумение окружающих, слышавших это прозвище.

Дело в том, что на причинном месте у сего субъекта растительность полностью отсутствовала, а женщины, как известно, не только любопытны, но и болтливы. А также мстительны, как кошки. Ну это когда ты ее против шерсти погладишь, а она тебе втихушку в ботинки нагадит.

Так как ограничиться в количестве, не говоря уже о качестве, Лысый не мог, то жизнь в их комнате потихоньку стала превращаться в начинающие набирать популярность бразильские и мексиканские сериалы. Отличие было лишь в том, что действующими лицами помимо их воли нередко становились и Петр с Хворищем.

Конец их терпению пришел после того, как очередная нимфа, которой Лысый выписал отставку, улучив момент, выплеснула ведро кипятка на голову Вовчику, как она посчитала.

Однако в темноте студенческого туалета, в котором лампочка отсутствует по определению, она не разобрала, что это был не Вовчик, а Хворище, на свою беду попавший под ее горячую, в прямом смысле, руку. Спасло его только то, что она ждала достаточно долго и вода успела остыть, так что Хворин отделался чудом.

В итоге они, уставшие от амурных походов соседа с последующими разборками между ним и визжащими, царапающимися девицами, сначала хотели устроить Вовчику «темную», но передумали.

Петр еще в армии усвоил простую истину: «Дураков учить — только портить», поэтому

бить они его не стали, но все равно по окончании летней сессии отомстили.

Напоив до поросячьего визга, в невменяемом состоянии погрузили в междугородный автобус и в таком виде отправили на каникулы домой к родителям, заменив вещи в чемодане гантелью, ворохом грязных носков и использованных презервативов, которые ради этого дела тайно собирали в течение полугода...

Следом за Петром ввалился Хворище с подобранными цветами и сочно плюхнулся тощим задом на жалобно скрипнувшую койку.

— Твоей пригодятся!

Цветы перекидали на кровать Лысого, который сосредоточенно рылся в куче белья, вываленного на пол из тумбочки.

— Вова, пасьянс зря раскладываешь! — Лысый поднял голову на глубокомысленное замечание Хворища.

Смысл данной фразы был прост. Студенческий пасьянс заключался в следующем: соберите все грязные носки в комнате, постирайте их, высушите. Сложите вместе с остальными чистыми носками. Тщательно перемешайте. Разложите. Отложите все рваные носки (пригодятся). Затем сложите по двое все остальные носки. Если после этого носков на полу не осталось — пасьянс сошелся!

— Я вчера твои носки со стула и свитер дал Димону, он к бабе собирался, вроде вечером обещал вернуть! — с тем же задумчивым видом произнес Сергунчик.

На «козел, без меня ничего не бери» он привычно отмахнулся, уже выуживая из холодильника последний кусок сала и чеснок.

Петр, нарезая черствый хлеб, обернулся к Лысому:

— Ты бы, Вова, с бабами бордельеро-то заканчивал, авось подцепишь от таких образин заразу...

— Ага! — довольно заржал Хворище. — У тебя иммунитет слабый, Вовчик, триппер не гриппер! — сегодня он был в ударе и сыпал перлы налево и направо. — Помрешь от недостатка витаминов! Га-а-а!

— Лучше меня, как нормального мужика, доканают трипперище, чем кончиться от дрища! — Лысый не остался в долгу, а Петр заулыбался.

Новый, 1992 год студенты встретили весело. Раскулачив родителей на продукты питания, приволокли после праздников в общагу целые сумки жратвы, так что пили, ели и веселились три дня.

Любивший халявные харчи Хворин, не ездивший домой на каникулы по причине экономии, сначала за день опустошил собственный холодильник, втихаря слолав то, что было запасено на все праздники и полагалось на троих, потом два дня пасся у девчонок, обожрал их окончательно и был с пинками выставлен вон. Апофеозом праздника живота стал занимательный день толчка: Хворин не вылезал из туалета все вчерашние сутки, и днем и ночью. Крепкий студенческий желудок, способный переваривать гвозди, не выдержал такого количества пищи и устроил бунт...

Переругиваясь скорее для вида, они доедали остатки сала с хлебом и чесночком, предусмотрительно закрыв дверь на ключ, потому как голодных дармоедов на халяву кормить никто не собирался.

Сегодняшний день ничего интересного не обещал. Как говорится, дело было вечером, делать было нечего, и Петр решил отоспаться. Солдат спит, служба идет — еще один нехитрый принцип он твердо усвоил в армии и, когда его разбудил Лысый, не удивился, что командирские показывали шестой час вечера.

— Рык, тебе к Лизавете идти, а? Пойдешь?

Еда едой, а выпить хочется. Петр понял настрой сотоварищей, еще с утра намекавших ему на то, что не мешало бы сходить «репетиторствовать» к прыщавой второкурснице, барышне-переростку, томно и безответно влюбленной в него уже почти год, а заодно набить сумку продуктами, что еженедельно притаскивала к ней многочисленная деревенская родня. Праздничные харчи закончились, до стипендии далеко, и скоро все разом дружно положат зубы на полку.

— Куда деваться, пойду...

ПОСТСКРИПТУМ ВТОРОЙ

Киль

6 января 1804 года

— Парни, как я по вас соскучился!

Сон был реальностью, ибо так он провел свой последний день *там*. И вот сейчас открылась калитка, он снова вернулся в свою молодость, туда, откуда не возвращаются.

Из глаз текли слезы, и Петр плакал не стесняясь. Прикоснуться к своей молодости дано не каждому. С отчетливой пронзительностью он понял, что именно в то время нищенского студенчества, практически без денег, с книгой в руках, он был по-настоящему счастлив.

Да, да, счастлив!

В таком состоянии он никогда не находился здесь, хотя к его услугам имеется многочисленная армия слуг и лакеев, на столе по большому счету нет только птичьего молока. Петр мог потребовать любые яства и одежду, или что другое, и десятки людей стремглав и с радостью бросались бы исполнять его волю и любой каприз.

— А ведь здесь я родился. Вернее, мое тело...

Петр медленно оглядел, будто в первый раз, убогую комнатенку, хоть и порядком приукрашенную к его визиту.

Именно здесь Анна Петровна, дочь императора Петра I, произвела на свет сына, будущего герцога Голштинского, императора Всероссийского, того самого, что стал жупелом российских историков, Петром III Федоровичем, в чье тело он так аккуратно переместился. Поменялись они оболочками, судя по всему, именно в тот день шестого января, всего за несколько часов до Рождества.

— Мистика... — еле слышно пробормотал Петр, вставая с мягкой перины. Покидать постель ему не хотелось, мягкая нагретая кровать манила. Но он уже давно стал слугой своего долга.

Конечно, можно было бы немного полежать, понежиться, позвать лакеев, чтоб почесали пятки, и те с превеликим удовольствием будут исполнять этот каприз, бросая преданные и искательные взоры на своего повелителя. Ему сейчас все можно на такой «крутой» должности...

— Но зачем? — Петр скривил губы. — Обойдусь как-нибудь сам! Привыкли мы без прислуги обходиться.

Удобная военная форма привычно спрятала его тело, жесткие вставки в погонах чуть давили на плечи. Вот только сейчас появился молодой лакей, причем потомственный, сын того самого арапа Нарцисса, по имени, смех и грех, Пион.

«Как самоходная установка!» — привычно усмехнулся Петр, глядя на подготовку к утреннему туалету. Помывшись, почистив зубы, он позволил арапу повязать на шею два ордена на широких лентах и уселся за стол в соседнем кабинете, поглядев на себя в зеркало.

«А ты ничего, парень, вон какой brave!»

Глядя на свое отображение, Петр даже загордился — пусть волосы немного припорошила седина, это даже хорошо, серебро всегда благородно, в отличие от тщеславного и коварного золота, зато плечи прямые, фигура животиком не обзавелась, да и на лице не так много морщин. А если посмотреть издали, так вообще за юношу принять можно.

— Красавец! — крикнул Петр, глядя в зеркало. — Сейчас бы водки взять да закуси разной и в общагу, к Хворищу и Лысому закатиться... Вот бы погулеванили! Парни такой жрачки и не видели!

Он на секунду представил, какими бы глазами парни смотрели на буженину, розовую в прожилках ветчину, копченую осетрину, раков в пармезане, пожарские котлеты, ноздреватый, пахучий сыр, черную икру с белыми грибами, копченное на скорлупе ореха мясо и ет сетера, ет сетера — какие были бы глаза у уставившихся на это изобилие вечно голодных собратьев-студентов.

— Пронесло бы их, ей-богу пронесло!

Петр весело хмыкнул, представив последствия такого пиршества, а в голове пронзительным молоточком застучала мысль:

«Почему же наш народ так несчастен? Что мы сотворили в прошлом, что весь двадцатый век маемся! Революции, голод, Гражданская война, террор, перестройка. Все время что-то строим, потом переделываем, что за казни египетские?!»

Петр тяжело вздохнул, медленно прошелся по кабинету, снова посмотрел в зеркало. В глаза сразу бросился большой белый крест Святого Георгия и столь же большой, но с пятью лучами, орден Почетного легиона, высшей степенью которого он был вчера награжден генералом Гошем.

Пришлось, как водится, делать ответный подарок, истратив одну из двух имеющихся вакансий для иностранцев — собственными ручками наложить через правое плечо французского генерала широкую голубую ленту, стянув ее концы медальонным двуглавым орлом, на груди которого топорщился голубой крест Святого Андрея Первозванного.

— Антанте корриаль... «Сердечное согласие» в действии. Эх, посадить бы войска удачно! И все... С войнами надо кончать, хватит, побаловались! Человека девять месяцев вынашивают, потом двадцать лет кормят, учат, воспитывают, а его, бац, и за одну секунду убивают! Нет, русская кровь — не водица, лить я ее не буду и другим не дам! И потомкам тоже не дам! Может, ну ее, корону императорскую, пусть Саша носит. Уже матерый, толковый, в расцвете сил, справится, казак, давно не маленький. Начинания мои все в жизнь претворит полностью, да от себя добавит...

Петр подошел к столику, взял папиросу из золотой коробки, первую за неделю, закурил и снова продолжил хождение из угла в угол, ведя сам с собой долгий разговор:

— А я в Государственном Совете с Като рядом сяду! Если что, подправим сына, посоветуем. А он и сам научится управлять, и внуков научит, разумения хватит. Все, Петр Федорович! Пора тебе на пенсию уходить, на заслуженный, так сказать, отдых. Ты ведь не Брежнев, чтобы пожизненно на престоле сидеть. Хватит, баста!

Мысль успокоила императора, он, в две затяжки докурив папиросу, затушил ее в небольшой хрустальной вазе, специально для того стоящей, и негромко, но решительно произнес:

— Но вначале нужно окончить войну с Англией! И мы ее закончим как нужно...